

218
7908

КУПЛЕННАЯ НЕВѢСТА.

ПОВѢСТЬ

А. Пазухина.



Москва

Типографія Вильде, Верхняя Кисловка, собственный домъ.

1895.

КУПЛЕННАЯ НЕВѢСТА.

ПОВѢСТЬ

сч. Пазухина.

— ❧ Изданіе Е. А. Губанова. ❧ —

МОСКВА.

Типографія Вильде, Верхняя Кисловка, собственный домъ.

1895.

Дозволено Цензурою, Москва, 30 Ноября 1894 г.



2007064486

I.

Дѣло было давно.

Москва только что шумно и весело отпраздновала святки и встрѣтила новый 1822 годъ. Стояло морозное и ясное утро январьскаго дня. „Отставной гвардіи поручикъ“ и богатый помѣщикъ Павелъ Борисовичъ Скосыревъ только что проснулся и кушалъ чай, лежа въ постели, въ московскомъ домѣ своемъ на Большой Никитской. Хорошенькій мальчикъ, „казачекъ“, стоялъ передъ бариномъ съ подносомъ, другой казачекъ держалъ трубку, а рослый лакей съ громадными усищами, одѣтый въ сѣрую куртку и широкіе шаравары съ красными лампасами, готовилъ на туалетномъ столикѣ бритвенный приборъ.

— Халатъ! — крикнулъ Павелъ Борисовичъ и поднялся съ кровати, поставивъ на подносъ допитый стаканъ чаю. Лакей быстро подалъ голубой бархатный халатъ, помогъ барину надѣть сафьянные татарскіе сапоги съ золотымъ шитьемъ, и баринъ всталъ съ постели.

Ему было лѣтъ сорокъ пять, но красивое, съ

большими черными глазами, съ такъ называемымъ орлинымъ носомъ и широкимъ открытымъ лбомъ лицо его носило слѣды очень бурно проведенной молодости. Морщины избороздили лобъ Павла Борисовича, легли на щекахъ, около глазъ, сморщили кожу подъ энергичною нижнею губой, которая выдавалась съ челюстью впередъ, обнаруживая твердый характеръ и крутой нравъ Павла Борисовича. Когда то огненные глаза гвардіи поручика смотрѣли теперь тускло и лишь порою загорались былымъ огонькомъ и сверкали то грозно, то любовно изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей. Въ черныхъ, какъ смоль, и курчавыхъ волосахъ Павла Борисовича серебрилась сѣдина, особенно теперь, утромъ, когда крѣпостной парикмахеръ не отдѣлалъ ее краскою и не сдѣлалъ еще прически барину. Надъ верхнею губой, на подбородкѣ и на щекахъ показалась изсиня-черная щетина небритыхъ усовъ и бороды. Павелъ Борисовичъ встрѣтилъ новый годъ очень бурно, весело, простудился и хворалъ три дня, не брѣясь и не вставая съ постели. Сегодня онъ почувствовалъ себя лучше и всталъ. Не любилъ хворать Павелъ Борисовичъ, да и рѣдко хворалъ, обладая желѣзнымъ здоровьемъ, которое не могли сокрушить ни бессонныя ночи, ни кутежи, ни военная служба съ походами, ни охота съ борзыми, въ которой проходили иногда цѣлыя сутки то подъ проливнымъ дождемъ, то въ осеннюю стужу.

Рослый съ могучими плечами и грудью, какъ

изъ стали слитый, Скосыревъ могъ похвалиться и несокрушимымъ здоровьемъ, и силой, и небывалою выносливостью. Если онъ ложился въ постель, то, значить, причина была очень ужъ уважительная.

Потянувшись и расправивъ усталые лежаньемъ члены, Павелъ Борисовичъ взялъ у казачка трубку, закурилъ ее отъ поданной тѣмъ же казачкомъ длинною свернутою палочкой бумажку и сѣлъ въ кресло передъ туалетнымъ столикомъ.

— Гдѣ же Сашка?—спросилъ онъ у лакея.

— Ждетъ въ билліардной.

— Такъ зови же его, болванъ! Мнѣ его ждать, что ли, теперь прикажешь!

— Сами не приказывали пускать, пока не позовете,—грубовато отвѣтилъ лакей, видимо избалованный фаворитъ барина.

— Ну, ну, безъ разговоровъ! Позвать Сашку, готовить платье и Пушерина ко мнѣ.

— Какое платье подавать?

Баринъ оглянулся на лакея и улыбнулся.

— Вы, кажется, не въ духѣ сегодня, Порфирій Петровичъ? А?—спросилъ онъ! — Чѣмъ изволили васъ прогнѣвать и кто?

Лакей угрюмо смотрѣлъ въ уголь и ничего не отвѣчалъ.

— Васъ я спрашиваю, Порфирій Петровичъ,—продолжалъ баринъ.

— Извольте отвѣтить, какое подавать платье...

— Не желаете отвѣчать, стало быть? Извините,

Что побезпокоилъ. Коричневый фракъ подать мнѣ, голубой бархатный жилетъ и сѣрые брюки.

Лакей пошелъ.

— Порфимка! — крикнулъ баринъ.

— Чего изволите?

— Чтобы я не видалъ больше пестной рожи твоей. Слышишь? Я не люблю этого, пора тебѣ знать. Ты это о Лизкѣ все скучаешь, я знаю, такъ брось, будетъ. Увижу еще разъ кислую мину и отдую. Ступай!

Лакей вышелъ. Черезъ минуту въ опочивальню Павла Борисовича вошелъ крѣпостной парикмахеръ его Сашка, получившій куаферное образованіе въ Парижѣ, а слѣдомъ за нимъ, не вошелъ, а вкатился шарикомъ, маленькій кругленькій человѣчекъ, съ краснымъ, какъ у новорожденнаго младенца личикомъ, съ мягкими бѣлыми волосами на голо вѣ, чисто выбритый, опрятно одѣтый. Это былъ главный управляющій Павла Борисовича и повѣреннѣйшій по всѣмъ дѣламъ его Ефимъ Михайловичъ Шушеринъ, бывшій крѣпостной господъ Скосыревыхъ, но отпущенный на волю еще отцомъ Павла Борисовича. Шушерину было лѣтъ пятьдесятъ, но казалось гораздо менѣе, а маленькіе, быстрые и хитрые глазки его смотрѣли совсѣмъ по юношески; онъ видѣлъ ими очень далеко, хотъ и заплыли они жирковъ. Шушеринъ любилъ покушать, понѣжиться, но крѣпкихъ напитковъ никогда не употреблялъ, образъ жизни велъ правильный и удивительно сохранился.

Быстро сѣмня толстыми короткими ножками, подошелъ Шушеринъ къ Павлу Борисовичу и поцѣловалъ его въ руку.

— Съ добрымъ утречкомъ, батюшка Павелъ Борисовичъ, съ новымъ годикомъ васъ, съ новымъ счастьемъ. Еще не видалъ васъ въ новомъ то году, не удостоился. Какъ здоровьице то ваше, сударь?

— Да вотъ всталъ сегодня, ѣхать хочу, Христіанъ Богданычъ разрѣшилъ. Ну, отойди подальше, я бриться буду.

Парикмахеръ намылилъ щеки барина душистымъ мыломъ и принялся его брить, пользуясь привилегіей брать барина и за носъ и за подбородокъ, и поворачивать его голову во всѣ стороны. Процессъ бритья происходилъ въ полнѣйшемъ молчаніи; казачки даже дышать громко боялись, но когда парикмахеръ умылъ выбритое лицо барина теплою водой съ душистымъ амбре и приступилъ къ дѣланію шевелюры, баринъ спросилъ трубку и заговорилъ съ Шушеринымъ.

— Ну, что новаго? — спросилъ онъ.

— Особеннаго ничего нѣтъ, батюшка Павелъ Борисовичъ. Пріѣхалъ изъ Чистополя Герасимъ, оброкъ генварскій привезъ, гусей тамъ, утокъ, полотковъ для вашей милости и всего подобнаго прочаго. Ждетъ, дабы на поклонъ вашей милости явиться. Въ Чистополи все благополучно, слава Тебѣ, Господи Христе. Вчерашняго числа и изъ Лавриконъ Пармень пріѣхалъ, тоже все благопо-

лучно. Деньги я въ ломбардъ свезъ, на расходы для вашей милости есть въ наличности, а мнѣ ничего не требуется. Вотъ и все, батюшка сударь, и весь мой докладъ. Дворня маленечко погуляла на праздникахъ, но особенной дурости не было. Гришка было задурилъ, но я взыскалъ да Онисью поучилъ маленько въ части за злонравіе.

— Кучера не пьянствовали! Лошади всѣ въ порядкѣ?

— Лошади какъ огурчики, батюшка сударь, самъ ежечасно наблюдаю, а кучера, сами изволите знать у насъ непьющіе, акромья, конечно, Скворчика.

— Эта скотина все пьетъ?

— Пьетъ, батюшка сударь.

— Сказать ему, чтобъ бросилъ: онъ мнѣ нуженъ будетъ завтра.

— Слушаю-съ. Стало быть, въ Лаврики ѣхать изволите, батюшка?

— Нѣтъ, въ другое мѣсто.

— Слушаю-съ.

— Ступай, Шушеринъ, спасибо. Скажи, чтобы мнѣ сѣрыхъ орловскихъ въ возокъ запрягли.

— Слушаю-съ. Насчетъ Надежды сегодня прикажете доложить?

— Что?

— Насчетъ, говорю, Надежды чистопольской, которую купецъ Латухинъ выкупаетъ, прикажете сегодня доложить? Отпускаю ей падо выдать, какъ изволили приказать.

— Ахъ, да, я и забылъ.

Баринъ, выбритый, причесанный и надушенный, всталъ изъ-за стола и лакей подаль ему денную, согрѣтую и надушенную сорочку.

— Хорошо, пусть выкупаетъ, — продолжалъ Скосыревъ, дѣлая туалетъ. — Сколько онъ дастъ то за нее?

— Тысячу двѣсти ассигнаціями, батюшка, какъ вы изволили приказать.

— Она вѣдь швея, кажется, или модистка?

— Никакъ нѣтъ-съ. У покойной тетеньки вашей Прасковьи Васильевны въ камеристкахъ была-съ, мастерству никакому не обучена.

— Хорошенькая?

— Управитель выставилъ нижнюю губу и неопредѣленно отвѣчалъ.

— Нельзя сказать, чтобы благолѣпна очень-съ, такъ себѣ.

— Врешь, Шушеринъ! — засмѣялся баринъ.

— Осмѣлюсь ли, батюшка сударь, врать! Свое холопское сужденіе высказываю и оно можетъ быть ошибочнымъ.

— Ой, хитришь! Купецъ Латухинъ жениться хочетъ на дѣвкѣ, стало быть хороша. Дастъ онъ за хлопоты тебѣ столько же, сколько и за дѣвку, вотъ ты и стараешься. Вѣрно?

— Помилуйте, батюшка сударь!..

— Да ужъ знаю я тебя. Не тѣмъ я занятъ теперь, а то бы посмотрѣлъ я, что это за Надежда такая, которую купецъ замужъ беретъ. Можетъ,

и двухъ бы, и трехъ бы тысячъ не взялъ, ну, да ужъ быть по твоему, отпущу. Заготовить бумагу, я подпишу ужю. Надежда-то эта гдѣ?

— Она-то-съ?.. Она въ Чистопольи, у тетки. Птишница тетка-то ся, Варварой зовутъ.

Баринъ надѣлъ фракъ, повернулся передъ зеркаломъ и пошелъ изъ опочивальни, приказавъ подать въ столовую водки.

— Показать мнѣ эту Надежду, — сказалъ онъ на ходу.—Я пробуду въ Москвѣ еще недѣли двѣ, а ѣзды въ Чистополье взадъ-впередъ дней пять.

— Онъ вышелъ.

Шушеринъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, понюхалъ табакъ изъ серебряной табакерки и присѣлъ на кресло около туалетнаго столика. Парикмахеръ убралъ принадлежности своего мастерства и удалился, казачки пошли за бариномъ, неся одинъ трубку, другой—свѣчу и бумажки для закуриванія и въ спальнѣ, кромѣ Шушерина, остался только лакей Порфирій, убиравшій принадлежности барскаго туалета.

— Что, Ефимъ Михайлычъ, не выгорѣло ваше дѣло?—спросилъ онъ, ехидно смѣясь.

— То есть какое дѣло?

— Да насчетъ Надежды-то. Теперича ау, прощай! Увидить ее, такъ ужъ видимое дѣло не отпустить на волю.

— А почему?

— Потому—красавица.

— Ты видалъ ее, Порфирьюшка?

— Сколько разъ. Первая красавица во всей дворнѣ, у Прасковьи то Васильевны была, господа много съ ума сходили по ней.

Шушеринъ опять понюхалъ табаку, всталъ, притворилъ двери и подошелъ къ Порфирію.

— О Лизаветѣ тоскуешь, Порфирюшка? Жаль тебѣ ее? — съ ласковымъ участіемъ спросилъ онъ у лакея.

Тотъ мрачно насупился.

— Извѣстно, зря дѣвушку загубили, — отвѣтилъ онъ и швырнулъ барскій халатъ на постель. — Какъ служу, какъ стараюсь, жисти своей, можно сказать, не жалѣю для своего господина, ежечасно голову свою подъ обухъ изъ-за него подвожу, а гдѣ награда то отъ него? Ежели онъ золотой мнѣ швырнетъ, такъ мнѣ этого не надо, я и сытъ, и одѣтъ. Нѣтъ, онъ награди какъ слѣдуетъ оцѣни Порфирія за его службу, вотъ что!.. Прихожу намереніи и докладываю: такъ молъ, и такъ, сударь, дозвольте на Лизаветѣ жениться, потому какъ мы слюбились съ ней. И, батюшки мои! За-кричалъ, затопалъ, арапельникъ схватилъ. „Нѣтъ, — говоритъ, — моего на это разрѣшенія, потому, женатый ты мнѣ не слуга. Женатый, — говоритъ, — о женѣ, о дѣтяхъ думаетъ, а не о баринѣ. Знаю, — говоритъ, — что ты меня не продашь, не выдашь, пока холостъ, а ежели женишься — на бабу во всякомъ разѣ промѣняешь. И, — говоритъ, — холостъ, будь и ты холостъ“. Я докладываю, что не извольте, молъ, Павелъ Борисовичъ, безпо-

коиться: васъ-де я ни на кого не промѣняю, скажите слово, такъ я и жену, и все брошу, а онъ махнулъ рукой и вопъ выслалъ, ну, а послѣ того приказалъ вамъ Лизавету въ чистопольскую вотчину сослать и за Архипку конюха замужъ выдать. За Архипку! Лизавета то, сказываютъ, руки на себя наложить хочетъ.

— И наложить, — замѣтилъ управляющій. — Царень Архипка буйный, пьяный, мать у него вѣдьма сущая, замучаютъ Лизу.

Порфирій поблѣднѣлъ и злобно сверкнулъ глазами въ сторону той двери, въ которую ушелъ баринъ.

— Пусть и меня губить, а я ему теперича не слуга, — угрюмо проговорилъ онъ.

— Э, полно, Порфиша! — весело произнесъ Шушеринъ и хлопнулъ Порфирія по плечу, приподнявшись для этого на цыпочки. — Можно дѣло поправить.

— Поправить?

— Конечно. Все въ нашихъ рукахъ, Порфиша. Сдѣлаемъ сейчасъ Архипку больнымъ, либо мѣсто ему дадимъ въ Москвѣ, либо подобное что нибудь, и свадьбу отложимъ въ долгій ящикъ, а Лизу твою въ Лаврики переведемъ, уютно и укромно поселимъ ее на селѣ, ну, и твоя она, живи наслаждайся да удачливаго часа жди, когда баринъ въ духѣ будетъ и согласіе на вашъ бракъ дастъ...

Порфирій упалъ на колѣни и поклонился управляющему въ ноги.

— Батюшка, Ефимъ Михайловичъ, отецъ родной!—говорилъ онъ, лова полы сюртука Шушерина и цѣлуя ихъ. — Сдѣлайте такъ, заставьте Бога молить за васъ вѣчно!

— И сдѣлаю, Порфиша, право, сдѣлаю. А ты встань, не пристало тебѣ, барскому первому камердинеру, у такого же холопа въ ногахъ валяться. Встань, Порфиша.

Лакей всталъ.

— Всю жизнь вамъ слуга буду, Ефимъ Михайловичъ, — съ чувствомъ проговорилъ онъ. — Есть у меня сичасъ сбереже ныхъ пять золотыхъ, часы барскаго подаренія есть,—все вамъ отдамъ.

Управляющій махнулъ рукою.

— И, что ты! Стану я отъ своего брата слуги деньги брать! Нѣтъ, нѣтъ, ты мнѣ не этимъ послужи!

— Чѣмъ прикажете, Ефимъ Михайловичъ?

— А вотъ чѣмъ...

Управляющій опять оглянулся, еще плотнѣе притворилъ дверь, заглянулъ въ другую дверь, подошелъ къ Порфирію и усадилъ его на стулъ, присѣвъ рядомъ.

— Вотъ чѣмъ, Порфиша: не выдавай моего обмана. Прислушай, что я скажу тебѣ. Полюбилъ купецъ Латухинъ нашу Надежду чистопольскую и желаетъ ее выкупить на волю, чтобы жениться на ней, благодарность мнѣ, конечно, общаетъ,

племянниковъ моихъ въ люди вывести хочеть, и я все дѣло сіе устроилъ, осталось только барину вольную подписать, ну, а тамъ и женится Латухинъ на Надѣ, и дѣлу конецъ.., Все улажено, все устроено, да слышалъ ты, что приказалъ Павелъ Борисовичъ Надежду ему показать, ну, а ты правду молвилъ, что какъ увидить онъ ее, такъ и пропало все дѣло, потому Надя дѣйствительно красавица писанная, и баринъ ее никому не уступитъ, хоть ты за нее двадцать, тридцать тысячъ давай. Вѣрно?

— Это точно что, Ефимъ Михайловичъ.

— Такъ вотъ и хочу я, голубчикъ, замѣсто Надежды, другую дѣвицу барину показать.

— А, вотъ оно что! — невольно воскликнулъ Порфирій.

— Да. Баринъ Надежду никогда не видалъ, во всей дворнѣ только ты и знаешь ее, и мой подлогъ сойдетъ съ рукъ, какъ по маслу, а дѣвица ужъ у меня на сей предметъ приспособлена.

— Не страшно вамъ, Ефимъ Михайловичъ, на такое дѣло идти? Храни Богъ, узнаеть потомъ.

— Э, Порфиша, волка бояться — въ лѣсъ не ходить. Обдѣлывали и не такія дѣла. Узнаеть, да ужъ поздно будетъ, я вѣдь, человѣкъ вольный, Порфиша, я вѣдь, ежели что, такъ и со двора долой.

— А меня не выдадите?

— Зачѣмъ же я тебя выдавать буду, ежели ты мнѣ доброе дѣло сдѣлалъ? Жаль, голубчикъ,

Латухина то очень: весьма сильно влюбленъ онъ въ Надежду, и доведись дѣло до того, что-не отдастъ ему баринъ Надежду, такъ и до грѣха не долго, руки на себя человѣкъ наложитъ; любовь то, Порфиша, зла, сказываютъ.

— Зла, Ефимъ Михайловичъ.

— Ага, по себѣ знаешь? Вотъ и молчи, помогай мнѣ, а я твоё счастье улажу. Въ тотъ день, когда я вольную Надежды въ карманъ положу, Лиза твоя въ Лаврикахъ будетъ.

— Не обманите?

— Эвона что сказалъ! Ты вѣдь во всякое время барину про мой обманъ сказать можешь, а мнѣ, голубчикъ, мѣсто здѣшнее терять не сладко.

Шушеринъ хлопнулъ Порфирія по плечу, понюхалъ табакъ и отправился по своимъ дѣламъ.

II.

Въ Садовникахъ, неподалеку отъ берега Москвы рѣки, стоялъ красивый, лѣтъ пять тому назадъ построспный домъ купца Ивана Апемподистовича Латухина, торгующаго въ Гостинномъ дворѣ краснымъ и панскимъ товаромъ. Домъ семью окнами глядѣлъ на широкую улицу, имѣлъ мезонинъ съ итальянскимъ окномъ; крытая тесомъ крыша его, — желѣзомъ тогда крыли еще мало, — была выкрашена красною краской, а самый домъ былъ окрашенъ въ ярко-желтую, съ бѣлыми отводами во-

кругъ оконъ и по карнизу. Отъ дома по обѣ его стороны шель высокій тесовый заборъ съ массивными воротами, запертыми на замокъ. И заборъ, и ворота съ рѣзными верхами, коньками и навѣсами были выкрашены во ту же желтую краску. Длинная скамья, занесенная теперь снѣгомъ, стояла у воротъ для лѣтнихъ вечернихъ бесѣдъ съ сосѣдями и близкими людьми. Изъ-за забора смотрѣли на улицу тѣнистыя лѣтомъ березы, липы, рябины и тополи, посеребренные теперь инеемъ, печальные и задумчивые. Только что выстроилъ Анемподистъ Калистратовичъ Латухинъ этотъ домъ, только что перешелъ въ него и справилъ новоселье, какъ вскорѣ и умеръ, оставивъ домъ двадцатипятилѣтнему, не женатому еще сыну Ивану и старухѣ женѣ. Иванъ Анемподистовичъ наслѣдовалъ и все состояніе отца, довольно крупное, заключающееся въ кругленькомъ капиталѣ, въ двухъ лавкахъ, въ подгородной землѣ съ огородами, и въ этомъ новомъ, очень хорошемъ по тогдашнему купеческомъ домѣ, не говоря уже о „заведеніи“, въ видѣ множества серебра, мѣдной посуды, одежды, въ видѣ „Божьяго благословенія“ — иконъ въ дорогихъ окладахъ. Умирая, старикъ былъ покоенъ за сына, человѣка умнаго, торговаго, непьющаго и почтительнаго къ старухѣ матери. Одно лишь беспокоило немного старика, — нежеланіе сына жениться.

— Успѣю, батюшка, — отвѣчалъ сынъ на просьбы отца „вступить въ законъ“. — Время не ушло.

— Избалуешься, Иванъ, вотъ чего я боюсь, — говорилъ на это отецъ. — Человѣку едину быти не подобаеть.

— Я и не закаиваюсь, батюшка, жиниться, а только подождать хочу, ну, а на счетъ баловства вы не извольте беспокоиться; кажись, я на такого не похожъ.

Отецъ особенно не настаивалъ, да такъ и умеръ, не дождавшись женитьбы сына. Годъ послѣ смерти отца надо было выждать, потомъ невѣсты подходящей какъ то не было и Иванъ Анемподистовичъ остался холостымъ до двадцати пяти лѣтъ, что въ тогдашнемъ купеческомъ быту было рѣдкостью.

Годъ тому назадъ онъ совсѣмъ было рѣшилъ „принять законъ“ и старушка мать засылала уже сваху въ одно семейство, гдѣ была подходящая невѣста, какъ вдругъ Иванъ Анемподистовичъ уперся и объявилъ, что жениться пока не желаетъ. Причиной такого измѣненія рѣшенія была любовь.

Какъ то по веснѣ сидѣлъ Иванъ Анемподистовичъ въ своей лавкѣ и почитывалъ отъ нечего дѣлать академическій календарь, — время было глухое, дворянство все разѣхалось по вотчинамъ, а купечество отпировало свадьбы и готовилось по-немногу въ Макарьевскую ярмарку. Старикъ-прикащикъ дремалъ въ глубинѣ лавки за кипами товара, а мальчикъ-подростокъ, больше по привычкѣ, чѣмъ по необходимости, „зазывалъ“, стоя у лавки,

рѣдкихъ прохожихъ, выкликивая звонкимъ голосомъ товары и ихъ достоинства.

— Драдедамъ у васъ есть?—прозвенѣлъ серебрянымъ колокольчикомъ свѣжій, молодой женскій голосъ у лавки.

— Есть-съ, мадамъ, есть-съ, пожалуйста въ лавку-съ, первый сортъ отпустимъ, у насъ покупали.

Иванъ Анемподистовичъ замѣтилъ пальцемъ читаемое мѣсто и поднялъ голову. Передъ нимъ стояла дѣвушка лѣтъ девятнадцати въ розовомъ холстинковомъ платьѣ, въ сѣромъ бурнусикѣ и съ бѣлымъ шелковымъ платочкомъ на головѣ, изъ подъ котораго такъ и рвались, такъ и бѣжали черные, какъ смоль, выющіеся и мягкіе, какъ шелкъ, волосы. Смуглое личико дѣвушки было рѣжно, какъ персикъ, яркій румянецъ горѣлъ на щекахъ, изъ подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ смотрѣли глаза черные, ласковые, мягкіе, какъ бархатъ; румяныя губки чуть-чуть улыбались.

— Есть у васъ драдедамъ? — спросила дѣвушки Латухина, подходя къ прилавку.

Молодой купецъ уперся руками въ прилавокъ, наклонился немного впередъ, да такъ и замеръ. Никогда еще не видалъ онъ личика болѣе милаго, очей болѣе ласковыхъ, стана болѣе стройнаго и гибкаго. Бывали у него въ лавкѣ и барышни, и купеческія дочери, видалъ онъ въ Москвѣ много хорошенькихъ, но такой не видалъ. Передъ важными барынями и барышнями, которыя едва удо-

стоивали своимъ вниманіемъ низко кланяющагося купца, онъ робѣлъ, конфузился; купчихи большею частію были очень грузны, неповоротливы и тоже или важничали, или робѣли, а эта такъ просто говорила, такъ ласково и привѣтливо смотрѣла, такъ непринужденно облокотилась одною рукою на прилавокъ, а другою играла кончиками платка. Ручки у нея были хорошенькія, бѣленькія; на мизинцѣ лѣвой она носила серебряное колечко съ бирюзой.

— Есть драдедамъ?—повторила она.

Латухинъ очнулся наконецъ. Онъ быстро приподнялъ пуховую шляпу „французскаго фасона“, взмахнулъ ею по воздуху, поклонился и отвѣтилъ:

— Есть-съ, лучшій-съ... Антипычъ, покажи драдедамъ... Первыхъ сортовъ...

Задремавшій отъ бездѣлья прикащикъ Антипычъ не вдругъ пошевелился, тогда Иванъ Анемподи-стовичъ самъ схватилъ „штуку“ модной тогда матеріи драдедама и развернулъ на прилавкѣ.

— Вотъ-съ. Французскій товаръ, во всей Москвѣ другого куска изъ такихъ сортовъ не найде-съ

— Да, этотъ очень хорошъ, но мнѣ немного нужно, всего три аршина,—проговорила дѣвушка.—Барынѣ на оборку не хватило.

— Три вершка отрѣжемъ, а не то что-съ. Прикажете?

— А цѣна какая?

— Цѣна-съ?

Латухинъ быстро отмѣрилъ три аршина „съ поховомъ“ и отрѣзалъ.

— Ахъ, что вы это сдѣлали? — воскликнула дѣвушка.

— А что-съ?

— Да какъ же это? Вы отрѣзали ужъ, а цѣны я не знаю. Мнѣ барыня дороже трехъ рублей ассигнаціями давать не приказала.

— Трехъ-съ? А этотъ я вамъ отдамъ по два съ полтиной. По полтинничку отъ аршина на орѣшки останется.

— Иванъ Анемподистовичъ, вы, знать ошиблись. Этотъ драдедамъ по четыре съ гривной, вонъ мѣтка то, — замѣтилъ очнувшійся уже отъ дремоты прикащикъ.

Густая краска выступила на лицѣ молодого купца. Онъ сконфузился, смѣшался, но, однако, совладалъ съ собою и бросилъ на прикащика гнѣвный взглядъ.

— Не ваше дѣло, Антипычъ, ступайте на галдарею.

Старикъ ионялъ въ чемъ дѣло, чуть-чуть усмѣхнулся и вышелъ.

Поняла и дѣвушка, что это былъ ей подарокъ, уступка, быть можетъ, подкупъ. Она тоже покраснѣла и потупила глаза; губки ея перестали улыбаться.

— Получите, — тихо сказала она, подавая „бѣленькую“.

— Сударыня, вы обидѣлись, кажется? — робко

заговорилъ Латухинъ.—Я не ради чего нибудь, а ради только уваженія-съ. Отъ чистаго, можно сказать, сердца и ото всей души моей.

Красивый Латухинъ былъ такъ деликатенъ, такъ робко и нѣжно смотрѣлъ, такъ не похожъ былъ на прочихъ торговцевъ, которые ухаживали за простыми дѣвушками безцеремонно и дерзко, что дѣвушка ободрилась, перестала и бояться, и сердиться. Она взглянула на купца и снова улыбнулась.

— Да зачѣмъ же это? Не надо совѣмъ,—проговорила она.

— Дозвольте уступить для почину!—съ мольбою въ голосъ попросилъ Латухинъ.—Намъ это ничего не составляетъ, а для васъ...

— А для меня?

— А вамъ на орѣшки-съ. Въ услуженіи находитесь?

— Да, я горничная генеральши Прасковьи Васильевны Трескотьевой.

— Крѣпостныя-съ?

— Крѣпостная.

— Стало быть, капиталовъ вамъ взять негдѣ-съ, а по младости лѣтъ вашихъ вамъ и орѣшковъ, и конфетиковъ, и ленточку имѣть желательно, вотъ и пригодится-съ. Обидите, ежели не возьмете-съ. Мы продавать вольны по цѣнѣ, какую обозначимъ сами, намъ никто не указъ.

Дѣвушка подумала и согласилась. Латухинъ медлилъ давать ей сдачу, заговорилъ съ нею, про-

силъ не забывать его лавку и почувствовалъ себя влюбленнымъ, когда красавица ушла. Скоро онъ опять увидалъ дѣвушку въ своей лавкѣ, потомъ за всенощной въ приходѣ Никола Явленного, гдѣ былъ домъ генеральши Трескотъсвой, потомъ на гуляньѣ въ Подновинскомъ. Онъ узналъ, что она любимая камеристка генеральши, что генеральша очень строга, но Надю,—такъ звали дѣвушку,—не обижаетъ, холить, хотя и держить въ ежовыхъ рукавицахъ. Узналъ Латухинъ и то, что генеральша крѣпостныхъ дѣвушекъ замужъ не выдастъ, а за Надю не возьметъ никакого выкупа. Это повергло влюбленнаго купца въ отчаяніе,—онъ хотѣлъ жениться на Надѣ и она любила уже его. Влюбленные не знали, что дѣлать, плакали; Латухинъ собирался уже идти къ генеральшѣ и молить ее отдать ему Надю, какъ старая болѣзненная генеральша умерла, а домъ ея, вотчина и все состояніе перешло къ племяннику, отставному гвардіи поручику Павлу Борисовичу Скосыреву.

Всю дворню генеральши отправили въ имѣніе ея, село Чистополье, Владимірской губерніи, но теперь надежда обладать любимой дѣвушкою у Латухина воскресла. Онъ разузналъ все про новаго владѣльца любимой дѣвушки, познакомился съ его управляющимъ Шушерипымъ и устроилъ дѣло. Шушеринъ обѣщалъ ему вольную Нади за тысячу двѣсти рублей на ассигнаціи, но за хлопоты выговорилъ себѣ три тысячи, получивъ половину въ задатокъ. Кромѣ того Латухинъ обѣ-

щаль покровительство племянникамъ Шущерина и далъ слово „вывести ихъ въ люди“, приспособивъ къ торговому дѣлу.

Такимъ образомъ, все было готово. Мать Латухина, первое время воспротивившаяся было женить-сына на крѣпостной дѣвкѣ, на „купленной невѣстѣ“, полюбила потомъ Надежду всею душой и охотно благословила сына. Очень ужъ ласкова, привѣтлива, хороша была Надежда, очень ужъ любила она Ивана Анемподистовича, давая всѣмъ этимъ залогъ для полного семейнаго счастія.

Довольный успѣхомъ дѣла не менѣе влюбленнаго Латухина, Шущеринъ очень обезпокоился, услыхавъ приказаніе барина показать Надю. Это могло все испортить и испортило бы навѣрное. Шущеринъ быстро обдумалъ, что надо дѣлать въ такомъ случаѣ, и очень выгодно купилъ молчаніе барскаго камердинера; оставалось теперь только показать барину мнимую Надежду. Это было не легко. Шущеринъ, говоря Порфирію, что онъ не боится барскаго гнѣва въ случаѣ обнаруженнаго обмана, былъ не искрененъ: онъ очень боялся. Баринъ могъ не только прогнать его и лишить теплаго, насиженнаго и очень выгоднаго мѣста, но могъ еще и отправить на конюшню, не взирая на вольность Ефима Михайловича; у Павла Борисовича были очень большія связи, ему сходили съ рукъ и не такія дѣла. Накопецъ, искусившійся во всякихъ тяжебныхъ дѣлахъ, Шущеринъ хорошо понималъ, что это подлогъ, уголовщина и что за

это достанется очень сильно. Несмотря на все это, Шушеринъ рѣшился дѣйствовать по разѣ намѣченной программѣ, — очень ужъ пріятно было получить ему три тысячи рублей и устроить племянниковъ.

Проводивъ барина и еще разъ потолковавъ съ Порфіріемъ, Шушеринъ отправился къ Латухину. Это было воскресенье, и Латухинъ въ лавку не выходилъ.

Съ поклонами встрѣтилъ молодой купецъ своего „благодѣтеля“ и повелъ въ горницы. Привѣтливо смотрѣли чистыя горницы новаго дома; до бѣла вымытый сосновый полъ блестѣлъ и лоснился; цвѣтные ковры-дорожки шли изъ комнаты въ комнату; чинно стояли по стѣнамъ стулья краснаго дерева, обитые краснымъ штофомъ; звонко пѣли на окнахъ канарейки. Самымъ дорогимъ и цѣннымъ украшеніемъ чистыхъ, свѣтлыхъ комнатъ были старинныя иконы въ золотыхъ и серебряныхъ съ камнями окладахъ; иконы были расположены и по угламъ, въ кіотахъ краснаго дерева, и по стѣнамъ, идущимъ отъ переднихъ угловъ; серебряныя, бронзовыя, фарфоровыя и хрустальныя лампы горѣли передъ иконами. Одѣтый по праздничному въ нѣмецкій сюртукъ тонкаго синяго сукна, въ жилетъ изъ пестраго неразрѣзнаго бархата и въ козловые сапоги съ золотыми кисточками, съ бѣлою батистовою косынкой на шеѣ, Иванъ Анемподистовичъ низко кланялся Шушерину и велъ его въ гостиную горницу, прика-

зывая на ходу бабѣ служанкѣ подавать самоваръ и закуски. Старушка, мать Латухина, въ шелковой косынкѣ на головѣ, въ пестрой турецкой шали и въ платьѣ изъ тяжелой шелковой матеріи темнаго цвѣта, тоже съ поклонами встрѣтила дорогаго гостя и пошла хлопотать объ угощеніи.

Шушеринъ съ достоинствомъ вошелъ въ гостиную горницу и сѣлъ на узкомъ жесткомъ диванѣ съ прямою и высокою спинкой полированного красного дерева. Понюхавъ табакъ, онъ глубоко вздохнулъ и значительно взглянулъ на Латухина.

— Дѣло наше, любезный Иванъ Анемподистовичъ, приняло оборотъ не весьма благопріятный, — проговорилъ онъ.

Красивое румяное лицо молодаго купца, опущенное темнорусою бородкой и въющимися усиками, покрылось мертвенною блѣдностью.

— А... а что такое случилось, Ефимъ Михайловичъ? — прерывающимся голосомъ спросилъ онъ и стиснулъ положенныя на колѣняхъ руки.

— А случилось, любезный мой, то, что я предугадывалъ: баринъ приказалъ показать ему Надюшу.

— Господи!...

— Да, препона большая. Надюша столь прекрасна, что непременно прельститъ Павла Борисовича.

Латухинъ поднялъ руки, схватилъ себя за курчавые, намаженные душистою розовою помадой волосы и застоналъ.

— Эхъ, не сносить мнѣ тогда головы, Ефимъ Михайловичъ! — воскликнулъ онъ. — Пропадомъ я пропаду, сгину, какъ пылинка, какъ синь-порохъ!

— А ты въ преждевременное отчаяніе не приходи, Анномподистычъ, вотъ что, — солидно и впушительно замѣтилъ Шушеринъ. — Ежели я за твое дѣло взялся, такъ я его обдѣлаю.

— Батюшка, Ефимъ Михайловичъ, благодѣтель!..

Латухинъ, какъ и Порфирій, бросился къ ногамъ Шушерина.

— Будь ты мнѣ отцомъ роднымъ, спаси ты меня отъ гибели! Не жить мнѣ безъ Надюши!

Шушеринъ поднялъ молодого купца и усадилъ его.

— Сиди и слушай, — сказалъ онъ. — Я твою Надю барину не покажу.

— Какъ?

— Слушай. Показать ему — значить навѣрное отнять у тебя, объ этомъ и толковать нечего. Но нельзя и не показать, ибо барской воли моего господина я послушаться не могу. Что же сдѣлаетъ Шушеринъ? А Шушеринъ сдѣлаетъ вотъ что: онъ покажетъ барину другую дѣвушку. Понялъ?

— Понялъ, батюшка, понялъ, благодѣтель! — радостно воскликнулъ Латухинъ. — Некрасивую, старую покажете вы ему?

— Нѣтъ. Баринъ слышанъ, что Надежда красива, да и понимаетъ онъ, что купецъ на безобразной не женится и тысячу двѣсти за нее не

дать. Требуется показать ему пригожую и я такую нашелъ.

— Въ дворнѣ?

— Нѣтъ. Въ нашей Лавриковской дворнѣ баринъ всѣхъ знаетъ, а въ Чистопольѣ подходящихъ нѣтъ. Покажу я ему ту сиротку Машу, твою сродственницу, которая у тебя въ домѣ живетъ. Надо ее, Ванюша, уговорить, этимъ ужъ ты со своею матушкой займись.

— Благодарѣль вы мой, опасно вѣдь это, — проговорилъ озабоченный Латухинъ. — Маша согласится, она добрая, она любитъ и меня, и Надю, ну, а если барину то она приглянется да онъ ее у себя оставитъ?

— Предвидѣль я все сіе и на все отводы знаю. Первое дѣло, Маша барину не понравится: его образованный вкусъ требуетъ особъ французскаго жандрія, — воздушныхъ и нѣжныхъ, деликатнаго тѣлосложенія, а Маша хотя и благолѣпна, но весьма увѣсиста и кругла; онъ такихъ не обожаетъ. Это первое дѣло; второе дѣло, можно Машу послать домой и объявить, что такая то дѣвица скрылась, объявить ее въ бѣгахъ.

— Это можно сдѣлать и теперь съ Надей.

— Никоимъ образомъ нельзя: увидавъ Надежду, баринъ отыщетъ ее на днѣ моря, а не показавъ ему, объявить ее въ бѣгахъ, значитъ не получить вольной, между тѣмъ, какъ отъ Маши, ежели она и приглянется ему, онъ отступится и, поломавшись, дастъ вольную. Да не понравится ему твоя

Маша, это я ужъ знаю, ибо хорошо знаю аматерство барина. Положись, Иванъ Анемподистовичъ, на меня, я все сдѣлаю, только не будь ты скупъ и не обижай Шушерина.

— По вѣкъ твой слуга, Ефимъ Михайловичъ! — воскликнулъ Латухинъ.

III.

Мать Латухина, степенная, сановитая и важеватая Лукерья Герасимовна, явилась въ гостиную съ угощеніемъ, сопровождаемая дородною бабой служанкой. На кругломъ „вощаномъ“ столѣ, покрытомъ бѣлою, какъ снѣгъ, камчатскою скатертью, появился пузатый, ярко вычищенный самоваръ, окруженный атрибутами чаепитія; тутъ же были поставлены тарелки съ калеными орѣхами, съ орѣхами кедровыми и грецкими, съ мятными и сусальными пряниками, съ моченою брусникой въ меду, съ вареньями, съ закусками, а вокругъ чинно выстроились граненые графинчики съ наливками, съ французскою водкой, съ душистою „запеканкой“. Громадный румяный пирогъ съ яйцами занималъ чуть не половину стола.

— Просимъ милости хлѣба-соли откусать, батюшка, — съ низкимъ поклономъ обратилась Лукерья Герасимовна къ гостю.

— Былое дѣло, сударыня, былое дѣло, не извольте утруждаться, — отвѣтилъ Шушеринъ.

— Какое ужь утружденіе, батюшка, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Пожалуйте. Проси, Ванюша, гостя дорогого не побрезговать.

— Ефимъ Михайловичъ, просимъ, сударь, покорно, отвѣдайте, закусите, чѣмъ Богъ послалъ,— тоже кланяясь, просилъ Латухинъ.

Послѣ необходимыхъ для поддержанія этикета отговорокъ Шушеринъ подошелъ къ столу. Хозяева угощали изо всѣхъ силъ, гость церемонился и отказывался, и въ этомъ занятіи прошло около часу, но когда крѣпкая душистая „запеканка“— простаго Шушеринъ не пилъ,—зашумѣла у гостя въ головѣ, онъ забылъ этикетъ и принялся и за пирогъ, и за закуски. Насытившись, онъ съ аппетитомъ сталъ пить чай. Дѣловой разговоръ, прерванный угощеніемъ, возобновился. Лукерью Герасимовну посвятили въ тайну придуманнаго Шушерипымъ „подвоха“. Она испугалась было, но Шушеринъ совершенно успокоилъ ее.

— Увидить вашу Машеньку,—говорилъ онъ,— и отпустить съ миромъ и вольную подпишетъ, ну, и за свадебку тогда, а ежели бы, паче всякаго чаянія, онъ, баринъ мой, Павелъ Борисовичъ, господинъ Скосыревъ, облюбовалъ мнимую Надежду, сирѣчь Машу вашу, такъ все въ нашихъ рукахъ, досточтимая Лукерья Герасимовна. Баринъ-то, гвардіи то поручикъ Павелъ Борисовичъ Скосыревъ, у меня вотъ гдѣ.

Шушерипъ сжалъ кулаки и вытянулъ руки, какъ кучеръ.

— Вотъ онъ гдѣ у меня. Хочу, такъ поверну, хочу, такъ, хочу, назадъ попячу. У Шушерина въ головѣ кое-что есть, Шушерины на три аршина въ землю видятъ, такъ не съ нимъ барину воевать. Онъ и покричитъ, онъ и ногами потопаетъ, онъ и нагайку со стѣны сниметъ, а сдѣлается-то по моему!

— Вѣрю, батюшка, вѣрю, — заговорила Лукерья Герасимовна, — наслышаны про то, что господинъ вашъ превелико васъ уважаетъ, такъ вотъ вы и уговорили бы его Надюшку то отпустить безъ всякаго обмана. И грѣха не было бы, и не столь опасно.

— Не въ силахъ моихъ сіе, матушка.

— Почему, благодѣтель?

— А потому, что, увидавши Надюшу, баринъ воззрится на нее и восплаетъ превеликой любовью, а ужъ ежели человѣкъ въ любовный жаръ ударится, такъ съ нимъ никто сладить не можетъ, ибо сіе блажь и великое уму помраченіе. Нельзя ему Надежду показать, никоимъ образомъ нельзя.

— О томъ и моя нижайшая просьба Ефиму Михайловичу, матушка, — проговорилъ Латухинъ. — Ужъ ежели лицо Нади столь привлекательно, что на нее среди улицы заглядывались и въ нѣкоторое изумленіе отъ красоты ея приходили, такъ столь падкій на красоту господинъ, какимъ есть ихній баринъ, отъ себя ее не отпустить, и тогда мое дѣло...

Молодой купецъ не договорилъ и поникъ головой.

— Надо будетъ сдѣлать такъ, какъ Ефимъ Михайловичъ приказываютъ,—докончилъ онъ, спустя немного.— Полагаю, что Марьюшка согласится на такую машкараду изъ-за любви ко мнѣ и къ Надюшѣ, которую она пуще сестры своей любитъ.

— А если баринъ то прельстится Марьюшкой?—спросила Лукерья Герасимовна.

— Опять вы, голубушка, за это?—досадливо произнесъ Шущеринъ и зарядилъ носъ усиленною понюшкой табаку.— Сказываю вамъ, что вниманія даже не обратить. У насъ такихъ, какъ Маша то, хоть прудъ пруди. У ткача Ермила дочка Глаша красавица, у птишницы двѣ красотки писаныя, Сонька старшаго егеря—прямо таки краля писаная, Вѣрунька, Фелицата, Груша швея... Да мало ли ихъ! Такой, какъ Надя, нѣтъ, а средственныхъ-то, смазливенькихъ-то—хоть отбавляй! Ему обыкновенное-то все надоѣло, онъ подъ облака взвивается.

— Такъ, батюшка, такъ,—сказала старуха.— Нукъ что-жъ, поговорю я уже съ Машей.

— Да, поговорите. Черезъ пять-шесть дней я долженъ барскій приказъ исполнить, и Надежду ему предоставить, а то вѣдь онъ и самъ махнетъ въ Чистополье, ему дорога туда не заказана, а Москва-то понадоѣла ужъ. Вы съ Машей поговорите, а я завтра за Надюшей подводу пошлю.

При послѣднихъ словахъ мать съ сыномъ переглянулись.

— Что-жь, Ванюша, надо доложить Ефимъ Михайловичу правду, — сказала старуха.

— Говорите, матушка, а я... я не смѣю, боюсь. Я выйду, матушка.

— То-то „выйду!“ Баловница я, потакаю тебѣ, а ты и тово...

Старушка проводила глазами уходившаго сына и обратилась къ Шущерину:

— Здѣсь вѣдь Надюша-то, Ефимъ Михайловичъ...

— Какъ здѣсь?

— Такъ. Ужь вы простите ее и на насъ, не гнѣвайтесь. Тоскуетъ, вижу, мой Ваня, самъ не свой ходитъ, отъ хлѣба отбился. Я то къ нему съ распросами, — не вытерпѣло материнское-то сердце, — а онъ и говоритъ: „Не могу, говорить, я, матушка, жить безъ Надюши, извела меня кручина, особливо потому, что не вижу ее. Можетъ, говорить, ее тиранять тамъ всячески безъ барскаго призора холопки разныя. Привыкла де она у старой барыни своей къ жизни хорошей, какъ барышня жила, а теперь де въ деревнѣ живетъ, всякую страду тернить“. Ну, и тоскуетъ, вижу, мой Ваня, съ тѣла спалъ, задумывается, а потомъ вдругъ пропалъ неизвѣстно куда, прикащику дѣло сдать: „Я, говорить, въ отъѣздъ долженъ отлучиться“. Отлучился да черезъ пять день съ Надюшей и пріѣхалъ...

— Сбѣжала, стало быть, она изъ вотчины-то?—спросилъ Шушеринъ, съ очень значительнымъ и важнымъ видомъ нюхая табакъ.—Неодобрительно, сударыня. За это вѣдь ихнюю сестру жестоко и основательно наказываютъ...

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, не сбѣжала!—поспѣшно перебила Лукерья Герасимовна.—На это Ванюша не рѣшился бы. Ее бурмистръ отпустилъ, яко бы погостить къ роднѣ. Ванюша бурмистру то подарокъ отвезъ и деньгами тоже ублагодворилъ.

— Такъ-съ.

Шушеринъ наморщилъ брови.

— За сіе съ бурмистра будетъ взыскано, недосчитаться ему очень многихъ волосъ въ рыжей бородѣ его!

Старушка встала и поклонилась Шушерину низко, низко, коснувшись рукою до полу.

— Ужь простите вы его, Ефимъ Михайловичъ, за нашу вину, а я васъ всячески ублагодворю. Не стерпѣлъ, вишь, Ваня-то, ну, и поѣхалъ и умаслилъ бурмистра.

Обѣщаніе „ублагодворить“ моментально смягчило Шушерина. Онъ ласково взглянулъ на старуху и погрозилъ ей пальцемъ.

— Охъ, старица, какъ за подобное дѣяніе можетъ попасть и тебѣ съ сыномъ, и Надеждѣ! Почему же вы ко мнѣ не обратились? Скажи мнѣ Иванъ Анемподистовичъ, и я живо выпишаль бы сюда Надю.

— Боялся, что вы откажете, пока вольную баринъ не написалъ. „Не согласится, говорить, Ефимъ Михайловичъ, а ужъ послѣ того и я не посмѣлъ бы Надю увозить“.

— Такъ, такъ. Она гдѣ же?

— Въ мизиничикѣ живетъ, хорошій покойчикъ занимаетъ, а съ нею для компаніи Маша. Ожилъ съ той поры Ваня, другимъ человѣкомъ сталъ. Можетъ, это и послабленіе съ моей стороны, батюшка, да вѣдь одинъ онъ у меня, вся радость, вся жизнь въ немъ. Ну, и Надюша то дѣвица столь прекрасная, что я ее, какъ дочку, полюбила.

— То-то „полюбила!“ замѣтилъ Шущеринъ.— Вы вотъ полюбили, а мы возьмемъ, колодки на ноги набьемъ, какъ бѣглымъ полагается, да въ часть, да и того, чики-чики кузнечики!

— Ужъ простите, батюшка, не гнѣвайтесь, — опять поклонилась старуха.— Ублагодворимъ за все.

— То-то „ублагодворимъ!“.. Позовите сюда красавицу вашу.

— Сейчасъ приведу, батюшка, а только вы не пужайте ее очень то: больно ужъ робка она, нѣжна.

Старушка вышла и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ Надей. Позади ихъ, виновато опустивъ голову, шелъ Латухинъ. Дѣвушка была одѣта въ такое же простенькое платье изъ клѣтчатой холстинки, какъ бывало она одѣвалась у своей генеральши, но она пополнѣла немного, разцвѣла еще пышнѣе и блистала красотою порази-

тельной; черная тяжелая коса ея массивнымъ кольцомъ лежала на затылкѣ, спускаясь на шею, и словно оттягивала назадъ красивую голову; маленькими и бѣлыми, какъ у барышни, руками она перебирала шерстяной передникъ, стыдливо и робко опустивъ глаза. Взойдя въ горницу, она шагнула было впередъ, видимо желая подойти „къ ручкѣ“ барскаго управителя,—городская и Лавриковская дворянѣ всегда „подходила къ ручкѣ“ Шушерина,—но остановилась и издали поклонилась.

— А, Надежда Игнатьевна, наше вамъ почтеніе!—насмѣшливо обратился къ ней Шушеринъ.—Давно ли удостоили градъ Москву своимъ посѣщеніемъ и по какому виду проживать изволите? Изъ какой конторы и за подписью какого управляющаго отпускъ имѣете?.. Что же вы молчите, Надежда Игнатьевна?

— Ефимъ Михайловичъ,—дрогнувшимъ голосомъ заговорилъ Латухинъ,—не безпокойте Надежду Игнатьевну: не у нея отвѣта спрашивайте, а у меня. Силой я, безъ ея вѣдома и согласія, увезъ ее изъ вотчины и я одинъ виноватъ.

— То-то!—усмѣхнулся Шушеринъ.—Садитесь ужъ, женихъ съ невѣстой, значитъ, такъ тому быть должно. Будете, Надежда Игнатьевна, купчихой, такъ насъ, маленькихъ людшекъ, не оставьте. Садитесь. Угощай, Лукерья Герасимовна, будущую невѣстку.

Латухинъ и Надя сѣли.

— Шушеринъ—тиранъ, Шушеринъ—кровопій-

ца, — заговорилъ управитель, гордый ролью благодѣтеля, — Шушерицъ — палачъ, а вотъ Шушерицъ то и пригодился. Шушерицъ строгъ съ негоднями и негодяйками, кои барской волѣ ослушники, барскаго добра не рачители, Шушерицъ баловства, шалости, тунеядства не любить и за оныя каверзы шкуру снущаетъ, а къ хорошимъ Шушерицъ хорошъ. Вотъ хоша бы взять ваше дѣло, — кто такъ поступить? Своей шкурой не дорожу! Положимъ, вознагражденіе получаю, а все же великую услугу вамъ дѣлаю. Отпускаетъ баринъ Надежду за тысячу двѣсти рублей, а развѣ ей такая цѣна? Да показать ее сичасъ Отыганняву барину, который за красоту никакихъ денегъ не жалѣетъ и по всей округѣ у господъ помѣщиковъ хорошенькихъ дѣвушекъ для своего театра скупилъ, развѣ онъ такую цѣну за нее дастъ? Пять тысячъ, какъ единую копѣечку выложить! Вотъ вы и понимаете Шушерица, и цѣните его!

Латухинъ могъ бы на это сказать, что Отыганнявскія деньги цѣликомъ пошли бы въ барскій карманъ, а въ данномъ случаѣ Шушерицу шли три тысячи, не считая подарковъ и посуловъ, но только низко поклонился и поблагодарилъ Шушерица.

— Спасибо, что цѣнишь мою услугу и понимаешь ее, а вотъ Надежда Игнатьевна сіе считаетъ излишнимъ, — замѣтилъ Шушерицъ.

Старуха Латухина приказала Надѣ поклониться „благодѣтелю“ и сказала:

— Робка она очень, Ефимъ Михайловичъ, не смѣла.

— Всѣ онѣ робки, а вотъ какъ изъ вотчины бѣжать, такъ это ничего! Ну, да ладно, что было, то будемъ поросло. Мнѣ къ домамъ пора, я пойду, а вы Машу приготовьте, дней черезъ пять я долженъ буду ее барину показать.

Барину, Павлу Борисовичу Скосыреву, было не до этого. Павелъ Борисовичъ былъ влюбленъ. Холостой, не смотря на свои сорокъ съ порядочнымъ хвостикомъ лѣтъ, Павелъ Борисовичъ любилъ женщинъ и имѣлъ у нихъ успѣхъ, какъ красивый рѣчистый, остроумный и лихой кавалеръ, какъ очень богатый, съ громадными связями помѣщикъ. Ему сватали невѣсты съ двумя, тремя тысячами душъ приданого, но онъ жениться не желалъ и заводилъ романы и интрижки на каждомъ шагу. Бывали у него эти романы и съ барышнями, и съ замужними; четыре раза стрѣлялся онъ съ оскорбленными мужьями, а одинъ старый майоръ чуть не убилъ его палашомъ за дочку; десятками считалъ онъ свои побѣды надъ актрисами и пѣвицами, изъ-за любовной исторіи принужденъ былъ покинуть гвардію, гдѣ пошелъ было очень ходко, а любовнымъ похождениямъ съ крѣпостными дѣвушками и городскими мѣщаночками не было и счету, но никогда еще такъ не любилъ Павелъ Борисо-

вичъ, какъ теперь. На закатѣ бурно и весело, пьяно и безумно проведенной молодости своѣ полюбилъ онъ пылко, страстно и безповоротно. Полюбилъ замужнюю женщину, супругу своего брата дворянина и помѣщика, Луки Осиповича Коровайцева, Катерину Андреевну. Приѣхавъ во второй день Рождества на балъ къ предводителю, увидалъ Павелъ Борисовичъ Коровайцеву и ахнулъ. Въ темно-зеленомъ бархатномъ платьѣ съ открытымъ воротомъ, съ пышными рукавами изъ розоваго атласа и съ уборомъ изъ розовыхъ же перьевъ на русой головкѣ, чудная, стройная, граціозная, съ глазами, отъ которыхъ лучи шли, танцевала она съ какимъ то блестящимъ гвардейцемъ, затмѣвая всѣхъ красавицъ, а ихъ было великое множество на блестящемъ балѣ, на которомъ собралось лучшее общество Москвы, сливки ея, цвѣтъ и надежды.

— Кто такая?—спросилъ Скосыревъ у своего пріятеля, гусара Черемисова.

— Хороша? — засмѣялся тотъ, крутя усы.

— Чудо, братецъ, восторгъ! Кто такая?

— Катерина Андреевна Коровайцева, жена отставнаго ротмистра Луки Коровайцева, рузскаго помѣщика.

— Богатъ этотъ Коровайцевъ?

— Мелкопомѣстный. Усадьбишка гдѣ то подъ Рузой, двадцать пять душъ мужиковъ, пахнетъ землю и служитъ по выборамъ, кажись, судьей.

— Гдѣ же онъ добылъ такое сокровище?

— Служилъ въ уланахъ онъ года три тому назадъ и стоялъ съ полкомъ гдѣ то въ Польшѣ, въ глухомъ городишкѣ, такъ тамъ и женился. Дочь какого то дворянчика изъ обрусѣлыхъ поляковъ, сирота.

— Красивъ этотъ Коровайцевъ?

— Да вотъ онъ сидитъ въ углу съ засѣдателемъ вашимъ.

Коровайцевъ былъ мужчина лѣтъ тридцати трехъ, рослый, широко-сложенный, съ умнымъ, но не красивымъ лицомъ, тронутымъ оспой. Военная выправка лихого улана въ немъ осталась, но усы, состоя на службѣ, онъ брилъ по тогдашнему правилу для всѣхъ статскихъ; волосы чесалъ „кокомъ“, носилъ высокій галстукъ; фракъ у него былъ потертъ и сидѣлъ на немъ мѣшковато: въ петлицѣ бѣлѣлъ георгіевскій крестъ и висѣла бронзовая медаль на владимірской лентѣ за отечественную войну.

— Медвѣдь какой то!—съ пренебреженіемъ замѣтилъ Скосыревъ.

— Да, не казистъ, но мужчина, сказываютъ, не глупый, лихой и на ногу себѣ наступить не позволить, ты это помни на всякій случай. Ха, ха, ха!

— Нашелъ кого пугать!

— Положимъ, тебя не напугаешь, но онъ можетъ быть тѣмъ камнемъ, на который нашла коса. Онъ, говорятъ, въ двадцати пяти шагахъ пулю

за пулей въ туза лѣбнитъ и въ Варшавѣ ухлопалъ ужъ какого то пана за жену.

— А, чортъ съ нимъ!.. Ты съ нею то знакомъ?

— Знакомъ, сейчасъ вотъ вальсъ танцовалъ.

— Познакомъ меня съ нею.

— Танцовать хочешь?

— Тряхну стариной, авось не хуже другихъ.

Въ полку первымъ мазуристомъ считался.

Скосыревъ протанцовалъ съ Коровайцовой мазурку. Уѣхалъ онъ съ балу влюбленнымъ. Катерина Андреевна представила его мужу, и Скосыревъ получилъ приглашеніе бывать у нихъ въ домѣ, но не въ Москвѣ, куда они пріѣхали на святки и остановились у родныхъ, а въ деревнѣ. Гордый, надменный Павелъ Борисовичъ и не подумалъ бы ѣхать къ какому то „мелкопомѣстному“ съ визитомъ, пожалуй и не отдать бы ему такового, если-бъ тотъ сдѣлалъ первый, но въ данномъ случаѣ онъ поѣхалъ къ Коровайцовымъ лишь только они покинули Москву, — за дѣль до новаго года — провелъ у нихъ сутки и уѣхалъ съ гнетущею тоской, съ разбитымъ сердцемъ. Онъ видѣлъ, что Катерина Андреевна лишь мила съ нимъ, любезна, какъ радушная хозяйка, но что любить она мужа.

Любовь охватила Скосырева могучею волной, закружила, завертѣла, и онъ потерялъ, что называется, голову.

IV.

Пока уговаривали Машу, родственницу Латухина, взять на себя роль Надежды и представиться барину, пока Шушеринъ хлопоталъ о скорѣйшемъ окончаніи этого дѣла, Павелъ Борисовичъ весь былъ занятъ своею любовью къ Коровайцевой. Она не выходила у него изъ головы, грезилась ему во снѣ и на яву. Буйнымъ разгуломъ, виномъ хотѣлъ онъ затушить свою страсть, но эти средства оказались недѣйствительными, напротивъ: послѣ разгула, во время кутежа, воспаленный виномъ, возбужденный дикими пѣснями цыганъ, Павелъ Борисовичъ еще болѣе загорался неудержимою страстью и не зналъ, куда дѣваться отъ нея. Крѣпостныя красавицы, ласки которыхъ можно было купить, были противны теперь влюбленному помѣщику, онъ не глядѣлъ на нихъ, не нускалъ ихъ на глаза, а если онѣ попадались, горе имъ было!

Онъ ночь кутилъ, а утромъ ѣхалъ въ Рузу къ Коровайцеву. Хлѣбосольный, гостепріимный Лука Осиповичъ охотно принималъ почетнаго гостя, и не ради того, что онъ былъ „почетный“, богатый и знатный, а ради того, что онъ былъ свой братъ, дворянинъ, старый кавалеристъ, лихой собутыльникъ. Скоро, впрочемъ, Лука Осиповичъ сдѣлался съ новымъ пріятелемъ сухъ и холоденъ. Онъ понималъ, что Павелъ Борисовичъ ѣздитъ къ нему

совсѣмъ не ради его чудныхъ наливокъ, „водянокъ“ и „запеканокъ“. Понялъ и пересталъ считать его другомъ, сразу перемѣнилъ фронтъ... Сперва Лука Осиповичъ замѣтилъ пламенные взоры влюбленнаго, которые тотъ бросалъ на Катерину Андреевну, потомъ прочелъ стихи въ ея альбомѣ, написанные Скосыревымъ, а затѣмъ и сама Катерина Андреевна подтвердила догадку мужа. Вышло это такъ: Лука Осиповичъ послѣ отъѣзда Скосырева увидалъ на столѣ въ гостинной альбомъ жены, купленный въ то время, когда она была еще невѣстой и обыкновенно сохраняемый Катериной Андреевной въ ларчикѣ.

— Скосыреву, что ли, показывала альбомъ свой, Катя?—спросилъ Лука Осиповичъ.

— Да.

— Что-жь, написалъ онъ тебѣ какой-нибудь стишокъ?

— Да, написалъ, — неохотно отвѣчала Катерина Андреевна, взявъ альбомъ со стола и уходя съ нимъ.

— А ну, покажи. Я когда то самъ стишки писывалъ, поэтомъ въ полку считался. „Прощаніе съ конемъ“ написалъ, и всѣ офицеры у насъ наизусть знали эти стихи:

„Прощай, мой милый конь хорошій, —
Ты боленъ, бѣдный, вижу я!
Ты былъ мнѣ краше всѣхъ, пригожій,
Теперь не поспѣшь ужъ меня!
Ты „Милымъ“, конь мой, назывался,

И мплымъ былъ ты для меня,
Но ахъ, съ тобою я разстался,
То лзя ли не жалѣть тебя?“

Да, писывалъ и я стихи, одни даже въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ были напечатаны. Покажи, покажи, любопытно посмотрѣть, какъ гвардейцы пишутъ, это не то, что нашъ братъ армеецъ, который только и свѣта то видѣлъ, что въ своемъ эскадронѣ да въ какомъ нибудь захолустномъ городишкѣ.

Стихи Павла Борисовича были не важны, да и тѣ онъ выучилъ изъ какого то „Альманаха“. Въ нихъ упоминались и амуры, и Хлои, и Дафны, безъ чего не обходилось почти ни одно стихотвореніе того времени, — и всѣ эти амуры и Хлои приравнивались къ Катеринѣ Андреевнѣ, которая была, по словамъ поэта, украшеніемъ природы и „зажгла священные огонь въ пылающей груди“.

Лука Осиповичъ закрылъ альбомъ и насупился.

— Это барышнѣ, невѣстѣ написать можно, ну, а дамѣ такихъ стиховъ не пишутъ, за это немудрено и на дуэль нарваться, — промолвилъ онъ. — Ты, Катенька, тово, не выходи къ нему, я не желаю.

— Хорошо, — вся вспыхнувъ, отвѣтила Катерина Андреевна.

Мужъ замѣтилъ эту краску на лицѣ красавицы жены и еще болѣе насупился, точно туча темная легла на его лицѣ.

— Да, ты не выходи, ежели онъ пріѣдетъ.

Зачастиль что то... Не близкій свѣтъ Москва, а онъ чуть не каждый день!

Лука Осиповичъ сердито запахнулъ халатъ, вымѣненный когда то у бухарца за старые эполеты и галуны, затянулся изъ длиннаго черешневаго чубука и прошелся по комнатѣ.

— Онъ тово... тебѣ онъ ничего не говорилъ такого... особеннаго? — спросилъ онъ у жены.

Катерина Андреевна опустила руки съ альбомомъ, потупилась, помолчала нѣсколько секундъ и проговорила:

— Говорилъ, что я очень хороша, что онъ такихъ, какъ я, ни въ Петербургѣ, ни заграницей не видалъ и что...

— Что?

— Что онъ во снѣ меня все видитъ...

— Ну, и пусть во снѣ видитъ, а наяву не видать ему тебя никогда! — вспыхнулъ Лука Осиповичъ.

Въ первый же послѣ этой сцены приѣздъ Скосырева Лука Осиповичъ былъ съ нимъ очень холоденъ, про жену сказалъ, что она нездорова и что частые гости утомляютъ ее, а затѣмъ, въ слѣдующій визитъ, не принявъ гостя, выславъ казачка сказать, что баринъ де очень боленъ, извиняется, а лошадей де покормить и чаю покушать не угодно ли у прикащика. Скосыревъ, не кормя лошадей и не кушая чаю, уѣхалъ въ Москву и болѣе къ Коровайцеву не ѣздилъ. Мрачный и задумчивый сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ на

широкомъ диванѣ, подогнувъ подъ себя ноги и выкуривая трубку за трубкой. Казачокъ едва успѣвалъ накладывать ему трубки и едва стоялъ на ногахъ, дежуря часовъ семь подъ рядъ. Клубы дыма ходили по кабинету и въ волнахъ его едва можно было разглядѣть обивку стѣнъ изъ синей шелковой матеріи, увѣшанныхъ дорогимъ оружіемъ, уздечками, сѣдлами, арапниками и пагайками, въ перемежку съ дорогими картинами исключительно эротическаго содержанія. Двѣ свѣчи въ высокихъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ освѣщали кабинетъ, и углы его утопали во мракѣ. Нечесаный, дурно выбритый, въ халатѣ поверхъ батистовой сорочки, изъ открытаго ворота которой виднѣлась мощная волосатая грудь, сидѣлъ Павелъ Борисовичъ. Какъ изваяніе стоялъ хорошенькій казачокъ, одѣтый въ шелковую красную рубашку, въ казачій чекмень изъ сивяго сукна съ серебрянымъ поясомъ, въ бархатныхъ панталонахъ, заправленныхъ за сапоги съ красными отворотами.

Дверь отворилась и вошелъ Порфирій.

— Скворчика приказывали позвать, такъ пришелъ онъ.

— Зови.

Черезъ минуту вошелъ въ кабинетъ любимый „загородный“ кучеръ барина, Скворчикъ, — другаго имени у него не было, врядъ ли онъ и самъ помнилъ, какъ его зовутъ по православному. „Скворчикомъ“ онъ былъ въ фореиторахъ у покойнаго барина Скворчикомъ выросъ, Скворчикомъ звали

его всё отъ мала до велика, отъ барина до послѣдняго двороваго мальчишки. Скворчикъ былъ не высокаго роста коренастый мужикъ съ плечами и грудью Геркулеса. Онъ останавливалъ на всемъ скаку тройку лошадей за заднее колесо, ломалъ подковы разсѣкалъ обыкновеннымъ ѣзжалымъ кнутомъ дюймовую доску, а выпить могъ полведра въ сутки и былъ пьянъ съ утра до ночи, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда онъ былъ нуженъ.

Троечнымъ кучеромъ онъ считался лучшимъ въ губерніи. Много барскихъ проказъ зналъ Скворчикъ, много было за нимъ темныхъ дѣлъ, но какъ за каменною стѣной жилъ онъ за бариномъ и ничего не боялся. Преданъ онъ былъ барину, какъ собака, хотя и бивали его часто, тоже какъ собаку. Онъ за этимъ не гнался, а здоровенная спина его, дубленая шкура могла вынести хоть тысячу плетей.

— Пьянъ? — спросилъ Павелъ Борисовичъ у Скворчика.

— Никакъ нѣтъ.

— Врешь!

— Что-жъ мнѣ врать-то, помилуйте! Приказали чтобы не пить, нуженъ де, ну, и не пилъ.

— Казачокъ, освѣти ему рожу!

Казачокъ взялъ со стола свѣчку и поднесъ къ лицу кучера. Широкоскулое, обросшее черною бородой лицо кучера было красно, сверкающіе черные глаза точно масломъ подернулись и немного

затекли, но пьянъ онъ не былъ. Смѣло и дерзко глядѣлъ онъ на барина своими безстыжими, какъ зоветъ народъ, глазами и улыбался.

— Не пьянъ,—замѣтилъ баринъ.

— То-то!...

— Ну, молчать! Забылся? Не битъ давно? Сѣ-
рыя плохи?

— Плохи. Помилуйте, Павелъ Борисычъ, какое мѣсто намедни отпалили на нихъ, страхъ! Какъ же имъ плохими то не быть? Лѣвая совсѣмъ ослабла, гляди, обезножить.

— Каурыя есть. Хороши вѣдь?

— Худы ли лошади! Намедни генераль Долъ-
виговъ говоритъ: трехъ бы, говоритъ, тысячъ за
каурую тройку Скосыревскую я не пожалѣлъ, та-
кая, говоритъ...

— Ну, хорошо, знаю, — перебилъ баринъ. —
Надо мнѣ, Скворчикъ, одно дѣло обдѣлать, боль-
шое дѣло!

— Слушаю.

— Озолочу, ежели удачно будетъ, на волю
отпущу...

— Больно мнѣ пужна воля ваша! Зачѣмъ мнѣ
она?

— Ну, хорошо, хорошо, не перебивай!

Павелъ Борисовичъ задумался, потянулъ изъ
трубки, но она погасла уже. Онъ молча протя-
нулъ ее казачку.

— Спитъ Ванька-то, — засмѣялся кучеръ.

Казачокъ присѣлъ на ручку дивана и крѣпко спалъ, свѣсивъ голову.

Баринъ протяжно свистнулъ, и на зовъ этотъ вошелъ Порфирій, а казачокъ вздрогнулъ и проснулся.

— Полсотни ему!—крикнулъ Павелъ Борисовичъ, указывая на казачка.

Мальчикъ, взятый Порфиріемъ за руку, всхлинулъ.

— Сотню!—мрачно проговорилъ баринъ и закурилъ трубку при помощи Скворчика.

Порфирій съ казачкомъ удалился.

— Большое, важное дѣло, Скворчитъ, — продолжалъ Павелъ Борисовичъ. — Хочу я, Скворчикъ, барыню одну увезти...

— Что-жь, сударь, можно. Дѣло бывалое.

— Бывалое!.. Увозили съ согласія, по доброй волѣ, а тутъ не такъ. Тутъ выкрасть надо.

— И крадывали. Изволите помнить огородникову то дочку?

— Сравнилъ, дуракъ! То огородникова дочка, а то...

Павелъ Борисовичъ не договорилъ.

— А то супруга господина помѣщика Коровайцева, — смѣясь, договорилъ за него Скворчикъ.

Павелъ Борисовичъ такъ и воспрянулъ.

— А ты почему знаешь? Тебѣ кто сказалъ! — воскликнулъ онъ.

— Самъ догадался, сударь, — продолжая смѣяться, отвѣтилъ Скворчикъ. — Непшто трудно и дога-

даться? Сразу было можно, потому такой красавицы барыни пѣтъ другой, да и не было.

— Хороша? — восторженно улыбаясь, спросилъ Павелъ Борисовичъ и подошелъ къ Скворчику, положилъ ему обѣ руки на плечи, швырнувъ трубку. — Хороша?

Влюбленные любятъ говорить о предметѣ своей страсти съ кѣмъ бы то ни было и любятъ, когда другіе восторгаются ихъ красавицей.

— Да ужъ прямо надо говорить, что королева, вродѣ Миликтрисы Кирибитьевны, — отвѣтилъ Скворчикъ, закрылъ глаза, поднялъ плечи и развелъ руками. — Уму номраченіе!.. Вышла это какъ то ко мнѣ въ людскую стаканчикъ водки принесла. Держить это стаканчикъ въ бѣлой рученькѣ своей, подастъ мнѣ, а я какъ глянулъ на нее, такъ ажъ холодокъ по спинѣ пошелъ!.. „Выпей, говоритъ, любезный, озябъ, ты“. Рѣчь это у нея словно рѣченька льется, очи такъ и гладятъ тебя по душѣ... Ну, ужъ и барыня, ужъ и красавица!

— Молчи ты, чортъ, не дразни меня! — крикнулъ Павелъ Борисовичъ, хватаясь за голову. — Увеземъ ее, Скворчикъ, а?

— Что-жь, Павелъ Борисовичъ, можно.

— Можно?

— Дляче нельзя-то? Дворня у нихъ малая, деревня далеко; ежели въ пятеромъ, либо въ шестеромъ нагрянуть, а сперва челядь ихнюю подпоить, такъ вотъ какъ умчимъ!

Павелъ Борисовичъ большими шагами ходилъ по кабинету. Остановившись передъ Скворчикомъ, онъ долго смотрѣлъ на него, что то обдумывая, потомъ махнулъ рукою и рѣшительно проговорилъ:

— Увезу!... Тамъ что будетъ, а безъ нея я жить не могу. Слушай, Скворчикъ: сейчасъ приѣдетъ сюда Аркадій Николаевичъ Черемисовъ; онъ согласился помогать мнѣ, чтобы самого меня въ этомъ дѣлѣ не было, чтобы слѣды запутать, и ты будешь дѣло дѣлать съ нимъ, его и слушайся. Отбери изъ ребятъ кого тебѣ надо, и чтобы Коровайцева барыня была черезъ недѣлю у меня въ Лаврикахъ. Понялъ? Добудешь—проси чего надо, все сдѣлаю. Сплошаешь, либо продашь — запорю на смерть. Пить все это время не смѣй...

— Стаканчикъ другой, чай, можно?—фамиллярно спросилъ Скворчикъ, подмигивая.—Пьянымъ чтобы не быть, а то хоть ведро пей. Лошади, люди—все въ твоёмъ распоряженіи, а ты въ распоряженіи Аркадія Николаевича. Помни, Скворчикъ, что всѣмъ награжу, первымъ человѣкомъ у меня будешь, а пожелаешь на волю, хоть въ тотъ-же часъ.

— На што мнѣ воля ваша, сударь? Въ первую же недѣлю соплюсь я и гдѣ-нибудь подъ заборомъ издохну. Мнѣ вольнѣй вашей воли не нажать, а пороть-то меня и на волѣ будутъ, еще, пожалуй, и къ палачу на кобылу съ этою волей попадешь при моемъ то карактерѣ.

— Ну, это какъ знаешь, я только говорю тебѣ.

По комнатамъ раздались звуки звенящихъ шиоръ и сабли, и въ кабинетъ вошелъ гусаръ Черемисовъ, первый другъ и пріятель Скосырева. Лихой гусаръ былъ немного пьянъ; не снимая заломленнаго на бокъ кивера, разпространяя вокругъ запахъ вина и табачнаго дыма, звеня и гремя, вошелъ, онъ и бросился на диванъ.

— Ну, братъ Скосыревъ, пьемъ мы здѣсь славно, а все же скучно у васъ, въ Москвѣ, чортъ ее возьми! То-ли дѣло у насъ въ Польшѣ—восторгъ! Какія попойки бывали, какія красавицы есть... Ахъ, Скосыревъ, Скосыревъ, какія тамъ есть красавицы!... Есть и здѣсь да чортъ ли въ нихъ толку? Чопорныя, холодныя, маменекъ боятся, а тамъ, братъ, любая хоть въ огонь, хоть въ воду, коли полюбить! Да и безъ своихъ скучно стало, по эскадрону тоскую.

„Радѣ Бога, трубку дай,
Ставь бутылки передъ нами,
Всѣхъ наѣздниковъ сзывай
Съ закрученными усами,
Чтобы хоромъ здѣсь гремѣлъ
Эскадронъ гусаръ летучихъ,
Чтобъ до неба возлеталъ
Я на ихъ рукахъ могучихъ..“

А и вправду, Скосыревъ, прикажи подать хоть вина да трубку, ежли ужъ эскадроннаго хора здѣсь нѣтъ.

— И хоръ найдемъ, Черемисовъ, — улыбнулся Павелъ Борисовичъ. — Гусаровъ нѣтъ, да за то есть такія у меня пѣвицы, что пальчики оближешь!

Онъ приказалъ подать вина, трубки и принялся рассказывать Черемисову о своемъ желаніи похитить Катерину Андреевну Коровайцеву, прося гусара помочь.

— Да вѣдь сказалъ, что увезу, ну, и увезу, — отвѣтилъ Черемисовъ. — Ты меня отъ смерти спасъ... Лучше чѣмъ отъ смерти, — отъ позора. Какъ проигралъ я тогда въ Варшавѣ и всѣ мои деньги, и казенныхъ сорокъ тысячъ, такъ мнѣ никто не хотѣлъ помочь, одинъ ты протянулъ руку, и зная то меня въ ту пору очень мало. Я этого никогда не забуду, Скосыревъ, никогда! Не будь тебя, лежалъ бы я гдѣ нибудь въ лѣсу, зарытый, какъ собака, самоубійца, казнокрадъ.

— Э, что объ этихъ пустякахъ говорить! — перебилъ Скосыревъ. — Это сдѣлалъ бы любой изъ товарищей, будь у него деньги. Это не услуга, ты вотъ мнѣ окажешь услугу. Тебѣ не страшно?

Черемисовъ откинулся на спину кресла.

— Мнѣ страшно? Что-жъ я, трусь, что ли, по твоему? Коровайцева я, что ли, твоего испугаюсь?

— Да не Коровайцева, милый, а вѣдь это уголовщина.

— Э, пустяки! Увезу, представлю предъ твои очи ясныя и уѣду въ полкъ. Вѣдь тебѣ нужно, чтобъ не подумали на тебя, чтобы у тебя не нашли, да не отняли, ну, и не подумаютъ. Поищутъ у меня, не найдутъ, а съ господиномъ Коровайце-

вымъ я хоть сто разъ и рубиться, и стрѣляться буду, это я съ удовольствіемъ.

Скосыревъ обнялъ Черемисова, и оба они, въ присутствіи Скворчика, выработали планъ похищенія Катерины Андреевны. Черемисовъ долженъ былъ пріѣхать къ Коровайцеву на незнакомыхъ „каурыхъ“ лошадяхъ Скосырева, занять хозяина разговорами, а въ это время Скворчикъ, съ обритою бородой, въ костюмѣ гусара, какъ бы деньщикъ Черемисова, вломится въ домъ съ товарищами и схватитъ Катерину Андреевну, а слѣдомъ за нимъ бросится и Черемисовъ къ готовымъ тройкамъ.

На этомъ порѣшили пріятели и не откладывали въ долгій ящикъ: завтра же Черемисовъ долженъ былъ увезти Катерину Андреевну.

V.

Очень довольный рѣшеніемъ увести Коровайцеву, Павелъ Борисовичъ приказалъ подать вина, выпилъ и развеселился. Пріятели собрались было поѣхать къ цыганамъ въ славныя тогда Грузины, но въ это время пріѣхало еще нѣсколько пріятелей Павла Борисовича, и попойка продолжалась дома, поѣздку отложили.

Проходя по комнатамъ, Павелъ Борисовичъ заѣхалъ въ залъ Шушерины, который обыкновенно являлся къ нему по вечерамъ съ докладомъ, по

сегодня не рѣшался войти, зная, что у барина гости.

— А, это ты, старый грѣхпроводникъ! — проговорилъ Павелъ Борисовичъ, замѣтивъ управителя. — Ты что же это, каналья, не исполняешь моего приказа, а?

— Какого, батюшка сударь, приказа? — Храни меня Господи, чтобы я вашего приказа не исполнял! Денно и ночью только о семъ и думаю.

— Ну, ты у меня не разводи тутъ розсказней, не пой соловьемъ! — перебилъ Павелъ Борисовичъ. Почему не привозять изъ Чистополя ту дѣвку, о которой я приказывалъ? Эту, какъ ее тамъ? Невѣсту-то купеческую...

— Привезена, батюшка сударь, привезена. Какъ изволили приказать, такъ мною въ ту же минуту и исполнено. О семъ и пришелъ докладывать вашей милости, да вижу, что гости, ну и не смѣлъ доложиться.

Павелъ Борисовичъ поигралъ золотыми кистями своего шлафора.

— То-то, а ужъ я думалъ, что ты отвилънуть хочешь. Показать мнѣ ее сію-же минуту!

Шушеринъ низко поклонился.

— Слушаю, батюшка сударь.

Павелъ Борисовичъ вошелъ въ кабинетъ.

— Господа, я вамъ сейчасъ красавицу покажу, — обратился онъ къ гостямъ. — Любопытную въ нѣкоторомъ родѣ красавицу. Надо вамъ сказать, что мнѣ послѣ тетки Прасковьи Васильевны доста-

лась дѣвка, камеристкой была у тетки и очень, говорятъ, хорошенькая, такъ вотъ въ эту самую дѣвку влюбился купецъ одинъ, жениться на ней хочетъ и даетъ мнѣ за нее тысячу двѣсти рублей. Вотъ эту самую купеческую невѣсту и прислали мнѣ изъ моего Чистополя вмѣстѣ съ разными соленьями и вареньями. Любопытно взглянуть, господа?

— На соленья и варенья нѣтъ, а на купеческую невѣсту, да, — отвѣтилъ кто то изъ гостей.

— Ты не продалъ еще ее? — спросилъ другой.

— Нѣтъ. Зачѣмъ же я буду продавать, если я ее не видалъ? Можетъ, она дѣйствительно хороша.

— Врядъ ли, — презрительно замѣтилъ пожилой помѣщикъ изъ отставныхъ военныхъ, крашеный франтъ со вставными зубами, сдѣланными въ Парижѣ, но не совсѣмъ по мѣркѣ, почему баринъ напоминалъ нѣсколько оскалившуюся лошадь. — Врядъ ли: какой же можетъ быть вкусъ у купца? Что нибудь жирное, толстое и бѣлое. Фи!

— Шушеринъ пришелъ, — доложилъ лакей.

— Пусть войдетъ. Это, господа, „красавицу“ привели, проговорилъ Павелъ Борисовичъ.

Гости перестали шумѣть, пить и съ любопытствомъ устремили взгляды на дверь. Нѣкоторые перемѣстились поближе, оправляя височки и хохлы.

Шушеринъ вошелъ, широко растворивъ дверь и впустилъ остановившуюся было Машу.

— Входи же, голубушка, входи, авось господа

тебя не укусятъ, — говорилъ онъ. — Одичала въ деревнѣ то, отвыкла отъ господъ.

Маша вошла, глянула кругомъ и опустила глаза подъ пристальными, любопытными взглядами гостей Павла Борисовича. Въ облакахъ табачнаго дыма передъ нею на секунду мелькнули красныя фізіономіи, молодыя и не молодыя, красивыя и не красивыя, усы, бакенбарды, венгерки, эполеты, дымящіяся трубки. Дѣвушка задрожала всѣмъ тѣломъ и остановилась въ притверѣ дверей. Родственница Латухина, Маша, не была красавицей, съ Надеждой ея и сравнить было нельзя: въ ней не доставало граціи, которою обладала Надежда, изящества, воздушности, да и черты лица ея были не такъ правильны, глаза не сверкали тѣмъ огнемъ скрытой страсти и большой внутренней силы; она была просто миловидная хорошенькая дѣвушка мѣщаночка, вскормленная домашними булочками, вспоенная молокомъ въ зажиточномъ тихомъ домѣ, какъ въ теплицѣ. Она нѣсколько подходила къ нарисованному крашенымъ бариномъ портрету, но уродливой полноты въ ней не было, хотя она обѣщала сильно располнѣть въ свое время. „Политика“ Шуперина, слезы горячо любимой Мадн и просьбы Латухина, въ домѣ котораго сирота Маша нашла второй родительскій домъ, заставили ее идти къ барину, и она не раскаивалась, она была совершенно убѣждена словами Шуперина, что „смотри“ кончится ничѣмъ, но она испугалась теперь и дрожала всѣмъ тѣломъ. Она ни-

когда не думала, что предстанеть передъ цѣлымъ обществомъ господъ, ожидая встрѣтить одного только Скосырева, „господина важнаго и строгаго, но предобрѣйшей и благороднѣйшей души“, какъ выражался Шущеринъ.

Господа разглядывали ее.

— Близко къ тому, что я говорилъ, но ничего,—замѣтилъ крашеный баринъ.—Холодна, конечно, какъ рыба, треска, братецъ ты мой, семга двинская, но если ее этакъ вспрыснуть хорошенько, такъ ничего.

„Береза тѣшитъ глазъ, съ зефирами играя,
Прохладу, тѣнь даетъ, приноситъ нѣгу рая,
Но гибками вѣтвями сей березы
Возможно, другъ Кронидъ, и огонь возжечь, и вы-
звать слезы!“

Хе, хе, хе... Преполезное древо...

— Она мила, оченя мила! — сказалъ кто то другой.

— Мила, а барину поклониться не умѣеть,—сказалъ Скосыревъ.—Или не знаешь меня?

— Не знасть, батюшка сударь, не знасть,—поспѣшно отвѣтилъ Шущеринъ.

— Молчать! Не тебя спрашиваютъ! Какъ тебя зовутъ, милая?

— Надеждой, — едва слышно отвѣтила Маша.

— Чтожь, очень ты влюблена въ своего кунца этого?

Маша молчала.

— Да говори же, глухая! — тихонько толкнулъ

ее Шушери́нь. — Очень, скажи, желаю, сударь, замужъ за него идти и прошу милости вашей... Въ ноги, дурочка, господину, въ пожки поклонись!

— Молчи, Шушери́нь! Вотъ ходатай то, господа, свать. Хорошо ты, должно быть сцапнуль съ купца этого, а?

— Помилуйте, сударь, смѣю ли я? Нѣшто я не сытъ, не доволенъ вашими милостями?

— Такъ ниче́го не получишь?

— Ни, ни, ни синь пороха!

— Ну, тѣмъ лучше, потому что я дѣвку эту не продамъ.

Шушери́нь широко раскрылъ глаза и онѣмѣлъ. Маша дрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Я тебя на волю не выпущу, Надежда,— продолжалъ Скосыревъ. — Если ты очень ужъ влюблена въ своего купца, такъ это ничего, это пройдетъ, какъ вотъ зубная боль проходитъ. Вيني вотъ его, Шушерина: онъ солгалъ мнѣ, что ничего за это не взялъ, а я лжи отъ своихъ слугъ не люблю, не выношу. Ступай, я найду тебѣ дѣло, а женихъ не уйдетъ. Уведи ее, Шушери́нь, и сдай Аксиньѣ ключницѣ.

Шушери́нь топтался на мѣстѣ, совершенно растерявшись. Маша облокотилась о притолку. Какъ ни была она испугана, сконфужена, но она хорошо поняла весь ужасъ своего положенія и чуть-чуть не падала, блѣдная, какъ полотно.

— Ступай! — крикнулъ Скосыревъ Шушери́-

ну. — Говорено было много разъ, чтобы не лгать, ослушался, — ну, и пѣный на себя. Убирайся!

Шушеринъ поклонился барину и вышелъ, дернувъ слегка Машу за рукавъ. Она пошатнулась, вскрикнула и безъ чувствъ повалилась на полъ. Лакеи вынесли ее.

— словно барышня, въ обморокъ падаетъ! — замѣтилъ крашеный баринъ.

— У барыни жила, избалована, любимую камеристкой была, — объяснилъ Скосыревъ и подошелъ къ Черемисову, который хлопоталъ насчетъ настоящей гусарской жженки.

— Какой то тамъ купецъ Латухинъ, влюбленъ и получить свой „предметъ“, а я, Павелъ Скосыревъ, страдаю тутъ, видѣть даже моей Кати не имѣю возможности, несправедливо! — сказалъ онъ, смѣясь.

— Резонъ. А все же ты отпусти ее: жаль дѣвочку, — отвѣтилъ Черемисовъ.

— Конечно, отпущу, только вотъ Шушерина проманежу. Какъ Катерина Николаевна будетъ моею, такъ и Надьку на волю. Даромъ отпущу, на приданое подарю ей тысячу двѣсти рублей, которыя даетъ за нее купецъ. Эхъ, Черемисовъ, если-бъ намъ удалось наше дѣло, если-бъ удалось!

— Сказалъ тебѣ, что увезу и увезу и думать тебѣ объ этомъ нечего! — весело отвѣтилъ Черемисовъ.

Когда жженка была готова и всѣ гости усѣлись вокругъ пылающей чаши, аромат которой

Наполнилъ всѣ комнаты, Павелъ Борисовичъ приказалъ позвать хоръ своихъ крѣпостныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ. Мы имѣемъ понятіе о какомъ нибудь яровскомъ или стрѣльнинскомъ хорѣ, который состоитъ изъ двухъ дюжинъ важничающихъ „барышень“, играющихъ роль неприступныхъ и „весьма образованныхъ“ дѣвицъ, благосклонныхъ лишь къ нѣкоторымъ избраннымъ, гордыхъ и расфуфыренныхъ, поющихъ модные романсы подъ аккомпаниментъ піанино, манерничającychъ, важныхъ, а въ то время хоръ, подобный хору Скосырева, состоялъ изъ десятка хорошенькихъ веселыхъ дѣвушекъ, поющихъ разгульные веселыя пѣсни подъ звуки гитары, бубна, подъ лихое треньканье балалайки и знающихъ, что не придишь онѣ по душѣ барину, не угоди ему или его гостямъ, такъ сейчасъ же послѣдуетъ возмездіе въ видѣ болѣе или менѣе серьезной „припарки“, на которую въ то время были щедры рѣшительно всѣ, отъ важнаго барина и до богатаго купца по отношенію къ своимъ дѣтямъ, и отъ главы семейства до любого воспитательнаго учрежденія. Разгула, дикой удали, веселья въ тогдашнемъ хорѣ было несравненно больше, а на упомянутыя „припарки“ вниманія не обращалось, къ нимъ въ то время призывали и говорили: „баринъ обидитъ, баринъ и помилуетъ“. Хоръ барина жилъ сыто, весело, имѣлъ деньги, а пѣвицы его обыкновенно выдавались за „хорошихъ людей“, снабженные приличнымъ приданымъ, часто награжденные землей

съ дѣсомъ и угодыми, скотиной. Теперь какой-нибудь пѣвецъ изъ жидковъ корчитъ изъ себя барина и, потѣшая въ загородномъ кабачкѣ подгулявшаго купчика, важничаетъ, ломается, ходитъ накрахмаленный и раздутый, противный и скучный, а тогда такой пѣвецъ ходилъ волчкомъ, взвивался голосомъ подъ небеса, отдавалъ все, что имѣлъ, и ужь если веселилъ, такъ веселилъ, памятуя, что за удовольствіе онъ получить и золотыхъ въ шапку, и напьется „барскимъ пойломъ“, и во всю жизнь сытъ будетъ.

Однимъ словомъ, веселье тогда было полное, широкое, и мы, слушатели нынѣшнихъ хоровъ, можемъ имѣть о хорѣ того времени самое смутное представленіе. Древніе старики и старухи помнятъ, рассказываютъ. Остались, конечно, и записки того времени, памятники. Съ рассказовъ такихъ стариковъ и старухъ да по запискамъ того времени и пишемъ мы свою повѣсть.

У Павла Борисовича хоръ состоялъ изъ двѣнадцати очень хорошенькихъ и большею частію молоденькихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и семи пѣвцовъ, изъ которыхъ шесть были тоже крѣпостными, а седьмой, ужасающій басъ, былъ нанятъ и получалъ двадцать рублей въ мѣсяцъ жалованья, „мѣсячину“, то есть наекъ, отпускаемый разъ въ мѣсяцъ, и платье, не считая подарковъ отъ барина и его гостей, Зуботычины, „звонкое прикосновеніе арапника“ и затрещины—въ счетъ не шли. Въ числѣ хора была одна старуха, когда-то

знаменитая пѣвица и плясунья; она состояла чѣмъ-то вродѣ хормейстерши, надзирала за дѣвушками пѣвицами, блюла чистоту ихъ нравовъ и имѣла довольно широкія полномочія, до права „вспрыснуть“ включительно. Старуху эту звали Матреной Карповной; она носила шелковыя платья и имѣла право садиться передъ бариномъ, конечно, во время пѣнія только. Два взрослые сына Матрены Карповны были на волѣ и служили въ Петербургѣ, а дочь была замужемъ за чиновникомъ межевой канцеляріи.

Хоръ вошелъ и занялъ мѣсто въ углу большой съ хорами и колоннами залы. Одѣты пѣвицы были въ разноцвѣтные шелковые и бархатные сарафаны, въ кисейныя рубашки съ прошвами, а мужичпы— въ синіе чекмени и казацкіе шаровары съ красными лампасами. Матрена Карповна подошла къ барской ручкѣ, поклонилась гостямъ и вернулась къ хору.

— Мою любимую, — „Красотку!“ —громко приказалъ Скосыревъ, выходя въ залу со стаканомъ пунша. Гости слѣдовали за нимъ, звеня стаканами, шпорами и громко переговариваясь.

— Вниманіе, господа: сейчасъ чудную пѣсню пропоютъ мои дѣвки, —проговорилъ Скосыревъ.

Впереди хора помѣстился гитаристъ Тишка, взялъ аккордъ, топнулъ ногой, и Матрена нѣсколько хриплымъ, но все еще сильнымъ контральто запѣла только что вошедшую тогда въ моду пѣсню.

Хоръ подхватилъ, и заунывная мелодичная пѣсня полилась по комнатамъ.

„Что красотка молодая,
Что ты, свѣтикъ, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
Къ бѣлой ручкѣ клонишь?
Или словомъ, или взоромъ
Я тебя обидѣлъ?
Иль нескромнымъ разговоромъ.
Ввелъ при людяхъ въ краску?...“

Пѣсня эта понравилась гостямъ. Богатый, очень толстый, грузный помѣщикъ Злотницкій подошелъ къ Матренѣ, поцѣловалъ ее и обернулся къ Скосыреву.

— Павелъ Борисовичъ, можно подарокъ сдѣлать твоей Матренѣ?

— Сдѣлай одолженіе, это твое дѣло.

Злотницкій досталъ изъ бумажника „бѣленькую“ и подалъ Матренѣ, а пачку мелкихъ депозитокъ бросилъ въ группу пѣвицъ и пѣвцовъ.

— Веселую, живо! — крикнулъ Скосыревъ. — Наташка, впередъ плясать!

Хорошенькая статная блондинка вышла впередъ, подбоченилась, дождалась пѣсни и плавно, сперва лебедью, прошла вокругъ, потомъ изогнула станъ, притопнула ножкой въ красномъ сафьянномъ башмакѣ и понеслась подъ звуки лихой пѣсни, махая платочкомъ, свивая и развивая станъ, легко скользя по паркету. Толстый Злотницкій не вытерпѣлъ, притопнулъ, выбѣжалъ на встрѣчу Наташѣ и пошелъ передъ нею, помахивая и присѣдая.

Запыхавшаяся, красная, какъ алое сукно, остановилась Наташа и, улыбаясь, влажными глазами смотрѣла на барина, ожидая отъ него ласковаго слова, одобренія. Гости аплодировали ей и шумно выражали восторгъ.

— Плохо,—недовольнымъ тономъ проговорилъ Павелъ Борисовичъ.—Вотъ Матрешка лѣтъ пятнадцать тому назадъ плясала, такъ плясала, это вотъ пляска была! Помнишь, Матрешка?

— Что было, то прошло, батюшка баринъ, и быльемъ поросло,—со вздохомъ отвѣтила Матрена.—Нынѣшнимъ такъ не плясать, тяжелы стали, больше о мамонѣ своемъ думаютъ, чѣмъ о барскомъ удовольствіи. Мы, бывало, батюшка баринъ, ночи не спали, учимшись, чтобы господамъ угодить, а что побоевъ, науки принимали, такъ и не выговоришь, а нонѣ не то.

— Учи и ты такъ, какъ тебя учивали.

— Ахъ, батюшка баринъ, какъ я ее учить буду, ежели она сичасъ мнѣ слово за слово! „Я, говорить, при баринѣ; ты, говорить, меня не смѣешь пальцемъ тронуть“.

Скосыревъ погрозилъ Наташѣ пальцемъ.

— Смотри у меня, быстроглазая! Выучить ее къ масляницѣ во что бы то ни стало, а пока пройдишь ты, Матрешка, вспомни старину, покажи, какъ плясывали.

— Охъ, не могу, батюшка баринъ, господь только насмѣшу,—отвѣтила Матрена, однако встала, оправилась, махнула хорю рукой и подъ звуки

иѣсни „Во лузяхъ“ илавно пошла по комнатѣ. Гости одобрили старуху дружными аплодисментами, а Злотницкій расцѣловалъ ее и отдалъ ей все содержимое бумажника. Попойка приняла грандіозные размѣры. Мужчинамъ хора поднесли водки, а дѣвушкамъ наливокъ, вина, сластей. Гуляла въ это время и дворня; попойка переходила изъ господскихъ апартаментовъ въ лакейскую и дѣвичью, оттуда въ застольную, въ людскія, въ конюшню. На разсвѣтѣ уже стали разѣзжаться гости и когда всѣ разѣхались, къ Павлу Борисовичу подошелъ Порфирій съ очень значительнымъ видомъ.

— У насъ не совсѣмъ благополучно, сударь, — доложилъ онъ.

— Что такое?

— Чистопольская Надежда бѣжала.

Скосыревъ довольно равнодушно посмотрѣлъ на Порфирія, протягивая ему ногу, чтобы снять сапогъ, и укладываясь въ постель.

— Это невѣста-то купеческая? — спросилъ онъ.

— Такъ точно-съ.

— Ну, это Шушерина штуки, я ему завтра зубы вышибу. Послать утромъ явку въ полицію... Пошелъ вонъ!

Павелъ Борисовичъ повернулся къ стѣнѣ и сейчасъ же захрапѣлъ. Успокоилось и все въ домѣ, только ночной сторожъ не спалъ, постукивая въ доску, да дежурный казачокъ бодрствовалъ въ сосѣдней со спальней комнатѣ.

VI.

Принявъ уже Чочеремисова, сидя съ нимъ въ гостинной и угощая его вареньемъ, Катерина Андреевна замѣтила, что гусарь страшно пьянъ. Молодая женщина испугалась было, сдѣлавъ это открытіе, но скоро успокоилась, такъ какъ гость велъ себя совершенно прилично и въ совершенствѣ владѣлъ собою. Лицо его было мертвенно блѣдно, глаза сверкали лихорадочнымъ блескомъ, языкъ заплетался, ноги плохо слушались, но онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, занималъ хозяйку разговорами и пилъ воду со льдомъ.

— Привезъ вамъ поклонъ отъ моего друга, — говорилъ онъ, спустя полчаса.

— Отъ какого друга? — спросила Катерина Андреевна.

— Отъ Скосырева Паши.

Катерина Андреевна слегка покраснѣла и поблагодарила гусара.

— Онъ здоровъ? — спросила она.

— Боленъ.

— Боленъ?

— Да. Ахъ, какъ онъ боленъ, мой бѣдный другъ!

— Кутилъ, вѣроятно, и простудился, — замѣтила Катерина Андреевна.

— О, нѣтъ, не то! Онъ влюбленъ мой бѣдный другъ.

Катерина Андреевна опять покраснѣла.

— Ну, что-жь, это болѣзнь не смертельная. Онъ богатъ, красивъ и ему нетрудно добиться взаимности. Эта болѣзнь излѣчивается бракомъ.

— Увы, для него это лѣкарство невозможно.

— Почему?

— Его красавица замужемъ.

Черемисовъ отпилъ глотокъ воды, проглотилъ кусочекъ льда, прошелся по гостинной, стараясь твердо ступать по ковровымъ дорожкамъ, и остановился передъ Катериной Андреевной. Храбрый въ атакѣ, не знающій страха нигдѣ и не передъ кѣмъ, побѣдитель и на полѣ брани, и на зеленомъ полѣ карточного стола или бильярда и передъ батареей бутылокъ, смѣлый ухаживатель, одинаково увѣренный въ себѣ и въ гостинной, и въ дѣвичьей, лихой гусаръ положительно робѣлъ теперь. Давши слово пріятелю, онъ считалъ священнымъ долгомъ своимъ исполнить это слово, да и не раскаивался въ немъ, но онъ не зналъ, какъ приступить къ исполненію плана. Выѣзжая изъ Москвы для отчаяннаго предпріятія своего, онъ обдумалъ все и рѣшилъ исполнить его очень просто: схватить Катерину Андреевну, вынести, закутать въ приготовленный салопъ, посадить въ сани и умчать, когда переодѣтый деньщикомъ Скворчикъ дастъ знать, что дворня напоена. Это казалось Черемисову очень легкимъ, простымъ, удобоисполнимымъ, и онъ больше по привычкѣ, чѣмъ „для храбрости“ выпилъ у Скосырева бутылку рома.

Сто съ небольшимъ верстъ, которыя отдѣляли имѣніе Коровайцева отъ Москвы, были сдѣланы въ девять часовъ, съ одною кормежкой на половинѣ дорогѣ, но на послѣднемъ постояломъ дворѣ Черемисовъ приказалъ остановиться и выпилъ стакановъ пять такъ называемаго „гусарскаго пунша“, который состоялъ изъ крѣпчайшаго рома съ небольшимъ количествомъ кипятку, а затѣмъ запилъ это, уже сидя въ саняхъ, прямо голымъ ромомъ безъ мѣры, изъ фляжки. Онъ хотѣлъ довести себя до состоянія полного охмѣлѣнія, въ которомъ легко было исполнить что угодно, въ которомъ Черемисовъ находилъ „море по колѣно“, но когда онъ увидалъ Катерину Андреевну, когда она, изящная, нѣжная, гостепріимная и радушная, встрѣтила его съ пріемами свѣтской женщины, онъ положительно растерялся и не находилъ возможнымъ поступить такъ, какъ обдумалъ. Хмѣль соскочилъ съ пего, какъ послѣ хорошаго холоднаго душа. Онъ завелъ разговоръ о Скосыревѣ съ умысломъ узнать мнѣніе о немъ Катерины Андреевны, но и разговоръ у него не клеился.

— Да-съ, его красавица замужемъ, — повторилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, ему остается призвать на помощь благоразуміе и постараться забыть ее, — отвѣтила Катерина Андреевна.

— Не можетъ! — воскликнулъ Черемисовъ. — Ужъ онъ заливалъ свое горе виномъ, заливалъ, а оно, горе это проклятое, все сильнѣй да сильнѣй!

— Вино—плохое лѣкарство отъ этой болѣзни, — замѣтила Катерина Андреевна.

— Плохое, плохое, это вѣрно, но что же ему дѣлать остается? Пулю ежели въ лобъ, такъ жалъ лба-то...

— А вашъ другъ говорилъ о своей любви дамѣ сердца своего?

Черемисовъ отвѣчалъ не вдругъ: онъ не зналъ, говорилъ-ли что нибудь Скосыревъ про свою любовь Катеринѣ Андреевнѣ.

— Нѣтъ-съ, не говорилъ-съ, отвѣчалъ онъ наугадъ и прошелся по комнатѣ, гремя шпорами.

— Онъ мнѣ поручилъ поговорить съ нею объ эгомъ.

— Вамъ?

— Да.

— Ну, и что же, говорили вы?

Молодая женщина поняла, что гусаръ робѣетъ и начала играть съ нимъ: ей захотѣлось помучить его, поставить въ затруднительное положеніе. Женщины мастерицы на это, когда мужчина конфузится и робѣетъ.

— Еще нѣтъ,—отвѣчалъ Черемисовъ, продолжая ходить.

— Почему?

— Да такъ-съ... Впрочемъ, я скажу!...

Онъ рѣшительно сѣлъ на кресло неподалеку отъ хозяйки, рванулъ правый усъ сперва внизъ, потомъ закрутилъ его къ самому глазу и проговорилъ.

— Онъ любить васъ, Катерина Андреевна, въ васъ онъ влюбленъ.

Молодая женщина съ достоинствомъ выпрямилась и гордо посмотрѣла на гостя.

— Сударь, вы обижаете меня, — проговорила она. — Вы нарушаете право гостепріимства, сударь, говоря такія слова женѣ хозяина дома, въ которомъ вы гость.

Темнокрасное, какъ вылитое изъ бронзы лицо гусара сдѣлалось какого-то кирпичнаго цвѣта. Онъ еще сильнѣе рванулъ себя за усы и щелкнулъ шпорами.

— Да, да, это вѣрно, вѣрно... Извините меня, сударыня!... Ахъ, чортъ меня возьми. какой я плохой дипломатъ! Еслибъ онъ послалъ меня врубиться въ каре непріятельской пѣхоты, атаковать самого сатану въ его берлогѣ, — я не задумался бы и маршъ, маршъ съ саблей на голо, а тутъ... Простите, я глупъ, я съ ума сошелъ!... Впрочемъ, я готовъ дать удовлетвореніе, готовъ...

— Мнѣ?—съ худо скрываемою улыбкой спросила Катерина Андреевна, забавляясь смущеніемъ удалого гусара.

— Кому угодно-съ, кому вы прикажете.

Черемисовъ всталъ и положительно не зналъ, что дѣлать. „Напиться бы теперь въ лоскъ, до положенія ризъ!“ — съ тоскою подумалъ онъ и стоялъ, какъ школьникъ передъ учителемъ.

Дверь изъ сосѣдней комнаты пріотворилась, и высунулась голова Скворчика, преобразившагося

до полной неузнаваемости. Его борода, краса кучерскихъ бородъ, пала по непреклонной барской волѣ подъ бритвой цирюльника и на красномъ широкоскуломъ лицѣ торчали лишь громадные щетиныстые усы; курчавые волосы были острижены подъ гребенку; на богатырскія плечи съ трудомъ была натянута гусарская вепгерка. Онъ былъ похожъ на избалованнаго, давно отвыкшаго отъ военной школы и выправки денщика, знающаго болѣе теплую постель, повозку, барскіе сапоги и походную кухню, чѣмъ строеваго коня и саблю.

— Баринъ... ваше благородіе! — тихонько позвалъ онъ Черемисова.

— Pardieu! — поклонился тотъ хозяйкѣ и вышелъ къ Скворчику.

— Пора, баринъ!

— Пора?

— Пора. Дворню я напоилъ, всю баклажку выноилъ и бутылкой рому лакъ навелъ. Кто дрыхнетъ ужъ, а кто лыка не вяжетъ. Сашка съ тройкой на дворѣ, и ворота отворсны, и тройка съ ребятами за околицей, ежели погопя будетъ: Людишки то сказываютъ, что баринъ ихній сейчасъ долженъ быть, съ охоты де пріѣдетъ. Тогда, сударь, труднѣе будетъ.

Черемисовъ, до боли теребялъ усы.

— Борьба все же должна быть?—спросилъ онъ,

— Никакъ нѣтъ, я такъ полагаю. Всѣ пьяны въ домишкѣ то, не образумятся, а ежели на дворѣ, такъ и некому остановить.

— Тебя не признали?

— Никакъ нѣтъ. Кто-жь теперича можетъ признать меня? Мать родная, и та не узнала бы. Тутъ, ваше благородіе, дѣвка одна за нами увяжется, ее можно, чай, прихватить.

— Какая дѣвка?

— Горничная барынина, Глашка. Старая такая вѣдьма, и умная шельма, ловкая. Какъ началъ я дворню спаивать, такъ дѣвка эта сразу смекнула, что не просто, да и меня она признала, проклятая, такая дотошная! По перстеньку на мизинцѣ признала. „Вы, говоритъ, кучеръ барина Скосырева и не зря такую машкараду устроили. Я, говоритъ, пить дворнѣ не позволю и сейчасъ на деревню пошлю за народомъ, а вотъ сжали меня въ компанію возьмете—дѣйствуйте“. Ну, а я все ей и сказалъ.

— Ну, и что же?

— Обрадовалась. „Чудесно, говоритъ, нашей барынѣ будетъ у Скосырева господина, а тутъ, говоритъ, ей не мѣсто“. Сказала это такъ и сама принялась моею водкой дворню угощать, а сама не пьетъ. Теперича сидитъ на рундучкѣ въ лакейской и узелокъ держитъ, — барынины вещи кое какія захватила, надо, говоритъ, на первое время.

— Такъ, стало быть, все готово?

— Все-съ. Надо торопиться, а то пріѣдетъ баринъ, такъ пожалуй и безъ смертоубійства не обойдется.

Черемисовъ подумалъ одну минуту.

— Такъ ступай же, бери барыню, а я въ саняхъ буду, — рѣшительно сказалъ онъ, пристегнуль саблю, которая стояла тутъ же въ углу, накинულъ свою дорожную медвѣжью шубу и быстро вышелъ черезъ темныя сѣни на дворъ. Лихая тройка, не знающая устали, стояла неподалеку отъ такъ называемаго „краснаго“ крыльца и погромыхивала бубенцами. Помощникъ Скворчика, молодой кучеръ Сашка, сидѣлъ на козлахъ широкихъ саней, готовый гакнуть на лошадей каждую минуту. У воротъ стояли въ тѣни запорошенныхъ снѣгомъ ракитъ еще два молодца, а издали, отъ барской риги, чуть слышно доносилось пофыркиванье другой тройки съ народомъ. Черемисовъ подошелъ къ санямъ и позвалъ стоявшихъ у воротъ ребятъ.

— Какъ выѣдемъ со двора, такъ сію же секунду ворота на запоръ, а сами на ту вонъ тройку и за нами, приказалъ онъ. — Близко не поѣзжайте, держитесь шаговъ на триста и, въ случаѣ погони, нагайками бейте, кулаками, а чтобы смертнаго боя не было.

— Да не догнать имъ, сударь, — отвѣтилъ одинъ. — Гдѣ-жъ нашихъ коней догнать? При томъ же пьяны всѣ, лямка не вяжутъ.

— Ну, тѣмъ лучше. Ступайте.

Катерина Андреевна, оставшись одна, сперва улыбнулась, потомъ задумалась. Ей забавнымъ казалось смущеніе гусара, взявшаго на себя роль повѣреннаго, но затѣмъ она поняла, что все это оскорбительно для нея, что къ замужнимъ жепщи-

намъ съ такими порученіями не ѣздить. Она по-дивилась на Скосырева, котораго знала за чловѣка свѣтскаго, и удивлялась, что онъ выбралъ такой способъ для объясненія въ любви. Потомъ ей представился этотъ Скосыревъ, влюбленный въ нее. Она его пожалѣла и глубоко вздохнула. Вѣдь и онъ ей любъ, очень любъ, но... Надъ этимъ „но“ Катерина Андреевна думала и ранѣе и пришла къ тому заключенію, что все это надо забыть, бросить. Въ ту пору Пушкинская Татьяна, сказавшая Онѣгину: „я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна“, не была еще знакома нашимъ уѣзднымъ дамамъ, но принципы Татьяны были прочны среди этихъ дамъ, и онѣ, за небольшими исключеніями, отвѣтили бы своимъ поклонникамъ такими же словами. Такими словами отвѣтила бы и Катерина Андреевна Скосыреву, объяснишь онъ ей въ любви, но въ сердцѣ ея билась любовь къ этому Скосыреву, а одинокое, скучное житѣе въ глухой деревушкѣ, игра въ карты съ Глафирой, надзоръ за дѣвушками, плетущими никому не нужныя кружева, приготовленіе соленья и варенья, выѣзды къ такимъ же сѣренскимъ сосѣдямъ надоѣли ей и пылкая душа просила иной жизни.

Она вздохнула нѣсколько разъ, и хорошенькое личико ея затуманилось.

— Но что же это гость не возвращается? Это вѣдь невѣжливо съ его стороны, — вышелъ, вызванный денщикомъ, и не возвращается!...

Дверь отворилась и на порогѣ показалась могучая фигура Скворчика. Онъ какъ-то загадочно улыбался и держалъ на рукѣ богатый салонъ собольяго мѣха, крытый малиновымъ бархатомъ. Что это значить?...

— Пора, сударыня, пожалуйста, — проговорилъ Скворчикъ, распахивая салонъ.

— Пора?—съ изумленіемъ переспросила Катерина Андреевна. — Пожаловать?... куда пожаловать? Что ты говоришь, любезный?

— Ъхать, стало быть, пора, баринъ ожидаетъ. Пожалуйста.

Скворчикъ сдѣлалъ два шага впередъ.

— Да что ты говоришь? Что такое?

Катерина Андреевна поднялась съ мѣста, тревожно уже смотря на Скворчика.

— Глафира, Глафира! — крикнула она. — Степанъ, Мишка!

Гробовое молчаніе было ей отвѣтомъ.

— Глафира!

— Э, барыня, что тутъ съ тобой разговаривать!—крикнулъ Скворчикъ, быстро подошелъ къ Катеринѣ Андреевнѣ, запахнулъ ее салономъ съ головою, такъ что она пискнуть не успѣла, подхватилъ какъ ребенка, какъ перышко, и выбѣжалъ сперва въ сосѣдную комнату, потомъ въ лакейскую, а потомъ и въ сѣни. Одѣтая въ шубу, Глафира присоединилась къ нему и заботливо завертывала полами салона ножки барыни въ бѣлыхъ чулочкахъ и крохотныхъ туфелькахъ. Слабо би-

лась въ желѣзныхъ объятіяхъ Скворчика Катерина Андреевна и глухо, почти неслышно звала на помощь, крѣпко закутанная салопомъ. Черемисовъ принялъ ее, положилъ въ сани, закинулъ медвѣжьей полостью, вскочилъ въ сани самъ и крикнулъ:

— Пошелъ!

Завизжали по снѣгу полозья, звякнули бубенцы, и тройка съ мѣста тронула рысью. На ходу уже швырнулъ Скворчикъ въ сани Глафиру и самъ вскочилъ на козлы.

— Пусти!—крикнулъ онъ Сашкѣ, взялъ возжи, тряхнулъ ими, отвелъ правую руку въ сторону и гаркнулъ на лошадей съ молодецкимъ посвистомъ. Тройка подхватила и понеслась по хорошо укатанной дорогѣ, какъ вихорь. Позади загремѣла бубенцами другая тройка.

— Встрѣча, Скворчикъ, — замѣтилъ Сашка, вглядываясь въ морозную туманную даль. Кто то одиночкой ѣдетъ.

— Это здѣшній баринъ ползетъ съ охоты. Сичасъ сшибу его. Эхъ вы, варвары, поддай, голубчики!

— Право! — крикнулъ тревожный голосъ изъ встрѣчныхъ саней, и одиночка быстро принялась сворачивать съ дороги.

— Лѣво! — насмѣшливо отвѣчалъ Скворчикъ, забралъ лошадей въ сторону и со всего разлета сѣшено скачущей тройки хватилъ санями по оглоблямъ и по маленькимъ санкамъ встрѣчныхъ. До-

шадка ихъ остунилась, метнулась и упала въ снѣгъ, а изъ перекувырнувшихся саней вылетѣли и кучерь, и сѣдокъ.

— Анаемы, чортъ васъ несетъ, разбойниковъ! — раздались сзади голоса, но Скворчикъ мчался ужъ по дорогѣ, съ хохотомъ оглядываясь назадъ.

— Не остановили бы ту тройку, — замѣтилъ Черемисовъ.

— Шутъ ее остановить, баринъ. Не такія лошади, да и парень не такой посаженъ на козлы.

Вторая тройка дѣйствительно безпрепятственно пролетѣла мимо опрокинувшихся и завязшихъ въ снѣгу саней и только проклятiя понеслись ей вслѣдъ, да кто то грозилъ ружьемъ.

— Пропутаются тутъ съ часъ, потому и супонь, и тяжи лопнули, — замѣтилъ Скворчикъ.

Усадьба Коровайцева пропала изъ вида, только лай сторожевыхъ собакъ доносился издалека, да кое-гдѣ огоньки мелькали въ деревнѣ.

— Баринъ, — оглянулся на Черемисова Скворчикъ, — откройте головку то барынѣ, не задохлась бы, храни Богъ.

Черемисовъ приподнялъ съ подушекъ закутанную Катерину Андреевну, а Глафира быстро достала изъ-подъ полы большой ковровый платокъ и ловко, привычными руками накрыла имъ голову барыни, завязавъ концы на шеѣ и запахнувъ пушистый саланъ.

Катерина Андреевна жадно вдохнула въ себя

свѣжій воздухъ и сѣла, съ ужасомъ озираясь. Снѣжная равнина разстилалась кругомъ; рядомъ съ Катериной Андреевной торчало взволнованное, но радостное лицо Глафиры, напротивъ сидѣла мужская фигура, закрытая до самаго лба медвѣжьей шубой. Тройка мчалась во весь духъ, и широкія сани, доверху наполненные сѣномъ, покрытымъ ковромъ и подушками, ныряли въ ухабахъ или скользили по ровному мѣсту.

— Боже мой, что это такое? — проговорила Катерина Андреевна. — Гдѣ я, что со мнѣю?

— У хорошихъ людей, матушка вы моя, радость вы наша свѣтлая, — отвѣчала Глафира, придерживая барыню за талию поверхъ салона. — Я тутъ съ вами, Глашка ваша вѣрная тутъ, копые ваше неизмѣнное, не бойтесь, солнышко вы наше красное!...

— Да что же это такое? — повторила Катерина Андреевна, озираясь. — Меня похитили, увезли силой... Куда меня везутъ?

— Къ хорошимъ людямъ, матушка, къ хорошимъ людямъ.

— Не хочу я, пустите меня, пустите!

Катерина Андреевна рванулась было, но Глафира крѣпко держала ее поперегъ туловища, а ноги молодой женщины были плотно закутаны полостью.

— Пустите меня! — сильнѣе крикнула Катерина Андреевна. — Спасите, помогите, разбой!...

Скворчикъ сдержалъ лошадей и оглянулся.

— Сичасъ деревня какая то, баринъ, — проговорилъ онъ. — Намъ ее не миновать, а ежели сударыня кричатъ будутъ, такъ бѣды бы не вышло. Прикройте ихъ. Ты, ворона, убаюкай барыню то!

Глафира быстро приподняла воротникъ салона и накрыла имъ голову Катерины Андреевны, а самое ее положила на подушки и ухватила обѣими руками. Чуть слышно продолжала вскрикивать Катерина Андреевна, а обѣ тройки съ гикомъ, съ посвистомъ гагайкающихъ людей пронеслись деревней, выѣхали за околицу и понеслись дальше.

Въ двадцати пяти верстахъ отъ имѣнія Корвайцева былъ постоянный дворъ, гдѣ дожидалась подстава Совсѣмъ готовыя тройки ждали уже тамъ и во дворѣ постоянного перешли все въ другія сани, осторожно перенесли Катерину Андреевну и не болѣе, какъ черезъ пять минутъ, поѣхали дальше.

На разсвѣтѣ похитители и похищенная были въ имѣніи Павла Борисовича „Лаврикахъ“.

VII.

Задумавъ въ состояніи непрерывнаго „угара“ отъ вина и страсти дерзкое и безумное похищеніе Катерины Андреевны, Скосыревъ даже и не вѣрилъ въ возможность этого похищенія; не вѣрилъ до такой степени, что и не поѣхалъ въ „Лаврики“, а послалъ туда, „на всякій случай“, Ма-

трени и Порфирія, давъ имъ приказаніе припять подневольную гостью, если она, паче чаянія, будетъ, беречь пуще глаза и сейчасъ же послать въ Москву „нарочнаго“ на самой рѣзвой лошади изъ всей конюшни. Сдѣлавъ это распоряженіе раннимъ утромъ, лежа еще въ постели послѣ кутежа съ гостями, Павелъ Борисовичъ приказалъ позвать Шушерина.

Долго крестился около двери барской опочивальни Шушеринъ, нѣсколько разъ повторилъ: „Господи, помяни царя Давида и всю кротость его“ и вошелъ, робко ступая и кланяясь особенно низко и приниженно.

— Гдѣ Надька?—крикнулъ Павелъ Борисовичъ, приподымаясь съ постели.

— Батюшка, баринъ вы нашъ высокоименитый, отецъ вы нашъ и благодѣтель...

— Гдѣ Надька?—опять крикнулъ Павелъ Борисовичъ, перебивая вступительную рѣчь своего управителя.—Ты у меня Лазаря тутъ не пой, каналья, а говори прямо, а то я тебѣ задамъ, старой лисицѣ? Гдѣ Надька?

— Сбѣжала, батюшка, сбѣжала!..

Шушеринъ опустился на колѣни.

— Не казните вы раба вашего, простите вы меня, окаяннаго, нерадиваго, нерадѣтельнаго! Недосмотрѣлъ, надзора надлежащаго не сдѣлалъ и убѣгла проклятая!... Батюшка, я чѣмъ свѣтъ былъ нонѣ у купца Латухина, тамъ ее думалъ найти,—

нѣтуту! Найдемъ, батюшка, сыщемъ, своими руками шкуру съ нея спущу!

— Сперва я съ тебя шкуру спущу, старая ли-
сица!—грозно заговорилъ Павелъ Борисовичъ и
спустилъ съ кровати ноги, попавъ ими прямо въ
приготовленные на коврѣ туфли.—Съ тебя я шкуру
спущу! Ты что же за дурака меня, что ли, счи-
таешь? Ты думаешь, что я не догадался, въ
чемъ дѣло?

Павелъ Борисовичъ подошелъ къ Шушерину
вплотную. Управитель дрожалъ всѣмъ тѣломъ и
усиленно хлопалъ своими рысьми глазками.

— Ты самъ, каналья старая, помогъ ей бѣжать,
разсчитывая на то, что я охотно уступлю этому
купцу твоему состоящую въ бѣгахъ дѣвку и возьму
тысячу двѣсти рублей, а ты получишь столько же
или еще болѣе, ты такъ думаешь? Ты хотѣлъ об-
мануть и одурачить меня?

— Батюшка...

— Молчать!—на весь домъ крикнулъ Павелъ
Борисовичъ, и звонкая пощечина огласила ком-
нату.—Я тебя выучу, старый хрычъ, служить мнѣ
вѣрой и правдой! Не выйдетъ по твоему, не вый-
детъ! Со дна моря достану дѣвку бѣглую, отдеру,
какъ сидорову козу, и отдамъ за послѣдняго му-
жиченку! Обманывать меня? Обманывать?

Шушеринъ повалился барину въ ноги и этимъ
избѣжалъ второй пощечины.

— Вонъ!—крикнулъ на него Павелъ Борисо-

вичъ.— Не смѣть мнѣ показываться на глаза, пока Надька не будетъ найдена! Вонъ!

Шушеринъ поднялся, низко поклонился барину и вышелъ. Власть отъ него не была отнята, и онъ на подчиненныхъ сорвалъ свою обиду, горе, несчастіе. Горько было въ этотъ день дворнѣ отъ расходившагося управителя!

Павелъ Борисовичъ между тѣмъ послалъ въ часть формальное заявленіе о бѣжавшей дѣвкѣ своей Надеждѣ Игнатьевой Грядиной и указалъ въ бумагахъ на купца Латухина, который, по его, гвардіи поручика Павла Борисовича Скосырева предположенію, долженъ быть укрывателемъ бѣглой дѣвки. Описавъ примѣты бѣглянки, Павелъ Борисовичъ сверхъ того командировалъ въ распоряженіе полиціи своего крѣпостнаго человѣка, лакея Петра, который долженъ признать бѣглянку, ежели она найдется у Латухина. Мѣстный приставъ, получивъ заявленіе отъ богатаго, съ громкими связями барина, не замедлилъ сдѣлать распоряженіе, не положилъ бумагу „подъ сукно“, какъ водилось тогда, а въ тотъ же часъ послалъ отношеніе къ приставу Пятницкой части, въ вѣдѣніи котораго находился домъ Латухина; посылая отношеніе, приставъ прибавилъ еще записочку, извѣщая коллегу, что гвардіи поручикъ Скосыревъ человѣкъ знатный, богатый. „У самого генералъ-губернатора бываетъ запросто и принимаетъ особъ большаго ранга, какъ равныхъ, о чемъ и считаю

нужнымъ предупредить васъ, товарищъ“, писалъ онъ, между прочимъ.

Въ ту пору Пятницкою частью правилъ частный приставъ Аристархъ Венедиктовичъ Лихотинъ, гроза обывателей, громъ и молнія подчиненныхъ, образцовый служака. Громаднаго роста, рыжій и косой на одинъ глазъ, онъ былъ страшилищемъ для обывателей, имъ дѣтей пугали и звали его „Лихо одноглазое“. Разнаго рода темные люди, веселыя дѣвицы, попавшіе въ немилость крѣпостные и тому подобный людъ дрожалъ при одномъ видѣ грознаго и всесильнаго пристава, да и очень богатые, но „не славные родомъ“ обыватели побаивались Лихотина, хотя и задобривали его частыми и обильными подарками. Власть пристава въ ту пору была очень велика, и съ ней приходилось считаться очень многимъ. Не надо забывать, что всѣ мелкія судебныя дѣла, всѣ взысканія, все то, что теперь вѣдается то мировыми судьями, то Окружнымъ Судомъ, то судебными приставами, въ ту пору вѣдались полиціей, а тѣлесныя наказанія практиковались очень широко, и приставъ могъ безъ всякаго суда „всыпать“ сотню лозановъ совершенно почтенному обывателю, его женѣ, дочери, кому угодно, если только человѣкъ не былъ, по закону, избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія, а такихъ было немного, сравнительно. Мудрено было и жаловаться тогда на полицейскаго пристава человѣку несильному.

Мирно бесѣдовалъ за чайкомъ со своею матерью,

съ Надеждой и Машей Иваѣъ Лнемподістовичъ Латухинъ, только что вернувшись изъ лавки, какъ къ нему прибѣжалъ Шушеринъ.

— Прячь Машу! — крикнулъ управитель, вбѣгая въ горницу, запыхавшись и едва дыша. — Немедля ни мало прячь Машу, — сегодня же у васъ обыскъ будетъ!

Латухинъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и уронилъ на полъ расписное съ золотомъ блюдечко, облившись горячимъ чаемъ. Женщины вскрикнули и заплакали.

— Не до реву теперь, не до слезъ! — обратился къ нимъ Шушеринъ. — Не медля отправляйте куда-нибудь Машу, а то схватятъ ее...

— Батюшки, да что же это такое? — воскликнула старуха Латухина, всплеснувъ руками. — За что же мы погибать то должны?... Что случилось то, батюшка вы мой?

— Послѣ, послѣ узнаете, а теперь Машу спасайте. Одѣвайся, дѣвица, не медля ни минуты и бѣги куда-нибудь къ знакомымъ, почуй тамъ, живи, пока не извѣстимъ тебя...

— И Надюшѣ надо бѣжать? — дрожащимъ голосомъ спросилъ Латухинъ.

— Не надо, она за племянницу вашу Марію сойдетъ, какъ Маша сошла за нее. Живо отправляйте Машу, живо!...

Надя и старуха Латухина бросились снаряжать Машу, чтобы отправить ее въ Рогожскую къ родственникамъ, а Шушеринъ, въ изнеможеніи опу-

стившись на стулъ и вытирая лобъ клѣтчатымъ фуляровымъ платкомъ, принялся рассказывать Ивану Анемподистовичу все дѣло.

Все вышло совершенно неожиданно для Шушерина: „на каждого мудреца довольно простоты“, — говорилъ теперь онъ. Онъ рассчитывалъ, что Маша не понравится Павлу Борисовичу, и, какъ мнимая Надежда, получить вольную немедленно. Вышло не такъ, но и тогда Шушеринъ не испугался и не струсилъ. Онъ устроилъ побѣгъ Маши и полагалъ, что дѣло о ней пойдетъ, какъ и въ бывавшихъ до сихъ поръ случаяхъ побѣга, обычнымъ порядкомъ, то есть черезъ него, Шушерина. Пока судъ да дѣло, пока переписки, отписки, донесенія и справки, Шушеринъ успѣетъ склонить барина дать вольную Надеждѣ: все зависитъ отъ случая, отъ доброй минуты, отъ того, чтобы попасть къ барину, что называется, „въ часъ“, но Шушеринъ опустилъ изъ виду то обстоятельство, что горячій, вспыльчивый и своенравный Павелъ Борисовичъ терпѣть не могъ лжи, „подвоха“, игры въ темную. „Укради, возьми взятку, наживи, но скажи мнѣ!“ — часто говаривалъ Павелъ Борисовичъ. Чистосердечно покаявшагося раба онъ прощалъ иногда и за очень большую вину, жестоко наказывая и за малую, если рабъ обманывалъ барина, продавалъ его или не умѣлъ цѣнить барской милости. Эти черты характера Павла Борисовича были хорошо извѣстны Шушерину и случалось, что управитель выпрашивалъ вольную какому ни-

будь богатому мужику или разжившемуся на оброкѣ дворовому, говоря, что отпускаемый на волю „благодарить“ его, Шушерина, золотыми часами, серебрянымъ сервизомъ, деньгами, дорогою шубой и тому подобное. Баринъ смотрѣлъ на подарокъ, полученный Шушеринымъ, шутя называлъ его „воромъ“ и дѣлалъ по его. Въ данномъ случаѣ Шушеринъ поступилъ бы такъ же, можетъ быть, но онъ боялся показать Павлу Борисовичу Надю и придумалъ „комедь“. „Комедь“ не удалась и надо было умѣло, ловко расхлебать заварившуюся кашу. Шушеринъ успокоилъ, какъ могъ, старуху Латухину и принялся развивать передъ нею и передъ Иваномъ Анемподистовичемъ планъ своихъ дѣйствій, когда Маша удалилась въ сопровожденіи стряпухи къ родственникамъ.

Планъ былъ таковъ: дѣвушку у Латухина не найдутъ, Надя будетъ выдана за родственницу Машу, и приставу въ голову не придетъ, что эта Надя, хладнокровно вышивающая въ пальцахъ, есть та самая бѣглая крѣпостная дѣвка, которую разыскиваютъ. Приставъ извѣститъ помѣщика бумагой, что въ указанномъ мѣстѣ бѣглою нѣтъ, и розыски пойдутъ своимъ чередомъ, „долгимъ порядкомъ“, то есть начнется переписка съ исправниками, со становыми, пойдутъ „публики“ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“ и такъ далѣе, а въ это время Шушеринъ успѣетъ склонить барина дать вольную, ибо все зависитъ отъ часа. На великое благо Латухина Павелъ Борисовичъ вдю-

бился въ Коровайцеву и думаетъ увезти ее,—это Шушерину извѣстно,—если онъ увезетъ ее, будетъ обладать ею, такъ нечего и сомнѣваться, что Надя будетъ отпущена на волю: въ періодъ влюбленности Павелъ Борисовичъ вниманія не обращаетъ на своихъ крѣпостныхъ красавицъ, даже хоръ въ это время живетъ въ загонѣ, даже красавица Наташа не видитъ ясныхъ очей своего барина и попадаетъ въ цѣпкія руки Матрены, находится въ опалѣ и терпѣливо ждетъ переменъ въ баринѣ.

Все это успокоило Латухиныхъ, и старушка плакала больше по бабьей привычкѣ „повыть“, чѣмъ по необходимости. Надя, блѣдная, но покойная по наружному виду, сидѣла въ своей свѣтлицѣ за пальцами. Одѣтая въ кисейное платье, выхваленная, „манерная“, она совсѣмъ не была похожа на дворовую дѣвку и представляла собою образцовый типъ купеческой дѣвицы изъ очень зажиточнаго дома. Паспортъ Маши, со стереотипными примѣтами, вродѣ: носъ прямой, подбородокъ круглый, глаза обыкновенные, лицо чистое — совершенно подходилъ къ ней,

— Не бойтесь, говорю вамъ, не бойтесь!—повторялъ Шушериный. —Ежели мы промахнулись немного, такъ это бѣда поправимая, все въ нашихъ рукахъ.

Съ мольбою смотрѣлъ на него Латухинъ, страдая невыносимо. Старуха мать рвала на части его сердце, говоря сквозь слезы:

— Отъ какихъ невѣсть отказывался, какими дѣвушками брезговалъ, а теперъ на вотъ поди, какое горе на домъ нашъ накачалъ! Отъ одного срама да отъ ужаста въ гробъ сляжешь.

Полиція придетъ, обыскъ будутъ дѣлать... Немудрено и до тюрьмы дойти съ такими дѣлами... А найдутъ ежели Надежду, схватятъ? Что въ тѣ поры будетъ съ тобой? Я, и то привыкла къ ней, полюбила ее, мнѣ и то тяжело будетъ, какъ схватятъ ее, поведутъ, какъ узнаю я, что холопы барскіе на конюшнѣ либо въ застольной терзатъ ее будутъ, тѣло бѣлое рвать, а потомъ въ деревню, въ скотницы, на муку, на потѣху какой нибудь бабы пьяной отдадутъ!..

— Маменька, не терзайте вы меня такими рѣчами! — вскрикивалъ Иванъ Анемподистовичъ, хватаясь за голову. — Легче мнѣ побои тяжкіе перенести, чѣмъ рѣчи эти! Не терзайте вы и себя, на Господа Милосердаго надѣйтесь. Доведись до чего нибудь такого, такъ я самъ къ барину пойду, въ ноги ему упаду, вымолю Надюшу. Вѣдь челоуѣкъ же онъ, есть же у него сердце и душа! Господи!

Успокоивъ кое какъ Латухиныхъ и увѣривъ ихъ, что все кончится благополучно, Шушеринъ удалился. Не прошло и получаса послѣ его ухода, какъ грозная вѣсть — „полиція нагрѣнула!“ — пролетѣла по дому. Надо вообразить живущимъ себя въ ту пору, чтобы понять весь ужасъ обитателей мирнаго купеческаго дома, навѣщеннаго полиціей,

да еще въ лицѣ такого грознаго представителя
ся, какимъ былъ Лихотинъ. Все замерло отъ ужа-
са, все дрогнуло и попряталось по угламъ и ще-
лямъ. Старуха Латухина пала передъ иконами въ
своей горницѣ; Иванъ Анемподистовичъ стоялъ
въ залѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ; какъ мраморное
изваяніе сидѣла красавица Надя въ своей свѣтлицѣ
за пальцами, схватившись руками за ихъ раму и
не дыша, не двигаясь ни единымъ членомъ, близ-
кая къ обмороку.

Поставивъ у воротъ двухъ „хожалыхъ“, при-
ставъ вошелъ во дворъ и поднялся по лѣстницѣ,
сопровождаемый квартальнымъ, двумя „подчасками“
изъ евреевъ-кантонистовъ и лакеемъ Скосырева.
Громыхая громадными тяжелыми ботфортами, въ
шляпѣ трехуголкѣ, надѣтой „съ поля“, то есть
поперегъ, какъ тогда носили, въ плащѣ, накинута-
томъ поверхъ мундира, вошелъ Лихотинъ въ залу,
держась лѣвою рукой за эфесъ длинной шпаги, а
правую засунувъ за бортъ мундира. Чуть не до
низкаго потолка касался головою громадный Ли-
хотинъ; рябоватое лицо его багроваго цвѣта было
чисто выбрито и только на щекахъ, около ушей,
торчали короткіе щетинистые бакенбарды рыжаго
цвѣта; густыя брови были сдвинуты, и изъ-подъ
нихъ грозно и пытливо смотрѣли косые глаза,
умѣющіе видѣть лучше любыхъ некосыхъ и при-
водившіе въ дрожь самыхъ смѣлыхъ людей.

— Ты купецъ Иванъ Анемподистовъ Лату-
хинъ?—грозно спросилъ приставъ хриплымъ ба-

сомъ, хотя зналъ Латухина хорошо, какъ своего обывателя, какъ усерднаго и хорошаго данника.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, я,—довольно покойно отвѣтилъ Латухинъ, совладѣвши съ собою.

— По показанію дворянина, гвардіи поручика Павла Борисовича Скосырева, у тебя въ домѣ находится крѣпостная дѣвка его, Скосырева, Надежда, гдѣ она?

— Таковой у меня въ домѣ, ваше высокоблагородіе, нѣтъ и не было.

— Лжешь!—крикнулъ Лихотинъ.—По глазамъ вижу, что лжешь. Вѣдомо ли тебѣ, что за укрывательство и пристанодержательство бѣглыхъ подвергаешься ты уголовной отвѣтственности по всей строгости законовъ и что отвѣтственность сія весьма тяжкая?

— Сіе мнѣ, сударь, вѣдомо.

— Ну, ладно, помни это. Веди по всѣмъ горницамъ, по всѣмъ закуткамъ и уголкамъ.

— Извольте жаловать за мною, сударь.

Приставъ, сопровождаемый своею свитой, пошелъ по комнатамъ. Въ опочивальнѣ старушки, гдѣ его встрѣтила съ низкими поклонами Латухина, онъ перерылъ все, даже въ платяной шкафъ заглянулъ. Поднялись и въ свѣтелку. Съ любопытствомъ и особымъ вниманіемъ посмотрѣлъ Лихотинъ на Надю, которая шила въ пальцахъ, низко опустивъ голову.

— Это кто?—спросилъ онъ Латухина.

— Родственница наша, дѣвица сиротка Марія, Маша, ваше высокоблагородіе.

— Паспортъ оной дѣвицы имѣешь?

— Имѣемъ, сударь.

— Покажи!

Латухинъ сбѣгалъ внизъ и принесъ паспортъ Маши. Мелькомъ взглянулъ Лихотинъ на паспортъ и возвратилъ его Латухину.

— Не она? — спросилъ онъ у человѣка Скосырева, показывая на Надю.

— Никакъ нѣтъ, не эта, — отвѣтилъ тотъ.

Въ той свѣтелкѣ, гдѣ теперь вышивала Надя, помѣщались обѣ дѣвушки и убрать кровать скрывшейся Маши не пришло никому въ голову. Такъ и стояли обѣ дѣвственныя чистыя кровати съ горками подушекъ, со стеганными одѣялами, съ ситцевыми пологами. Отъ вниманія Лихотина не ускользнули эти двѣ кровати.

— Ты гдѣ почиваешь, дѣвушка? — ласково спросилъ онъ у Нади, видимо пораженный ея красотой.

— Вотъ здѣсь...

— А эта кровать чья?

— Бываютъ, сударь, гости у насъ, изъ родни, — заговорилъ было Латухинъ, но Лихотинъ прикрикнулъ на него.

— Молчать, не у тебя спрашиваютъ!..

— Чья это кровать то, дѣвушка?

Надѣ не трудно было уже подтвердить слова Латухина.

— Такъ, такъ, — усмѣхнулся Лихотинъ. — А можетъ быть тутъ бѣглая то Надежда и почиваетъ именно, ась? Надежду то спровадили, а кровать то убрать не успѣли? Вороваты, да не больно... Такъ, что ли, дѣвица прекрасная?

Надя молчала.

— Ну, что съ тобой дѣлать? Повѣрю пока. Сперва вотъ поищу, потомъ поспрашиваю у челяди, а ежели не скажутъ, такъ и у тебя спрошу и ужъ по другому. Тогда заговоришь, все скажешь, ибо у меня есть мѣры понудительныя.

Приставъ обратился къ Латухину:

— Веди въ кухню, въ подвалъ, въ чуланы и не думай, что Лихотинъ не найдетъ. Вы меня, аршинники, знаю я, „Лихомъ одноглазымъ“ прозвали, такъ „Лихо“ я и есть, охъ, „Лихо“ для васъ большое!..

Всеѣ отправились въ кухню тѣмъ же порядкомъ.

VIII.

Лихотинъ произвелъ самый тщательный обыскъ и перерылъ весь домъ, но бѣглою дѣвки гвардіи поручика Павла Борисовича Скосырева нигдѣ не нашелъ.

— Успѣли скрыть куда-нибудь, мошенники, спроворили! — проговорилъ приставъ, выходя на дворъ изъ какого то чуланчика и оглядывая всѣхъ обитателей купеческаго дома, стоявшихъ вокругъ

съ выраженіемъ испуга и подобострастія на лицахъ.—Спроворили, анафемы, да не таковъ Лихотинъ, чтобы его одурачить можно. Знаю, что дѣвка была здѣсь, и найду!

Грозный приставъ оглядѣлъ всю челядь Латухина и остановилъ взглядъ на молоденькой бабенкѣ-стряпухѣ, которая особенно тревожно смотрѣла на него и дрожала всѣмъ тѣломъ. Эта бабенка показалась опытному въ дѣлѣ розысковъ приставу наиболѣе удобною, какъ болѣе другихъ трусливая и, очевидно, по молодости лѣтъ, не привыкшая еще къ посѣщенію неожиданныхъ гостей.

— У этихъ мордастыхъ разбойниковъ не скоро правды добьешься,—кивнулъ приставъ головою на „молодцовъ“, на работниковъ и на прочую челядь.—Подкуплены, задарены и шкура дубленая, а вотъ эта намъ скажетъ правду-матку.

Онъ указалъ хожалымъ на бабенку.

— Взять ее въ часть!

Бабенка взвизгнула и бросилась-было въ сторону, но хожалые схватили ее и мигомъ скрутили руки назадъ.

— Батюшка, кормилецъ, солнце красное, не погуби!—завизжала бабенка на весь дворъ.—Ой, не губи, кормилецъ, отпусти душеньку на покаяніе!

— Вотъ я тебѣ покажу „душеньку“! - проговорилъ приставъ.—Какъ начать тебя строчить съ двухъ сторонъ, такъ скажешь мнѣ все, скажешь, куда хозяева бѣглую спрятали! Ребята, ведите

ее въ часть и приготовьте тамъ все, а я сейчасъ буду.

Бабенка рванулась отъ хожалыхъ и упала приставу въ ноги.

— Охъ, помилуй, кормилецъ, не погуби! Все тебѣ расскажу, во всемъ покаюсь! Недавно я у нихъ, семьей день только живу, и слышала я отъ ребятъ, что скрывается-де у хозяевъ какая то дѣвица и будутъ-де ту дѣвицу нонѣ искать, а послѣ того и повезли ту дѣвицу куда то со двора дюжо спѣшно, въ Роговскую, слышь, куда то, работникъ Акимъ возилъ ее... Ничевошиньки больше я не знаю, кормилецъ, и не губи ты меня, не вынимай душеньки моей изъ тѣла грѣшнаго!..

Лицо пристава просвѣтлѣло.

— Ага, напалъ на слѣдъ!—весело проговорилъ онъ и окинулъ взглядомъ народъ. Поблѣднѣвшаго Акима не трудно было узнать среди прочихъ молодцовъ.

— Ты Акимъ? — грозно спросилъ у него приставъ.

— Такъ точно.

— Закладай лошадь сію минуту и вези меня въ Рогожскую, въ тотъ домъ, въ который ты дѣвку возилъ.

— Я, ваше благородіе...

— Ну?

— Я ничего не знаю, не вѣдаю...

Не dokonчивъ начатой фразы, качнулся Акимъ

всѣмъ корпусомъ отъ могучей руки Лихотина въ лосиной перчаткѣ съ раструбомъ.

— Лошадь закладывай, шельма, а то я тебѣ всѣ зубы повышибу, шкуру съ затылка до нять сдеру!

Акимъ потупился, утеръ окровавленный носъ и пошелъ къ конюшнѣ. Блѣдный, какъ полотно, стоялъ Иванъ Анемподистовичъ и курчавая голова его клонилась на грудь все болѣе и болѣе.

— Что, братъ, попался? — обратился къ нему Лихотинъ, приказавъ хожалымъ отпустить бабенку. — Теперь ау, не вывернешься, строго взыщется за укрывательство бѣглою, того гляди, что всѣмъ достояніемъ заплатишься.

— Ваше высокоблагородіе, не погубите, будьте отцомъ роднымъ, заставьте вѣчно Бога молить! — дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ Латухинъ.

— Поздно, братъ, теперь!

Приставъ отвелъ Латухина въ сторону.

— Что-жь, любвишка, что ли, у васъ съ дѣвицей то? Сердце тронуло, знать?

— Пуще жизни своей люблю я ее, ваше высокоблагородіе! Хотѣлъ жениться, тысячу двѣсти рублей господину помѣщику предлагалъ, да вышелъ капризъ, и все дѣло разладилось. Помогите, ваше высокоблагородіе, а я вашъ слуга по гробъ жизни моей!

— Говорю — поздно! Помѣщикъ то вонъ, ищутъ мнѣ, у господина генераль-губернатора свой человѣкъ, знатный баринъ, богачъ. Вотъ вы всегда такъ, аршинники: напроказять, насамовольнича-

ютъ, а потомъ ужъ и къ Аристарху Венедиктовичу: спаси, батюшка, помоги! Что бы тебѣ сперва ко мнѣ обратиться? Лихотинъ взялъ бы съ тебя, хорошо взялъ бы, ну, да и дѣло сдѣлалъ бы, а теперь что-жъ я могу? Теперь твою невѣсту вспрыснуть какъ слѣдуетъ, косу ей обстригутъ и въ деревню, свиней пасти.

Латухинъ такъ стиснулъ руки, что онѣ у него хрустнули.

— Ваше высокоблагородіе, отъ васъ въ зависимости, чтобы Маш... то-есть Надю позадержать маленько, — заговорилъ онъ. — Ежели возможно, такъ опять въ домъ нашъ ее препроводите, а ежели нельзя, такъ въ часть, но только безъ срама, безъ обиды. Вы призадержите ее, а я тѣмъ временемъ къ барину пойду, ему буду челомъ бить, авось, онъ и сжалится надо мной...

— Это можно, — отвѣтилъ Лихотинъ. — Въ домъ къ тебѣ я отпустить не могу, а продержу ее у себя на квартирѣ и три дня, и болѣе, а ты хлопочи. За квартиру да хлѣбъ заплатишь моей барынѣ, а ужъ обиды твоя зазноба не встрѣтитъ. Вѣдь я могу ее связать, да въ такомъ видѣ по городу сперва въ часть, а потомъ къ помѣщику и направить. Могу я и „припарку“ ей сдѣлать, яко бы за ослушаніе, за сопротивленіе...

— Нѣтъ, ужъ вы, ваше высокоблагородіе, тихохонько и легохонько все, а я вашъ слуга.

— Изволь. Ты вотъ что: ты съѣзди за ней самъ и привези сюда, а меня твоя родительница

пока водкой угостить, яшницу мнѣ сдѣлаеть. Только не вздумай куда нибудь спровадить дѣвицу. Одну только бѣду себѣ надѣлаешь.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, развѣ я не понимаю?.. Пожалуйте въ домъ, а я мигомъ слетаю.

Приставъ отпустилъ свою команду, оставивъ только одного подчаска вѣстовымъ, и пошелъ въ домъ. Около воротъ Латухинскаго дома собрались сосѣди и съ любопытствомъ заглядывали въ заборныя щели и въ калитку, прознавъ, что у сосѣда обыскъ.

— Вамъ чего надо? — крикнулъ на нихъ Лихотинъ — Вотъ я васъ, подзаборниковъ! Прочь пошли сію минуту!

Мигомъ разсыпались всѣ въ разныя стороны и улица опустѣла. Сосѣди только отчасти знали, что у Ивана Анемподистовича происходитъ нѣчто таинственное, что онъ задумалъ жениться на крѣпостной дѣвушкѣ и что дѣвушка эта скрывается у него; подробностей они не знали, но и зная, не выдали бы „добродушнаго“ Ивана Анемподистовича, котораго всѣ очень любили, какъ любили и покойнаго отца его и мать. „Непріятность“, въ видѣ посѣщенія полиціи, очень огорчала теперь сосѣдей Ивана Анемподистовича и не простое любопытство только привело ихъ теперь къ его дому.

Лихотинъ прошелъ, между тѣмъ, въ горницы, гдѣ ему готовили обильное и вкусное угощеніе,

а Иванъ Анемподистовичъ поѣхалъ къ той родственницѣ въ Рогожской, которая пріютила Машу. Одно уже появленіе встревожаннаго Ивана Анемподистовича заставило „екнуть“ сердечко дѣвушки, и она догадалась, что произошло нѣчто страшное. Блѣдная, но спокойная, выслушала она рассказъ родственника и съ безмолвною мольбой взглянула на святые иконы въ переднемъ углу.

Докончивъ свой рассказъ, Иванъ Анемподистовичъ повалился въ ноги дѣвушки.

— Маша, голубушка, спаси ты насъ, не дай намъ погибнуть съ Надюшей!

Маша бросилась поднимать его.

— Что вы, братецъ, что вы, Богъ съ вами! Встаньте, братецъ!

— Не встану, Маша! Великую службу ты должна сослужить мнѣ и нѣтъ платы за ту службу твою! Не выдавай насъ, иди къ барину... Маша, я слѣдомъ за тобой же пойду къ нему, вымолю у него вольную, выплачу слезами горькими, а тебѣ за твою услугу рабъ или слуга по гробъ моей жизни! Хорошаго жениха найду тебѣ, приданое дамъ, какъ родной сестрѣ своей, будущимъ дѣткамъ твоимъ вторымъ отцомъ буду!

Маша тяжело дышала, держась за грудь.

— Спасибо, братецъ, — проговорила она. — Встаньте. Пойду я къ барину, все перенесу... Не за посулы ваши я дѣлаю это, а для Бога. Хорошо, братецъ, пострадать за ближняго, нѣтъ, сказываютъ, подвига большаго, ну, вотъ и попро-

бую я, пойду, только далъ бы Богъ силы перенести муки, срамъ, а васъ не выдамъ... Везите меня, братецъ!

— Маша! крикнулъ Латухинъ и упалъ головою къ ногамъ дѣвушки, край одежды ея поцѣловалъ.

Онъ зналъ, что смиренная, богомольная, кроткая Маша очень любитъ его, зналъ, что она всегда готова на жертву, на самопожертвованіе, но онъ не думалъ, что она согласится и второй разъ идти къ Скосыреву, рисковать такъ страшно, чуть не жизнью, а, между тѣмъ, кроткая, нѣжная сиротка эта, слабая на видъ, пухленькая дѣвушка готова была на какую угодно жертву и пошла бы за доброе дѣло на муки, на смерть „Бога для“. Это „Бога для“ сильно и крѣпко держится въ душѣ простого русскаго человѣка, а особенно—въ душѣ русской женщины. Нѣтъ тѣхъ страданій и мукъ, которыхъ побоялась бы слабая, нѣжная женщина, если дѣло идетъ о жертвѣ для Бога или для любимаго человѣка. Въ суровое время, которое я описываю, жертвѣ требовалось, конечно, гораздо больше и въ то время особенно сильно, особенно часто проявлялись примѣры полнаго, глубочайшаго самоотверженія. О нихъ никто и не зналъ, онѣ безслѣдно пропадали, повидимому, но онѣ служили для поработеннаго народа яркими свѣточами и красили жизнь, поддерживали надежду, укрѣпляли вѣру въ Провидѣніе.,.

Тихо и покойно собралась Маша и поѣхала съ

Латухинымъ. Подивился на нее самъ Лихотинъ, когда увидалъ, что она безъ слезъ, безъ рыданій собралась къ барину, отъ котораго „за предерзостную продѣлку“ добра ждать было мудрено.

— На юность и красоту свою, должно быть, надѣется, — замѣтилъ приставъ. — Ни слезинки, ничего такого, а вѣдь не въ гости ѣдетъ.

Не на красоту надѣялась Маша, другая сила давала ей возможность быть покойной и твердой. Надя такъ и замерла у ней на груди, когда прощалась съ нею въ свѣтелкѣ.

— Родная, милая, что дѣлаешь то для насъ! — говорила дѣвушка, цѣлуя плечи, руки Маши. — Сколько во мнѣ то зла да себялюбія, что я соглашаюсь на твою службу! Но скажи ты мнѣ единое словечко, единое только, и я откажусь отъ твоей службы, сама пойду, всю правду открою.

Маша этого „словечка“ не сказала. Насилу оттащили Надю отъ подруги и уложили въ постель, а Маша сбѣжала внизъ и тихо проговорила ожидавшему ее Лихотину.

— Я готова.

Желая показать свою исполнительность и подслужиться у „нужнаго человѣка“, Лихотинъ самъ повезъ Машу. Слѣдомъ за ними поѣхалъ и Иванъ Анемподистовичъ, рѣшивъ во что бы то ни стало увидать барина.

Было часовъ девять вечера, когда лихой при-

ставъ подкатилъ на парѣ съ отлетомъ къ подъѣзду Скосыревскаго дома,

— Доложи барину, — сказалъ онъ встрѣтившему его лакею, — что приставъ Пятницкой части Аристархъ Венедиктовичъ Лихотинъ привезъ сегодня найденную имъ бѣглую дѣвку Надежду Грядину.

Лакей доложилъ и, вернувшись, попросилъ пристава въ кабинетъ. Расчесавъ бакенбарды, взбивъ хохоль и молодецкато выпятивъ грудь, пошелъ Лихотинъ за лакеемъ, приказавъ Машѣ ждать въ лакейской.

Павелъ Борисовичъ, весь погруженный въ думы объ отчаянномъ порученіи своемъ, которое исполнялъ Черемисовъ, и съ минуты на минуту ожидающій вѣстника, сидѣлъ въ кабинетѣ, выкуривая трубку за трубкой и выпивая стаканъ за стаканомъ крѣпчайшаго пунша. При видѣ пристава онъ не всталъ съ кресла и лишь слегка наклонилъ голову. Принимая въ этомъ самомъ кабинетѣ представителей высшей московской аристократіи, Павелъ Борисовичъ не считалъ нужнымъ чиниться съ приставомъ.

— Приставъ Лихотинъ, — отрекомендовался тотъ, шаркнувъ ботфортами и сгибая послушную спину. — Получивъ сообщеніе отъ мѣстнаго пристава о побѣгѣ вашей крѣпостной дѣвки, коя должна была находиться во ввѣренной мнѣ части, въ домѣ купца Латухина, въ ту же минуту сдѣлалъ обыскъ у. указаннаго Латухина и, не видя на его, Латухина, заирательство и на то,

что означенная дѣвка была уже препровождена въ укомное мѣсто, нашель ее и привезъ къ вамъ.

— Очень вамъ благодаренъ, господинъ приставъ, — склоняя опять голову, проговорилъ Павелъ Борисовичъ. — Садитесь, пожалуйста. Человѣкъ, трубку господину офицеру! Я сообщу о вашей примѣрной распорядительности вашему началству, которое, надѣюсь, дастъ моимъ словамъ значеніе и вы безъ награды не останетесь.

Лихотинъ поклонился.

— Не прикажете ли стаканъ пуншу? — спросилъ Павелъ Борисовичъ.

— Почту за честь.

— Пуншу! Гдѣ же дѣвка, которую вы нашли?

— Оставлена мною въ лакейской вашего дома.

— Сашка, позвать сюда бѣглянку да ключницу Аксинью ко мнѣ! Бѣгаютъ вотъ каналы, не цѣнять господскихъ заботъ о нихъ!

— Да-съ, случаи побѣговъ не рѣдки. Мы стараемся всѣми силами ловить; у меня, напри-мѣръ, въ части болѣе сутокъ ни одна каналья такая не проживетъ, непременно сцапаю и къ помѣщику, а дабы не повадно было, второй разъ попадется—деру.

— И мою драли?

— Никакъ нѣтъ, уважаемый Павелъ Борисовичъ. Не было на сей предметъ вашего полномочія, но если угодно, я съ особымъ удовольствіемъ, хотя жителство ваше и не во ввѣренной мнѣ части.

— Нѣтъ, спасибо, зачѣмъ же? У меня это домашнимъ образомъ дѣлается и дѣвушекъ своихъ я наказаніямъ чрезъ полицейскихъ солдатъ не срамлю, бабы этимъ завѣдуютъ.

— Весьма, сударь, похвально и симъ вы обнаруживаете отеческое попеченіе о своихъ рабахъ. У меня вотъ въ части дама одна живетъ, вдова полковница Пророва, такъ та ежедневно своихъ горничныхъ къ намъ посылаетъ, такъ ужъ и знаемъ. Одинажды даже такой случай былъ: присылаетъ она Пророва горничную позвать меня именинную къ себѣ кулебяку, ну и входитъ квартильный и говоритъ, что отъ полковницы де Проровой дѣвка пришла къ вашему высокоблагородію. Я пишу какую то бумагу. „Дать, говорю, дѣвкѣ двадцать пять лозановъ немедленно и отпустить, ибо знаю ужъ привычки госпожи Проровой“...

Павель Борисовичъ захохоталъ.

— И всыпали?

— И всыпали-сь. Послѣ экзекуціи дѣвка входитъ ко мнѣ и говоритъ, что барыня ее послала не за симъ, а лишь звать на кулебяку. Посмѣялся и сказалъ посланной, что это-де зачтется на будущее время. Препотѣшный случай-сь!

— Да!

Лакей ввелъ Машу, слѣдомъ за которой шла ключница Аксинья, вѣдающая господскіе ключи и состоящая въ качествѣ надзирательницы за женскою прислугой.

Маша остановилась въ дверяхъ.

— А, птичка пойманная! — обратился къ ней Павелъ Борисовичъ. — Невѣста купеческая! Много набѣгала? Ну, голубушка, теперь пеняй сама на себя. Я покапризничалъ бы немного, подержалъ бы тебя недѣлку, а потомъ и отдалъ бы тебя за купца за этого, а разъ ты бѣжала, осрамила меня, такъ не взыщи! Купца тебѣ не видать, какъ ушей своихъ, а за побѣгъ я строго взыщу съ тебя, ибо ты меня осрамила и подала примѣръ дворнѣ, которая побѣгами у меня не занимается. Прости я тебя, такъ побѣгутъ и другія. Вѣрно, господинъ приставъ?

— Всеконечно-съ...

— Ну, вотъ, Подвела ты и другихъ подъ бѣду: управляющему я за тебя оплеухъ надавалъ, сторожа на конюшню водили, а теперь вотъ и тебя проучать.

Грозный приказъ готовъ былъ сорваться съ устъ помѣщика и Акинѣя подошла уже къ Машѣ, но, взглянувъ на Машу, Павелъ Борисовичъ увидалъ, что эта дѣвушка совсѣмъ не то, что прочія его горничныя и даже пѣвицы. Не только красота Маши остановила его, нѣтъ, а что то другое. Красотой не уступали и другія, а пѣвица и фаворитка барина Паташа была много лучше Маши, что не спасало ее отъ посѣщенія „мизиминчика“, который служилъ чѣмъ то вродѣ застѣнка. Не красота Маши остановила Павла Борисовича. Съ такимъ выраженіемъ глазъ и всего лица онъ не видалъ еще крѣпостныхъ ни у себя, ни у дру-

гихъ. Что то возвышенное и благородное было въ лицѣ этой блѣдной дѣвушки, и это спасло ее.

— Наказывать я тебя не буду, проговорилъ Павелъ Борисовичъ, — не буду потому, что ты была любимицей моей покойной тетуски Прасковьи Васильевны, а вотъ запереть тебя прикажу. Аксинья, посадить ее въ дѣвичью, дать работу и беречь пуще 'глаза, ты отвѣчаешь мнѣ за нее, а ты, Надежда, помни, что за вторичную попытку убѣжать я поступлю съ тобой строго и ужь не помилю. Ступай!

— Въ ножки барину поклонись, въ ножки! — обратилась къ Машѣ Аксинья.

— Не нужно, — проговорилъ Павелъ Борисовичъ. — Уведи ее и помни, что я сказалъ.

Аксинья поклонилась барину и вывела Машу за руку.

— Тамъ купецъ Латухинъ пріѣхалъ, желаетъ васъ видѣть, — доложилъ лакей.

Павелъ Борисовичъ сдвинулъ брови и подумалъ минутку.

— Пусть войдетъ, приказалъ онъ.

IX.

Блѣдный, шатаясь, какъ пьяный, вошелъ Иванъ Анемподистовичъ въ кабинетъ Скосырева и остановился въ дверяхъ. Много передумалъ онъ, ѣдучи къ помѣщику, отъ котораго зависѣла вся его

жизнь, все счастье, равно какъ и жизнь любимой дѣвушки. Онъ надѣялся на успѣхъ, сердце говорило ему, что помѣщикъ не откажетъ ему, видя слезы, видя истинное горе. Будучи самъ очень добрымъ и душевнымъ человѣкомъ, Иванъ Анемподистовичъ вѣрилъ въ людей, не допускалъ мысли, что ему можно отказать, разъ онъ пришелъ самъ, разъ онъ будетъ просить на колѣняхъ и выскажетъ все, что чувствуетъ. Рѣшиться на это ему было не легко, какъ не легко вообще человѣку пускать въ сокровенные тайники души своей посторонняго, но разъ онъ рѣшился,—онъ вѣрилъ въ успѣхъ. Онъ не зналъ только, слѣдуетъ ли ему продолжать обманъ и выдавать Машу за Надежду или же сказать помѣщику всю правду? Надъ этимъ вопросомъ и думалъ онъ, ѣдучи къ Павлу Борисовичу. Ему не хотѣлось лгать въ такія минуты, но и боялся онъ сказать правду. Очень ужъ хороша Надя, а баринъ, по словамъ Шушерина, очень падохъ на красоту,—не отпустить онъ Надю, увидавъ ее, не отдастъ. Такъ и не рѣшилъ этого вопроса Иванъ Анемподистовичъ, подѣхавъ къ дому Скосырева. Теперь только, войдя въ кабинетъ, рѣшилъ онъ, что лучше продолжать обманъ. „Бѣда еще пущая выйдетъ!“—подумалось ему.

Нѣсколько секундъ Иванъ Анемподистовичъ не могъ придти въ себя и стоять, не кланяясь и не говоря ни слова. Павелъ Борисовичъ вопросительно и съ любопытствомъ глядѣлъ на него.

— Что вамъ пужно отъ меня, любезный?—

спросилъ, наконецъ, онъ. Лицо Латухина показалося Павлу Борисовичу очень симпатичнымъ.

Иванъ Анемподистовичъ сдѣлалъ шагъ впередъ, помялъ въ рукахъ свою соболью шапку съ синимъ бархатнымъ верхомъ, хотѣлъ что то сказать, но поперхнулся, махнулъ рукой и зарыдалъ, закрывъ лицо шапкой.

— Онъ пьянъ, кажется?—вполголоса спросилъ Павелъ Борисовичъ у Лихотина.

— Не полагаю. Онъ, сколько мнѣ извѣстно, ничего не пьетъ.

Павелъ Борисовичъ подошелъ къ Латухину и тронулъ его за плечо.

— Что съ вами, любезный мой? Перестаньте бабиться, стыдно! Садитесь, любезный, придите въ себя и расскажите, въ чемъ дѣло.

— Въ цѣлой жизни моей дѣло, Павелъ Борисовичъ!—отвѣчалъ Латухинъ, отнимая отъ лица шапку и утирая слезы рукавомъ своего синяго, изъ тонкаго нѣмецкаго сукна, кафтана съ большими перламутровыми пуговицами. — Въ цѣлой жизни моей дѣло и вы можете или спасти эту жизнь, или погубить...

— Да онъ романтикъ, этотъ длинополый купецъ!—обратился Павелъ Борисовичъ къ Лихотину. — Я даже не ожидалъ. Помилуйте, торгашъ, отъ волосъ деревяннымъ масломъ пахнетъ, а чувства, какъ у аркадскаго пастушка! Это любопытно! Дафнисъ и Хлоя, Психея и Амуръ! Ха, ха, ха!..

— Вамъ удивительно, ваше благородіе, что

простой человѣкъ такъ любить?—спросилъ Латухинъ, задѣтый за живое смѣхомъ барина.—Чувства одинаковы у всѣхъ, и человѣческое сердце бьется равно какъ у благороднаго, такъ и у самаго простаго человѣка, а любовь благородства не знаетъ...

Павелъ Борисовичъ сдвинулъ брови.

— Да? Ты полагаешь? Что же тебѣ надо, неблагородный человѣкъ съ благородными чувствами?

— Милости вашей, сударь. Отдайте мнѣ въ жены вашу крѣпостную дѣвушку Надежду, осчастливьте по гробъ и меня, и ее, возьмите за нее сколько угодно вашей милости, сколько есть у меня достоянія!

— Во первыхъ, мой милый, я крѣпостными не торгую, а во вторыхъ—зачѣмъ же ты обращаешься ко мнѣ, ежели ты самъ уже распорядился и укралъ мою крѣпостную? Умѣлъ красть, умѣлъ моихъ бѣглыхъ принимать, такъ умѣй и владѣть, а ежели проворонилъ, такъ не взыщи, на себя пѣняй.

— Не было у меня, сударь, умысла красть ее. Законнымъ порядкомъ дѣйствовалъ я черезъ вашего управителя, и Надя убѣждала лишь послѣ того, какъ вамъ угодно было задержать ее. Испугалась, очертя голову поступила. Ваше благородіе, Павелъ Борисовичъ, отецъ родной, сжальтесь надъ нами, не погубите насъ!

Иванъ Анемподистовичъ опустилсѣ на колѣни. Въ это самое время раздался какой то шумъ, слышались голоса, загремѣли гдѣ то бубенцы, а

затѣмъ послышался звонъ шпюръ и сабли, и въ кабинетъ вбѣжалъ Черемисовъ.

— Аркадій! — крикнулъ Павелъ Борисовичъ, бросаясь къ нему.

— Здравствуй, Павелъ!

Черемисовъ бросился въ кресло.

— Чортъ меня знаетъ, какъ я живъ! Ночи не сплю, нью до полусмерти, скачу безъ отдыха, кажется, третьи сутки! Ёсть мнѣ, Павелъ, цѣлаго быка мнѣ, водки, пунша и потомъ—постель!

Павелъ Борисовичъ позвонилъ и отдалъ спѣшное приказаніе о закускахъ. Иванъ Анемподистовичъ поднялся и отошелъ въ уголокъ, твердо рѣшивъ не уходить безъ положительнаго отвѣта „Политичный“ Лихотинъ счелъ нужнымъ откланяться и удалился.

Черемисовъ, закуривъ трубку, кивнувъ ему въ слѣдъ головой.

— Зачѣмъ этотъ сборъ былъ у тебя?

— Дѣло было.

— А это кто?

Черемисовъ указалъ чубукомъ на Латухина.

— А, вы тутъ еще, любезный?—проговорилъ Павелъ Борисовичъ, теперь только замѣтивъ Ивана Анемподистовича.—Я думалъ, что вы ушли. Это проситель одинъ; это тотъ купецъ, который влюбленъ въ мою Надю.

Скосыревъ не договорилъ и быстро подошелъ къ гусару.

— Черемисовъ, отъ твоихъ вѣстей зависитъ

его судьба: удача—я отдаю ему Надежду, неудача—я выгоню его вонъ и сію же минуту отправлю дѣвченку въ костромскую вотчину, да и отодрать еще велю. Ну, Черемисовъ, говори!

Гусаръ улыбнулся.

— Счастье господину купцу, въ часъ онъ попалъ.

— Какъ?—крикнулъ Павелъ Борисовичъ, хватая Черемисова за руку.

— Да такъ. Катерина Андреевна у тебя въ „Лаврикахъ“ подъ надзоромъ и на попеченіи Матрешки. Черемисовъ, голубчикъ, никогда не сплосхаетъ.

Павелъ Борисовичъ бросился къ гусару и схватилъ его въ объятія.

— Аркаша, милый, родной, да неужели это правда? Да? Неужели? ты увезъ ее?

— Еще какъ! Никто и не видалъ, никакой погони... Но послѣ объ этомъ, послѣ, а теперь ѣсть и пить, я умираю отъ голода, отъ жажды, отъ усталости!

Павелъ Борисовичъ обнялъ Черемисова, поцѣловалъ, крѣпко сжалъ ему руку и торжественно проговорилъ:

— Вотъ тебѣ моя рука, Черемисовъ, и вотъ тебѣ моя клятва: даю честное слово дворянина, что я исполню для тебя все, что бы ты не пожелалъ, аминь!

Павелъ Борисовичъ позвонилъ въ серебряный колокольчикъ.

— Сказать, чтобы дюжину шампанскаго подали къ ужину, лошадей мнѣ къ двумъ часамъ ночи, тройку и позвать Шушерина.

Когда лакей вышелъ, Павелъ Борисовичъ подошелъ къ Латухину, безмолвно стоявшему въ углу и съ удивленіемъ прислушивавшемуся ко всему, что тутъ говорилось.

— Латухинъ, вы попали именно въ часъ,— заговорилъ Павелъ Борисовичъ, весь сіяя, ликуя и словно выростая — Мой другъ, Аркадій Николаевичъ Черемисовъ, привезъ мнѣ радостную вѣсть и ради этого я исполняю ваше желаніе, отпускаю Надю...

— Павелъ Борисовичъ! — воскликнулъ Латухинъ, захлебываясь.

— Пойдите. Завтра же мой довѣренный сдѣлаетъ бумагу и Надя получитъ вольную, а деньги, которыя вы заплатите мнѣ за нее, я подарю Надѣ на приданое. Я не хочу, чтобы моя крѣпостная выходила безприданницей.

Латухинъ бросился къ ногамъ Павла Борисовича, но тотъ поднялъ его.

— Вотъ его благодарите, гусара этого лихого. Сіяющій Латухинъ подошелъ къ Черемисову.

— Спасибо вамъ, господинъ офицеръ, русское спасибо, поклонъ до земли! Радостнымъ вѣстникомъ явились вы и ангеломъ избавителемъ для меня!

— Очень радъ, голубчикъ! — смѣясь, отвѣчалъ Черемисовъ. — Вотъ продуюсь въ карты, проку-

чусь до тла, такъ вы мнѣ денегъ дадите подѣ заемное письмо до оброка. А?

— Сколько угодно, ваше благородіе!

— Ты забылъ, Аркадій, что мой бумажникъ всегда къ твоимъ услугамъ, — сказалъ Скосыревъ.

— Вотъ еще, стану я у своего деньги занимать, да особенно при такихъ обстоятельствахъ! Словно плату за услугу получу. Да мнѣ и не надо пока, есть, а тамъ откуда нибудь съ неба упадутъ. У купца вотъ займу. А сегодня пить съ купцомъ будемъ, помолвку его отпразднуемъ. Хорошенькая у тебя женка будетъ, купчикъ, честное слово! Одѣтъ ее куколкой, такъ хоть на показъ!

Иванъ Анемподистовичъ не зналъ, что дѣлать отъ нахлынувшего вдругъ счастья. Онъ то плакалъ, то смѣялся, каждую минуту подходилъ благодарить Скосырева и Черемисова. Когда первый приливъ радости немного прошелъ, Иванъ Анемподистовичъ сообразилъ, что господа пригласятъ его участвовать въ приготовляемомъ ужинѣ и позвать пожалуй Машу, о чемъ и намекалъ уже Черемисовъ. Это было очень не желательно Ивану Анемподистовичу: онъ боялся, что Маша можетъ выдать себя и вотъ онъ попросилъ Павла Борисовича отпустить его и Машу, чтобы обрадовать старуху мать.

— Хорошо, поѣзжай себѣ, мнѣ все равно, — охотно согласился Скосыревъ. Ему не до того было. Вошелъ Шушеринъ.

— Прощаю я тебѣ, лисица старая, твои про-

казы, — обратился къ нему Павелъ Борисовичъ. — День сегодня такой, случай такой. Надежду я отпускаю на волю и завтра же по имѣющейся у тебя довѣренности соверши въ палатѣ вольную и выдай вотъ купцу, а деньги передашь потомъ мнѣ, — я ихъ подарю невѣстѣ на приданое.

Павелъ Борисовичъ, смѣясь, обратился къ Латухину:

— Ты этому волку старому много не давай за его хлопоты, а то вѣдь онъ ограбитъ тебя. Ну, ступайте. Шущеринъ, отпустить съ нимъ Надежду!

Низко кланяясь Павлу Борисовичу, вышелъ счастливый Латухинъ.

— На свадьбу насъ позови! — крикнулъ ему въ догонку Черемисовъ.

Только что затворилась за Латухинымъ дверь, какъ Павелъ Борисовичъ снова бросился обнимать Черемисова.

— Никогда, Аркадій, я не забуду твоей услуги, никогда! — говорилъ онъ, цѣлуя пріятеля и пожимая ему руку. — Расскажи же какъ было все? Какъ чувствуетъ себя Катерина Андреевна? Что она говоритъ?

Черемисовъ подробно рассказалъ о похищеніи Коровайцевой, восхваляя удалъ и находчивость Скворчика.

— Привезли мы ее въ Лаврики и сдали Матренѣ и уѣхавшей съ Катериной Андреевной добровольно дѣвкѣ. Ну, конечно, были слезы, угрозы,

истерика, а въ концѣ концовъ красавица, думается мнѣ, рада этому приключенію.

— Рада?

— Думаю. Во первыхъ, я убѣжденъ, что ты нравишься ей, а во вторыхъ, ей Богу, женщины любятъ такія приключенія, особенно женщины съ темпераментомъ Катерины Андреевны. У нея въ жилахъ польская кровь, она огневая, а жизнь въ хуторишкѣ съ этимъ медвѣдемъ ей не понутру. Повѣрь, что кончится тѣмъ, что она полюбитъ тебя и будетъ твоею по доброй волѣ.

Скосыревъ ходилъ по комнатѣ большими шагами.

— Мужъ не узнаетъ, что она у меня?—спросилъ онъ.

— И въ голову ему не придетъ. Не сегодня, такъ завтра онъ прискачетъ въ Москву, будетъ искать меня, вызоветъ на дуэль...

— Ты будешь подвергаться изъ за меня опасности,—замѣтилъ Павелъ Борисовичъ.

— Удивительное дѣло! Не все ли мнѣ равно, изъ за кого подвергаться опасности? Очень даже радъ. Во всякомъ случаѣ веселѣе умереть на дуэли, чѣмъ отъ какой нибудь лихорадки или горячки. Ты пожалуйста не придавай значенія моему „подвигу“—пустое дѣло, не болѣе.

Послѣ ужина съ громаднымъ количествомъ вина, Черемисовъ бросился въ постель и сію же минуту заснулъ, какъ убитый, а Павелъ Борисовичъ, сдавъ управленіе домомъ Шушерину, поскакалъ въ „Лаврики“.

Во второмъ этажѣ громаднаго барскаго дома въ сельцѣ „Лаврики“, въ помѣщеніи, которое занимала когда то покойная мать Павла Борисовича, поселилась Катерина Андреевна. Глафира находилась при ней; Матрена, какъ сторожевой песъ, спала на полу у двери отведенной для подневольной гостыи комнаты; Порфірій былъ помѣщенъ въ передней, съ приказомъ никуда не отлучаться и никого въ верхній этажъ не пускать. Почтительная съ гостьей до раболѣпства, Матрена служивала ей, глядѣла ей въ глаза, поминутно спрашивалась, не нужно ли ей чего, но смотрѣла такими глазами, что въ нихъ видна была рѣшимость каждую же минуту употребить насиліе и власть, еслибъ Катерина Андреевна задумала проявить желаніе уйти изъ дому или даже сойти внизъ. Молодая женщина понимала это и не пыталась показывать свою самостоятельность. Она поплакала, два раза упала въ обморокъ, потомъ крѣпко заснула на лебяжемъ пуховикѣ подъ бархатнымъ на пушистой лисицѣ одѣялѣ, попросила, проснувшись, теплой воды, вымылась, надѣла свѣжее бѣлье, захваченное предусмотрительною Глафирой, и спросила чаю и покушать.

Какъ по щучьему велѣнію, какъ въ замкѣ сказочнаго Черномора, въ нѣсколько минутъ появился въ сосѣдней съ опочивальной комнатѣ столъ съ серебрянымъ самоваромъ и съ дорогимъ севрскимъ сервизомъ, яйца въ смятку, цыплята, пирожки, красное вино, сливки, варенье. Даже любимые

Катериной Андреевной крендельки съ миндалемъ и изюмомъ были тутъ; это ужъ Глафира позаботилась и сама рассказала повару, какъ именно сдѣлать эти крендельки. Такихъ цыплятъ, пирожковъ, рыбы въ какомъ то душистомъ соусѣ и такого вина Катерина Андреевна давно не кушала, вѣроятно, даже никогда. Свѣжая послѣ сна и ванны, отдохнувшая, немного озабоченная, но не печальная, вышла она къ чаю и сѣла за самоваръ. Глафира дѣлала съ тартинки, Матрена, въ дорогомъ шерстяномъ платьѣ, похожая на купчиху или на помѣщицу средней руки, стояла у дверей.

Катерина Андреевна отвѣтила на поклонъ своей тюремницы и сказала ей:

— Я хочу остаться съ моею дѣвушкой.

— Слушаю, матушка барыня, — низко поклонилась Матрена. — Если будетъ что нибудь угодно, такъ я тутъ вотъ буду, извольте только крикнуть.

Матрена поклонилась еще разъ и вышла.

Съ аппетитомъ покусавъ и выпивъ стаканъ душистаго вина, Катерина Андреевна принялась за чай.

— Точно во снѣ все, Глафира, — обратилась она къ своей наперсницѣ, которая стояла около стола, поджавъ руки.

— Именно словно во снѣ, золото вы наше! — запѣла Глафира. — Подхватили, посадили и увезли! Въ полонъ взяли, одно слово?

— Вѣдь это пасиліе, разбой.

Глафира промолчала на это.

— Разбой, говорю, это,—повторила Катерина Андреевна.

— Да что же имъ дѣлать то, барину здѣшнему, Скосыреву господину, ежели они столь сильно влюбимшись въ васъ, нашу красавицу?—проговорила Глафира.— Изъ-за любви то, солнце вы наше красное, и убійства бываютъ, и все. Любовь то, матушка, зла.

— Да и то его не люблю, я то не желаю его любви!

Глафира опять помолчала, подошла къ столу и тронула бѣлую, какъ снѣгъ, тонкую камчатскую скатерть, съ вышитымъ на углу вензелемъ и гербомъ Скосырева.

— Богатство то какое во всемъ, Господи!—проговорила она.— Бѣлье-ли, посуда-ли,—серебро-ли—на отличку все! Перинка, на которой вы почивали, изъ лебяжьего пуха вся, одѣяло заграничнаго бархата, а въ домѣ, въ домѣ что, такъ уму помраченіе! Пока вы почивали, мнѣ Матренушка все показывала. Ума помраченіе!.. Показываетъ, да и говорить: и все то, — говорить,—это твоей барыни будетъ, ежели она полюбитъ нашего барина. Увезетъ, говорить, онъ ее въ заграницу и заживутъ они тамъ, какъ принцы...

— Эта Матрона—кдюшница, что ли?—спросила Катерина Андреевна.

— Никакъ нѣтъ-съ. Кдюшница у нихъ Аксипья, она теперича въ Москвѣ при баринѣ, а Матренушка эта пѣвица была при покойномъ еще

баринѣ и тепорича управительницей хора. Хоръ есть у барина то, изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ весь и все, говорятъ, красавицы на подборъ.

Катерина Андреевна наморщила бровки.

— Гаремъ тутъ у него, вродѣ какъ у султана турецкаго, — замѣтила она.

— Отъ скуки, матушка. Баринъ одинокій, подружки-барыни нѣтъ, ну, и забавляются отъ скуки. Матреша то сказывала мнѣ, что пять годковъ тому назадъ баринъ увезъ у какого то полковника жену и разводъ ей выхлопоталъ, жениться хотѣлъ, такъ въ тѣ, говоритъ, поры никакихъ хоровъ не было, всѣхъ, говорятъ, пѣвицъ замужъ поотдавалъ, да умерла эта барыня то, съ лошади упала, катам-шись, и умерла, ну, опять все по старому и пошло. Ахъ, матушка вы, наша, красавица вы писаная, слѣдуетъ вамъ...

— Что?

— Слѣдуетъ вамъ приласкать здѣшняго барина...

Катерина Андреевна топнула ножкой и выгнала свою наперсницу.

Х.

Наступилъ вечеръ. У окна своей „новой“ комнаты сидѣла Катерина Андреевна и смотрѣла на дворъ усадьбы. Направо ярко догоралъ день, и лучи зимняго заката окрашивали въ розовый цвѣтъ и снѣжныя равнины, и далекій лѣсъ, и бѣлую

церковь усадьбы, и всѣ постройки. Налѣво тянулся громадный садъ съ вѣковыми липами и тополями, тоже розовыми теперь отъ лучей заката. Прямо шла длинная аллея изъ березъ, соединяющая усадьбу съ большою дорогою. Весь обширный дворъ былъ застроенъ различными службами подъ желѣзными крышами, окрашенными въ красный цвѣтъ. Вдали виднѣлись длинныя зданія конюшенъ и каретныхъ сараевъ, оранжереи, домашній театръ, еще какія то постройки съ колоннами, съ бюстами и статуями въ нишихъ, съ гербами на фронтонахъ. Все кругомъ кипѣло жизнью, хотя главы, владыки этого богатаго, роскошнаго имѣнія и не было дома. Его не было дома, но его очевидно, ждали. Съ полчаса тому назадъ прискакалъ верховой, вѣроятно посланный передовымъ вѣстникомъ съ ближайшей отъ имѣнія станціи. Не успѣли еще отвести усталаго, взмыленнаго коня въ конюшню, какъ началась суматоха по всему двору. Мужики мели дорожки и посыпали ихъ пескомъ, разгребали снѣгъ съ аллеи, изъ одного флигеля до другаго то и дѣло бѣгали лакеи, горничныя, казачки; какой то толстякъ въ ватномъ сюртукѣ гороховаго цвѣта, — очевидно, управляющій, — суетливо шнырялъ по двору, опираясь на палку и пуская ее иногда въ ходъ. Въ кухнѣ ярко топилась плита, и въ окнахъ виднѣлись бѣлыя фигуры поваровъ. Толстый человѣкъ въ гороховомъ сюртукѣ чаще и чаще выбѣгалъ на дворъ и все посматривалъ на дорогу.

Катерина Андреевна смотрѣла на все и думала свои думы.

Точно во снѣ прошли цѣлыя сутки. Ее увезли. Богатый, избалованный и этимъ богатствомъ и лестью, и всею жизнью баринъ, не знающій границъ своихъ желаній, самовольно увезъ ее, и вотъ она въ его власти. Онъ рѣшился на поступокъ отчаянный, дерзкій, рѣшился на такой поступокъ, отвѣтственности за который онъ не избѣгнетъ, не смотря ни на богатство, ни на связи, не говоря уже о томъ, что мужъ похищенной жены явится грознымъ мстителемъ. Значить, очень любить Катерину Андреевну Скосыревъ. Онъ страшно рискнулъ, рѣшившись на отчаянный поступокъ этотъ, а вѣдь онъ богатъ, передъ нимъ дорога, передъ нимъ жизнь, полная наслажденій, радостей, а такую жизнь есть основаніе поберечь. Да, значить, онъ очень любитъ. За него пошла бы первая красавица Москвы, богатая, родовитая; за нимъ ухаживали эту зиму маменьки первыхъ невѣстъ, а онъ взялъ, да и увезъ чужую жену, не спросивъ даже ея согласія. Онъ, говорятъ, все такъ, всю жизнь. Онъ и на войнѣ не берегъ себя въ разгарѣ счастливой молодости, и на многихъ дуэляхъ подставлялъ лобъ подъ пулю, шутя и играя; шутя онъ и убивалъ на дуэляхъ. Шутя онъ любилъ, шутя бросалъ, шутя легъ бы въ гробъ. Такого полюбить весело, хорошо особенно, если онъ любитъ, а ужъ, конечно, любить.

Вотъ онъ пріѣдетъ сейчасъ, войдетъ, конечно. Что ему сказать? Какъ его встрѣтить?

Катерина Андреевна поежила плечиками, словно ей холодно стало, и улыбнулась.

Она сама любитъ его, очень любитъ, съ перваго раза произвелъ онъ на нее впечатлѣніе, но вѣдь она замужемъ. При мысли о мужѣ Катеринѣ Андреевнѣ стало немножко грустно. Бѣдный онъ!... Что то онъ дѣлаетъ теперь? Пріѣхалъ, узналъ страшную новость, да такъ, чай, брякнулся объ полъ. Ему и въ голову не придетъ, что жену увезли силой, онъ подумаетъ, что она убѣжала. Прислуга видѣла гусара Черемисова, и Лука Осиповичъ поскачетъ къ этому гусару, вызоветъ на дуэль, пожалуй, убьетъ и безъ всякой дуэли, — онъ человѣкъ добрый, душевный, но онъ вспыльчивъ, горячъ, ему удержу нѣтъ, когда онъ разсердится. Ну, а потомъ? Потомъ онъ узнаетъ правду и поѣдетъ къ Скосыреву. Опять дуэль...

Катерина Андреевна вообразила картину этой дуэли, и вздрогнула, когда въ воображеніи ся Скосыревъ представился окровавленнымъ, убитымъ. Увы, мужа такимъ она не представляла и не жалѣла его? . Очень ужъ онъ „сѣръ“, какъ выражалась нѣскольکو разъ Глафира въ интимныхъ бесѣдахъ съ барыней. Именно сѣръ, простъ очень. Тяжелая армейская служба, походы, казармы, стоянки по деревнямъ, недостатокъ средствъ наложили на него печать угрюмости, дикости, неуклюжести, а потомъ, когда службу въ кавалеріи пришлось

бросить за недостаткомъ средствъ, пошла суровая трудовая жизнь въ деревнѣ, работа чуть не наравнѣ съ мужикомъ, скопидомство, лишенія, а для увеличенія средствъ къ жизни приходилось служить по выборамъ, для чего необходимо было ухаживать за дворянами-избирателями, за вліятельными людьми въ уѣздѣ; это клало отпечатокъ нѣкотораго приниженія, раболѣпства, чуждаго природѣ Луки Осиповича, то есть приходилось ломать себя, а это, конечно, раздражало и портило характеръ. Веселаго въ жизни съ мужемъ Катерина Андреевна не находила, а пламенная любовь его только тяготила ее. Ей было жаль своей „загубленной“ жизни, а о томъ, что ея жизнь загублена, ей твердили и уѣздныя дамы, и франты, за нею ухаживающіе, и Глафира, особенно—Глафира. Такой ли жизни была она достойна по своей красотѣ! Ей бы вотъ это имѣніе, этотъ вотъ домъ, тысячи душъ крестьянъ, блескъ, роскошь, наслажденія... Да, но она вѣдь не бросила мужа, ни разу не подавала даже повода быть недовольнымъ ею, ревновать ее, и если теперь она въ этомъ домѣ Павла Борисовича Скосырева, то не по своей волѣ. Что же ей дѣлать? Кричать, бить стекла, звать на помощь? Изъ этого ровно ничего не выйдетъ, это будетъ только смѣшно. Ну, а если онъ войдетъ къ ней, что ему сказать? О, она встрѣтитъ его ледянымъ холодомъ, она постоитъ за свою честь! Если онъ позволитъ какое нибудь насиліе, то она, какъ лвица, будетъ защищать себя. Она

задавить его, своею длинною косою, какъ это она читала въ какомъ то восточномъ романѣ. Тамъ красавица невольница такимъ образомъ задушила взявшаго ее въ плѣнъ пашу, любя какого то грузинскаго князя красавца. Въ романѣ съ плѣнницы содрали кожу и послѣ этой пытки убійцу паши зашили въ мѣшокъ и бросили въ море. Да, но вѣдь это гдѣ то въ Турціи, а здѣсь кожу не сдерутъ и въ море не бросятъ. Пожалуй, нѣтъ надобности и косою душить: во-первыхъ, Павелъ Борисовичъ не скверный старый паша, а вовторыхъ, нѣтъ никакого грузинскаго князя, ради котораго можно было бы такъ отчаянно защищать свою честь...

— Ёдутъ! — крикнула Глафира, вбѣгая въ комнату.

Катерина Андреевна вздрогнула и очнулась отъ своихъ думъ.

— Фу, какъ ты напугала меня, глупая! — проговорила она. — Кто ѣдетъ? Чего ты, какъ бѣшеная, вбѣжала и кричишь?

— Баринъ здѣшній ѣдутъ!

Катерина Андреевна взглянула въ окно.

Шестерикъ вороныхъ лошадей съ двумя форейторами маршъ-маршемъ мчалъ тяжелый закрытый возокъ. На козлахъ съ кучеромъ сидѣлъ саженный гайдукъ въ синей черкескѣ, въ папахѣ съ краснымъ верхомъ. Тройка сѣрыхъ лошадей, запряженная въ сани, едва поспѣвала сзади, везя

Скворчика, Порфирія и двухъ егерей, встрѣтившихъ барина на ближайшей станціи.

Возокъ описалъ полукругъ по широкому двору, мимо высыпавшей дворни, и остановился у параднаго крыльца, на нижней ступенькѣ котораго безъ шапокъ стояли управляющій, дворецкій и два лакея.

Гайдукъ на ходу спрыгнулъ съ козелъ и отворилъ дверцу возка. Въ дорогой собольей шубѣ, въ какой то ушастой шапкѣ изъ коричневаго трипа вышелъ Павелъ Борисовичъ, далъ поцѣловать руку управителю, кивнувъ головой на поклоны дворни и направился въ комнаты.

— Непремѣнно сюда сейчасъ придутъ, — замѣтила Глафира.

— Ты думаешь? — спросила Катерина Андреевна.

— Непремѣнно войдутъ.

Катерина Андреевна подошла къ зеркалу, поправила прическу, кружевной воротничекъ и постаралась придать своему лицу выраженіе строгости. Это выраженіе ей не удалось, и она попробовала сдѣлать его только печальнымъ. О, наука владѣть лицомъ далась Катеринѣ Андреевнѣ, не даромъ въ ней текла польская кровь. Впрочемъ, наука эта дается женщинамъ всѣхъ націй, особенно когда онѣ любятъ и хотятъ, чтобы ихъ любили.

— Подай мнѣ мою накидку, свѣжо здѣсь, — приказала Катерина Андреевна, и Глафира подала барынѣ ту самую накидку изъ синяго бархата на

бѣличьемъ мѣху, опущенную горюстаемъ, въ которой она приняла Черемисова и въ которой была увезена. Накидка эта очень шла къ ней, какъ вообще идетъ бархатъ и горностаѣ къ блондинкамъ. Не успѣла еще Катерина Андреевна завязать на груди шелковые бѣлые шнурки, которыми поддерживалась накидка, какъ въ комнату вошла Матрена. Поклонившись барынѣ, она тономъ какой-нибудь плохой актрисы, изображающей придворную даму, проговорила:

— Господинъ мой, Павелъ Борисовичъ приказали спросить васъ, сударыня, могутъ ли они войти къ вамъ засвидѣтельствовать почтеніе?

Катерина Андреевна колебалась одну минуту и отвѣтила:

— Проси.

— Они при семъ извиняются, что войдутъ въ дорожномъ костюмѣ.

— Проси.

Съ поклономъ той же „придворной дамы“ Матрена удалилась.

— Миѣ уйти, матушка барыня? — спросила Глафира.

— Оставайся тутъ.

Дверь отворилась, невидимыми руками, на обѣ половинки, и вошелъ Павелъ Борисовичъ, одѣтый въ венгерку изъ сѣраго бархата со шнурами, въ рейтузы и высокіе сапоги, отороченные мѣхомъ. Сдѣлавъ два шага отъ двери, онъ низко поклонился Катеринѣ Андреевнѣ.

— Простите, что я, не умѣя преодолѣть жала-
ланія тотъ же часъ видѣть васъ, вхожу по дорож-
ному, — проговорилъ онъ.

— Вы здѣсь въ своемъ домѣ и вольны дѣлать,
что вамъ угодно, — отвѣтила Катерина Андреевна,
опустивъ глаза и нервно перебирая пальцами кисти
бѣлыхъ шнурковъ накидки. — Я вѣдь не гостья
здѣсь...

Павелъ Борисовичъ взглянулъ на Глафиру.

— Катерина Андреевна, вы позволите погово-
рить съ вами tête-à-tête?

Катерина Андреевна пожала однимъ плечикомъ.

— Зачѣмъ вы все это спрашиваете? Не вольны
ли вы дѣлать здѣсь все, что пожелаете? У плѣн-
ницъ не спрашиваютъ, а повелѣваютъ ими.

— Но я спрашиваю васъ... Я умоляю васъ
позволить мнѣ сказать вамъ два слова наединѣ.

Катерина Андреевна опять пожала плечикомъ.

— Извольте. Глафира, оставь насъ и побудь
за дверью.

Глафира поклонилась и вышла. Она притворила
за собою дверь и присѣла на стулъ въ сосѣдней
комнатѣ, нѣчто въ родѣ пріемной. Тотъ самый
гайдукъ, который сидѣлъ на козлахъ, но уже одѣ-
тый въ куртку и въ широкія казацкія шаровары
съ красными лампасами, подошелъ къ ней.

— Внизу подожди, — сказалъ онъ ей. — Баринъ
скажетъ, когда тебѣ войти.

Глафира съ величіемъ истый фаворитики барыни
взглянула на гайдука.

— Уходи, голубчикъ, не твое дѣло, — проговорила она.

— Вотъ сколь вы глупы! — покачалъ головою гайдукъ. — Вѣдь баринъ приказалъ такъ. Нешто я отъ себя это вамъ говорю?

— Вамъ баринъ приказалъ, а мнѣ моя барыня, ее я и слушаюсь.

— И не пойдете?

— И не пойду.

Въ одинъ мигъ саженный гайдукъ зажалъ широчайшею ладонью своей ротъ Глафиры, какъ пластыремъ заклеилъ, а другою рукой подхватилъ ее, вскинулъ подъ мышку и вынесъ изъ комнаты, а потомъ по лѣстницѣ внизъ. Глафира даже и не пикнула, только раза два помахала руками.

Павель Борисовичъ, когда дверь за Глафирой затворилась, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и приложилъ обѣ руки къ груди.

— Катерина Андреевна, — заговорилъ онъ, блеснувъ глазами, — страсть моя къ вамъ такъ велика, что я не умѣю, не могу владѣть собою, и вотъ я увезъ васъ, зная, что добровольно вы не захотите слѣдовать за мною. Я не выпущу васъ отсюда, или на вашихъ глазахъ всажу себѣ пулю въ лобъ!

— Что же вамъ отъ меня угодно? Вы хотите, чтобы я была вашей любовницей?

— Я хочу быть около васъ, хочу дышать однимъ воздухомъ съ вами... О, какъ я люблю васъ!... И знаете ли, что я скажу вамъ? Еслибъ я былъ

увѣренъ, что я гадокъ вамъ, что я вамъ совершенно не нравлюсь, — я никогда не рѣшился бы на мой дерзкій поступокъ, я заглушилъ бы свою страсть, но я... я думаю, что я не противенъ вамъ...

Лицо Катерины Андреевны зарумянилось.

— Ого, вотъ какъ! — проговорила она.

— Да, да!

Павель Борисовичъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Вѣдь я не ошибаюсь? — тихо, тихо спросилъ онъ. — Не ошибаюсь?

Катерина Андреевна вспыхнула вся и затрепетала. Близко, близко видѣла она передъ собою красивое, энергичное лицо Скосырева, его черные сверкающіе глаза, его выющіеся, тоже черные, какъ смоль, волосы, вдыхала ароматъ его духовъ, ощущала на лицѣ его горячее дыханіе. Стройный, величавый, энергичный и неотразимо красивый, стоялъ онъ передъ нею, нашептывая любовныя рѣчи. Передъ нею былъ онъ, этотъ аристократъ, этотъ баловень счастья, первый въ губерніи женихъ, первый и кутила, мотъ, бреттеръ, донъ-жуанъ. У нея голова закружилась, и она тихо потянула отъ него свою руку, а онъ и другую взялъ, цѣловалъ обѣ, говорилъ про любовь, про счастье, сулилъ много, много радостей. Она хотѣла оттолкнуть его, хотѣла сказать, чтобы онъ ушелъ, оставилъ ее, а изъ устъ невольно вырвалось:

— Боже, что же мнѣ дѣлать? Вѣдь... вѣдь и я васъ люблю.

Онъ обнялъ ее, закинулъ ей голову назадъ и цѣловалъ ея щеки, губы, волосы, шею. На дворѣ между тѣмъ темнѣло все болѣе и болѣе. Совсѣмъ уже въ догорающихъ лучахъ заката виднѣлась даль съ лѣсами, полями, деревнями, съ дымкой вечерняго тумана на горизонтѣ. Павелъ Борисовичъ подвелъ Катерину Андреевну къ окну и указалъ ей на эту даль.

— Все вотъ это будетъ твое, моя радость, — сказалъ онъ, — а это лишь малая часть того, что я имѣю. Я богатъ, но меня не радовало мое богатство, и я расточалъ его. Зачѣмъ мнѣ оно? Я умру, и все это пошло бы Богъ вѣсть кому, а когда ты полюбишь меня, когда ты будешь моею, я буду знать, что у меня есть дорогое существо, которому я могу отдать все это. Я добуду тебѣ разводъ, ты будешь моею законною женой, у насъ будутъ дѣти. Какъ я тебя люблю, еслибъ ты знала! Я вѣдь еще никогда не любилъ, я игралъ любовью и на женщинъ смотрѣлъ, какъ на игрушки, а нашихъ манерныхъ барышенъ, этихъ вышколенныхъ куколокъ, я только презиралъ, особенно когда видѣлъ, что онѣ ловятъ меня, какъ богатаго жениха, быть можетъ, для того, чтобы измѣнить мнѣ потомъ, и полюбить какогонибудь купидоноподобнаго мальчишку съ розовыми щечками и съ пустою головой, а тебя я полюбилъ съ перваго взгляда и поклялся, что ты будешь моею!

Катерина Андреевна, положивъ ему головку на плечо, слушала его и смотрѣла въ темнѣющую даль.

— А ты любишь меня? — тихо спросилъ Ско-
сыревъ.

— Да.

— Милая!

— Но я боюсь чего то. Вѣдь я не твоя, вѣдь меня отнять могутъ. Что, если меня отнимутъ? Я не боюсь уже того, что мужъ можетъ измучить, истерзать меня, убить, а боюсь, боюсь потерять тебя.

Павель Борисовичъ крѣпко обнялъ ее.

— Никогда! — съ силою проговорилъ онъ. — Пока ты здѣсь, тебя не вырвутъ у меня, а въ самомъ скоромъ времени я отвезу тебя въ свою костромскую вотчину, и тамъ ужъ никто не найдетъ тебя, а въ то время я буду хлопотать о разводѣ. Милая, у меня есть деньги, а съ деньгами многое можно сдѣлать!

Въ это время на аллеѣ, идущей отъ большой дороги, показалась повозка, запряженная парой ямскихъ лошадей. Не важныя, но выносливыя и привычныя лошади бѣжали ходко, везя легкую повозку, и ямщикъ лихо помахивалъ кнутомъ, привставая на облучкѣ.

— Это сюда кто нибудь ѣдетъ? — спросила Катерина Андреевна.

— Да. Но кто бы это могъ быть? Вѣроятно, гости къ управляющему или къ священнику.

— А вдругъ это за мной?—спросила Катерина Андреевна и тревожно смотрѣла на приближающуюся повозку.

— Вотъ вздоръ! — засмѣялся Павелъ Борисовичъ.—Твой мужъ увѣренъ, что тебя увезъ Черемисовъ, и долго еще не узнаетъ правды. Я сейчасъ прикажу узнать, кто это.

Онъ подошелъ къ двери и дернулъ за вышитую шелками сонетку.

Звонъ большого серебрянаго колокольчика раздался по всему дому.

XI.

На звонокъ вошла Матрена и остановилась въ дверяхъ.

— Тамъ кто-то пріѣхалъ, узнать и доложить мнѣ,—приказалъ Павелъ Борисовичъ.

— Слушаю-съ.

Матрена вышла и вернулась минутъ черезъ пять. Хитрое и умное лицо ея выражало смущеніе, глазки бѣгали, какъ пойманные въ мышеловку мышенки.

— Ну?—обратился къ ней Павелъ Борисовичъ.

— Наташа это пріѣхала... изъ Москвы...

— Кто-о?

— Наташа-съ, то есть дѣвушка наша Наталья Корицына.

— Это еще что значитъ?

— Не могу знать-сь.

— Ты не спросила ес?

Матрена потупилась.

— Спрашивала-сь, но только она мнѣ ничего не рассказываетъ. Будь я въ Москвѣ, такъ, конечно, этого не случилось бы, не отпустила бы... ну, а безъ меня не доглядѣли.

Павель Борисовичъ наморщилъ брови и потеръ переносицу.

— Я сію минуту, моя дорогая, — обратился онъ по-французски къ Катеринѣ Андреевнѣ. — Мы обѣдаемъ, конечно, вмѣстѣ?

— Хорошо. А что это за таинственная гостья, которая васъ такъ смутила?

— Моя крѣпостная дѣвка.

— И фаворитка?

Павель Борисовичъ пожалъ плечами.

— Если хочешь, да, но фаворитка безъ привилегій.

— Однако, вотъ, она осмѣлилась самовольно послѣдовать за вами.

— И поплатится за это. Она у меня плясунья въ моемъ хорѣ. Она пляшетъ все, а теперь вотъ она запоетъ у меня. Черезъ полчаса я жду тебя къ столу, мой ангель.

Павель Борисовичъ поклонился Катеринѣ Андреевнѣ, приказалъ Матрѣнѣ подать огня и позвать къ барынѣ Глафиру, а самъ вышелъ.

Тамъ Наталья изъ Москвы пріѣхала такъ

позвать ее ко мнѣ въ кабинетъ, — приказалъ онъ на ходу лакею.

Съ раскраснѣвшимся еще отъ мороза лицомъ, взволнованная, видимо испуганная, но желающая казаться покойною, вошла Наташа въ кабинетъ. На ней былъ малиновый бархатный сарафанъ, кисейная сорочка, но голову покрывалъ не кокошникъ, какъ обыкновенно у дѣвушекъ изъ домашняго хора Скосырева, а бѣлый шелковый платочекъ. Не было на шеѣ и монистовъ, которые служили неизбѣжнымъ украшеніемъ пѣвицъ и были обязательны, какъ форма, — у Павла Борисовича форма соблюдалась строго и вся дворня, раздѣленная на группы по своимъ специальностямъ, неуклонно должна была носить разъ установленный костюмъ.

Павелъ Борисовичъ, заложивъ руки въ карманы панталонъ, стоялъ у затопленнаго камина, когда вошла Наташа. На скрипъ двери онъ оглянувшись, увидалъ дѣвушку и смѣрилъ ее грознымъ взглядомъ.

— Это что такое значить? — спросилъ онъ. — Зачѣмъ ты пріѣхала сюда?

Наташа стиснула руки, хотѣла что-то сказать, но только глухо зарыдала и закрыла лицо руками.

— Это что еще за трагедія? — строго продолжалъ Павелъ Борисовичъ. — Изволь перестать сію минуту! Зачѣмъ пріѣхала и кто тебѣ позволилъ?

— Сама, никто не позволяяль, — отвѣтила Наташа, вытирая слезы кончикомъ головного платка. Дѣлайте со мной, что угодно, есть на то воля ваша, а я не могу, не могу!

— Что ты не можешь? Въ чемъ дѣло? Ты мнѣ толкомъ отвѣчай!

— Не могу. Конечно, я раба ваша, а только сердце у меня тоже есть и любить ему заказа нѣтъ, ну, я люблю, люблю! Узнала, что къ вамъ барыню Коровайцеву привезли, хотѣла на себя руки съ тоски да съ горюшка наложить, да сперва захотѣла васъ повидать, на... на эту барыню взглянуть...

Наташа не договорила и опять заплакала.

— Дура! — безъ гнѣва проговорилъ Павелъ Борисовичъ. — Ты что же вообразила? Жениться я, что-ли на тебѣ долженъ?

— Ничего я, сударь, не вообразила. знаю я, что есть я ваша раба и что, поигравши со мною, вы бросите меня, а любить все же люблю. Если-бъ вы невѣсту себѣ избрали, барышню, такъ я только плакала бы, а вамъ да ей счастья желала бы, любви да согласія, а то... чужую жену вы взяли:

— Ну, ну, молчать! — перебилъ Павелъ Борисовичъ. — Это еще что? Не выговоры ли ты мнѣ читать будешь?

— Горе только она принесетъ вамъ, несчастье, — продолжала Наташа. — Мужа бросила, домъ покинула, такъ какое ужъ тутъ отъ нея счастье?

— Я говорю тебѣ, чтобы ты замолчала! По

настоящему, слѣдовало бы тебя проучить за самовольщину, ну, да такъ и быть, прощаю. Изволь бросить эти глупости и помнить, кто ты. Скажите, какая еще Аркадія! Глупая ты дѣвчонка! Неужели я долженъ каждой своей крѣпостной дѣвкѣ давать отчетъ? Ты съ ума сошла, я избаловалъ тебя, но помни, что я болѣе такихъ выходокъ не потерплю. Въ „Лаврикахъ“ найдутся и для тебя березы, ты меня знаешь.

— Прикажете хоть сейчасъ на конюшню отвести, до смерти заперите, я и словечка не вымолвлю супротивъ васъ, подъ розгами умирая, а ее, бѣглую барыню эту, я изведу!

— Молчать! — бѣшено крикнулъ Павелъ Борисовичъ. — Ты съ ума сошла, негодница! Вонъ сію минуту, а если я еще разъ услышу что нибудь подобное, такъ я тебя свиней пасти пошлю, въ посконный армякъ прикажу одѣтъ!

Павелъ Борисовичъ позвонилъ.

— Проводить Наташку въ людскую, — приказалъ онъ вошедшему лакею, а ко мнѣ Матрену позвать! Столъ готовъ?

— Накрыть-съ.

— Велѣтъ подавать!

Пришедшей Матренѣ Павелъ Борисовичъ приказалъ выдать Наташѣ матеріи на два платья и деньгами двадцать пять рублей, поселить ее въ дѣвичьей и пріискать жениха. Спросишь ее, но нравится ли ей кто нибудь изъ дворовыхъ, а то такъ вольнаго найти, — заключилъ онъ. — Сказать

ей, что я награжу ее, а въ домъ теперь не пускать. Она, дура, скучать вздумала, слезы тутъ пустила, такъ не вздумала бы она барыню увидеть да говорить ей что нибудь. Скажи, что за малѣйшую попытку я шкуру спущу. Избаловали дѣвченку, Богъ знаетъ что вообразила!

— Много разъ вамъ докладывала объ этомъ, батюшка баринъ,—замѣтила Матрена.

— Дура ты, вотъ что! Стану я тамъ думать еще о твоихъ докладахъ! Тебѣ дана воля надъ ними, ну, и должна наблюдать, взыскивать. Полагаю, что я не прогнѣвался бы, еслибъ ты се проучила какъ слѣдуетъ да внушила, что она такое!

Павель Борисовичъ переодѣлся и вышелъ къ столу. Пришла и Катерина Андреевна.

— Я все въ томъ же туалетѣ, — съ улыбкой обратилась она по-французски къ Скосыреву. — Хозяинъ долженъ извинить меня.

— Вы прекрасны во всякомъ туалетѣ, но вы, конечно, знаете, что сотни ихъ къ вашимъ услугамъ. Завтра пріѣдетъ изъ Москвы портниха французенка и привезетъ журналы, вамъ останется только выбрать фасоны и матеріи. Надѣюсь, что вы не будете щепетильничать?

— Я ваша теперь, приказывайте! — отвѣтила Катерина Андреевна.

Ей было весело, хотя немного и жутко. Она съ улыбкой оглядывала столовую, сервизъ, лакеевъ въ сѣрыхъ ливрейныхъ фракахъ и бѣлыхъ пер-

чаткахъ, дворецкаго, который безмолвно, но съ искусствомъ опытнаго дирижера распоряжался обѣдомъ. Обѣдъ былъ изысканный, тонкій, вино Павелъ Борисовичъ выписывалъ изъ-за границы, фрукты были изъ его собственной оранжереи и изъ его погребовъ. Весело сверкала хрусталь на столѣ, блестяло серебро, восемь восковыхъ свѣчей въ тонкихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ освѣщали столъ, а топящійся каминъ—всю столовую, большую комнату съ дорогими гобеленами и картинами на сюжеты „мертвой натуры“. За обѣдомъ, кромѣ Павла Борисовича и Катерины Андреевны, присутствовалъ раззорившійся и немного „тронувшійся умомъ“ дворянинъ Чижевъ, исполняющій въ имѣніи Павла Борисовича роль и приживальщика, и шута, и отчасти домашняго секретаря. Послѣднія обязанности Чижевъ исполнялъ, впрочемъ, только тогда, когда не былъ пьянъ, а это случилось съ нимъ не часто. Онъ же былъ и чтецомъ Павла Борисовича, читая ему послѣ обѣда и на сонъ грядущій стихи. Писалъ онъ стихи и самъ на разные торжественные случаи и считалъ себя поэтомъ.

Чижеву было лѣтъ пятьдесятъ, но онъ казался моложе, такъ какъ бороду и усы брилъ, а волосы на головѣ красилъ. Обыкновенно онъ одѣвался въ сѣрую чемарку съ плисовымъ воротникомъ и въ гороховаго цвѣта панталоны, но по торжественнымъ днямъ или когда были гости носилъ синій фракъ съ позолоченными пуговицами, жабо, бѣлый

жилеть и атласные черные панталоны въ чулки. Трезвый Чижевъ былъ деликатень, застѣнчивъ, вселерѣчивъ, но въ пьяномъ видѣ грубилъ, угрожалъ и лѣзъ въ драку. Тогда его запирали въ холодную комнату и выпускали только по вытрезвленіи. Звали его Капитонъ Ниловичъ, но это имя употреблялось только прислугой, — Павелъ Борисовичъ и всѣ его гости звали Чижева Купидономъ или Купидончикомъ.

Теперь Чижевъ былъ совершенно трезвъ, блисталъ изысканнымъ туалетомъ и былъ галантенъ, какъ никогда. Расшаркался онъ съ Катериной Андреевной по всѣмъ правиламъ искусства, но былъ съ нею холоденъ: онъ немного ревновалъ Павла Борисовича къ этой гостьѣ, полагая, что при ней не будетъ уже той воли и того блага ему, Купидончику. Свое неудовольствіе онъ выражалъ меланхолическимъ видомъ, склоненіемъ головы на бокъ и глубокими вздохами.

— Вы что то сегодня не веселы, Купидончикъ, — обратился къ нему Павелъ Борисовичъ за десертомъ. — Здоровы ли вы?

— Здоровье мое въ вождедѣнномъ состояніи, благодарю васъ.

— Но почему же вы такъ скучны?

— Не могу же я, государь мой, быть постоянно порхающимъ, какъ птичка въ роцѣ.

— Скажите! Ну, а если я вамъ прикажу подать вашъ любимый кубокъ венгерскаго, скука ваша пройдетъ?

Чижевъ безмолвно пожалъ плечами.

— Подать Капитону Ниловичу его кубокъ!— приказалъ Скосыревъ.

Кубокъ вмѣщалъ въ себѣ три четверти бутылки, и, когда Чижевъ выпивалъ этотъ кубокъ, наполненный дорогимъ душистымъ виномъ, то дѣлался необыкновенно разговорчивъ, веселъ, пѣлъ, декламировалъ, смѣялся, но съ мѣста сойти не могъ: известно, что старыя венгерскія вина дѣйствуютъ на ноги. Его заставляли тогда плясать, танцовать менуэтъ съ хорошенькою Дашей, танцовщицей, и онъ, путаясь ногами и спотыкаясь, падалъ каждую минуту. Пилъ онъ венгерское вино съ наслажденіемъ, дрожалъ даже и захлебывался. Иногда, по знаку Павла Борисовича, вмѣсто вина, въ кубокъ наливали уксусу, и тогда Чижевъ вскакивалъ, бросался на дворецкаго и гонялся за нимъ по комнатамъ, а ктонибудь изъ лаксеевъ подставлялъ ему ноги, и онъ летѣлъ на полъ. Эти потѣхи бывали только въ дни большихъ попоекъ; тогда надъ Чижевымъ продѣлывали штуки и почище.

Съ наслажденіемъ выпивъ кубокъ, Чижевъ сдѣлался веселъ, раскраснѣлся.

— Хорошо! — проговорилъ онъ, помахивая рукою.

„Весело,—хоть на мгновенье,
Бахусомъ наполнивъ грудь,
Обмануть воображенье —
И въ былое заглянуть!“

— А какъ это „на смерть кучера Агаѳона“, какъ?—смѣясь, спросилъ Павелъ Борисовичъ.

— Ну, что это-съ, это не возвышенное...

— Прочитай, тебѣ говорить!

Чижовъ поднялъ глаза, приложилъ руку къ сердцу и продекламировалъ:

„Умолкло все съ тобой! Кухарки слезы льютъ,
Супруга, конюхи вѣнки изъ сѣна вьютъ,
Глася отщедшему къ покою:
Когда ты умеръ, шутъ съ тобою!“

— Ха, ха, ха!—засмѣялся Скосыревъ.—Это стихотвореніе онъ, можете себѣ представить, прочиталъ на могилѣ моего умершаго кучера. Когда онъ началъ, вдова кучера заплакала, но когда были произнесы послѣднія слова, вдова бросилась на Купидончика, схватила его за волосы, и бѣднаго декламатора насилу отняли у бабы.

— Не возвышенно-съ, — проговорилъ Чижовъ.—Застольная бесѣда должна быть вѣнчана розами, сопровождаема пѣніемъ и музыкою, особливо ежели предсѣдательствуетъ богиня красоты и граціи, вотъ какъ онѣ.

Чижовъ указалъ на Катерину Андреевну.

— Ты ужь влюбился?—спросилъ Скосыревъ.

— Что-жь, я красоты поклонникъ, по, взирая на нихъ, я ощущаю толькъ хладъ въ моей душѣ.

— Это почему?

— Такъ-съ.

Чижовъ уныло опустилъ голову,

— Намъ на холостомъ положеніи веселѣе было,—продолжалъ онъ.—Цѣніе и танцы, розы и тимпаны, рой веселыхъ красавицъ и звонъ бокаловъ, а теперь что-же-съ? Теперь пойдетъ не то...

— Ну, безъ нытья! — перебилъ Скосыревъ.— Знаешь, я не люблю, когда ты брюзжать начнешь. Изволь что-нибудь веселое рассказывать.

— Веселое-съ? Могу. Сударыня, вы въ качествѣ чего же вступили въ сей домъ? Ежели невѣстою, то вѣдь у васъ есть супругъ, который можетъ васъ по этапу вернуть, а ежели...

— Вонъ! — крикнулъ Павелъ Борисовичъ, и голосъ его раскатился по всему дому.

Чижевъ съ трудомъ поднялся, пробормоталъ что то и вышелъ изъ столовой при помощи дворецкого.

— Pardon, — обратился Скосыревъ къ Катеринѣ Андреевнѣ, подымаясь изъ-за стола. — Я сію минуту.

— Вы, конечно, не тронете его? — спросила его молодая женщина. — Онъ такой жалкій, несчастный.

— Конечно, нѣтъ; я только распоряжусь убрать его, а то начнется представленіе, я его знаю.

Павелъ Борисовичъ догналъ Чижева черезъ три комнаты. Дворецкій велъ его, внушительно наставляя и читая ему нотацію.

— Не пристойно, сударь, ведете себя и не умѣете цѣнить благодѣяній, кои вамъ Павелъ Борисовичъ оказываютъ. Есть вы все-таки дворя-

нинъ, а поведеніе ваше столь непристойно, что подлому человѣку сдѣлались вы подобны за господскимъ столомъ.

— Ну, ну, молчать, хамъ, молчать! — бурлили Чижевъ. — Отъ чужихъ женъ не увози, не дѣлай столь низкихъ пассажей...

Скосыревъ схватилъ Чижева за воротникъ и такъ встряхнулъ, что фракъ затрещалъ по всѣмъ швамъ.

— Ты что же это, гадина, вздумалъ? — обратился Павелъ Борисовичъ къ присѣвшему Чижеву. — Дерзости дамъ говорить, гостѣ моей? Ты что же, хамъ, лакей, который господскаго куса хлѣба жалѣетъ и завидуетъ? Запереть въ хлѣвъ прикажу на хлѣбъ и на воду, въ дерюгу одѣну!.. Не пускать его къ моему столу никогда, а теперь въ холодную на всю ночь!

— Благодѣтель, Павелъ Борисовичъ, прости! — залепеталъ Чижевъ, распуская пьяныя слезы, — Холодно въ чуланѣ то, знобить, жестко, а вѣдь я старый ужъ человѣкъ, кости у меня ноютъ, мнѣ бы на теплую постельку послѣ обѣда, поспать бы мнѣ...

— Такъ зачѣмъ же ведешь себя такъ? Какъ ты смѣлъ сказать дерзость Катеринѣ Андреевнѣ?

— Съ тоски. Не будетъ намъ такого житья при ней, не будетъ...

— Кому это вамъ?

— Всѣмъ, родненькій, всѣмъ,

— А, это тутъ толки пошли, пересуды, догадки? Всполошилось болото, заквакали всѣ?

— Всѣ, благодѣтель, всѣ, Наташа вонъ плачетъ, рыдаетъ. Дашенька слезы льетъ изъ голубыхъ очей, ключница мнѣ на завтракъ ватрушечки не дала: не до тебя, говоритъ, горюю; теперь бѣглую, говоритъ, жену ублажать да откармливать будемъ...

Павель Борисовичъ выпустилъ Чижова и обратился къ дворецкому:

— Унять это болото! Слышишь? Чтобъ я больше подобнаго слова не слыхалъ, рожи постпой не видалъ! Отъ ключницы отобрать ключи и передать Матренѣ и пусть Матрена сію же минуту накажетъ Дашку какъ слѣдуетъ, да сказать и Наташкѣ, что ей то же будетъ, а этого вотъ отправить во флигель и туда носить ему столъ и чай, не выпускать. Тутъ бунтъ какой-то, смотри у меня! Я шкуру со всѣхъ спущу, сошлю всѣхъ!

Павель Борисовичъ повторилъ свои приказанія вытянувшемуся въ струнку дворецкому и пошелъ въ столовую.

— Послать ко мнѣ Порфишку, — приказалъ онъ уже на ходу. — Что я его не вижу?

— Онъ запилъ, Павель Борисовичъ, и буянить. Я распорядился его въ чуланъ запереть.

— Это еще что?

— Да прибылъ мужикъ изъ Чистополя и сказалъ, что сослапную туда Лизавету за Архипку

замужъ выдали-съ, а Порфирій располагалъ жениться на ней, давно у нихъ сватанье это шло.

— Ну, ничего, пройдетъ. Не трогай его. Отпустить его въ людскую и присматривать, а пьянствовать можетъ три дня, больше не давать. Ко мнѣ Скворчика послать.

Катерина Андреевна задумчиво обрывала вѣтку винограда и заливала венгерскимъ, когда вернулся Павелъ Борисовичъ. Онъ выслалъ лакеевъ и сѣлъ у ногъ Катерины Андреевны на низенькой скамеечкѣ.

— Ты, конечно, не обидѣлась на этого пьяного дурака?—спросилъ онъ, цѣлуя руки молодой женщины.—Извини, что я напоилъ его.

— Ничего, мой милый, мой хорошій. Я ни о чемъ не думаю, кромѣ того, что я твоя, что для меня настало счастье, но я немного боюсь: тутъ у меня много враговъ, недоброжелателей, всѣ на меня, всѣ боятся меня и ненавидятъ.

— Ахъ, какіе пустяки! — засмѣялся Павелъ Борисовичъ.—Да развѣ можно обращать вниманіе на это?

— Очень ужъ возненавидѣли меня всѣ, очень великъ у тебя штатъ. Моя Глафира сказывала мнѣ, что всѣ эти твои фаворитки, пѣвицы, танцовщицы, прихлебатели, управители возстали на меня, видя пришлую хозяйку, опасаясь меня. Я, конечно, не боюсь ихъ съ тобою, но мнѣ больно, что я внесла такую смуту въ твой домъ. Ты меня увези скорѣй куда нибудь.

— Милая, я увезу тебя очень скоро, мы за границу поѣдемъ, а объ этихъ пустякахъ ты пожалуйста не думай. Я зажму всѣмъ рты и уйму ихъ сразу. Тебѣ надо заявить здѣсь себя хозяйкой, барыней, владѣтельницей всего, а потому покажи имъ себя какъ слѣдуетъ. Я къ тебѣ представлю горничными именно тѣхъ, которыя были тутъ „барскими барынями“, и онѣ увидятъ, кто ты для меня, ну, отъ тебя будетъ зависеть поставить ихъ какъ слѣдуетъ. У тебя маленькія туфельки, маленькія нѣжныя ручки, но и этими туфельками ты можешь внушить своему штату, что ты тутъ все. Пожалуйста не церемонься, не нѣжничай и все пойдетъ превосходно. Онѣ у меня избаловались безъ хозяйки, пожалуйста прибери ихъ къ рукамъ, а свою Глафиру сдѣлай главною фрейлиной и домоправительницей; она умная у тебя и преданная. Но будетъ объ этомъ, будетъ! Я хочу ласкать тебя, любить, говорить тебѣ о своей любви. Сядемъ къ камину, возьмемъ вина, фруктовъ, ты позволишь мнѣ курить, и мы почувствуемъ себя какъ въ раю. Блаженство мое, радость моя!

Скосыревъ обнялъ Катерину Андреевну.

ХІІ.

Цѣлая буря поднялась на хуторѣ и въ деревенькѣ Луки Осиповича Коровайцева, когда узналась страшная истина.

Опрокинутый тройкой Скворчика и чуть не раздавленный бѣшено скачущими конями другой тройки, Лука Осиповичъ вскочилъ на ноги и выстрѣлилъ въ догонку бѣглецовъ, считая себя страшно обиженнымъ. Парень его, Яшка, служившій и кучеромъ, и лакеемъ, и доѣзжачимъ, поднялся изъ подъ саней съ окровавленнымъ во время паденія лицомъ и энергично выругался, не стѣсняясь присутствіемъ барина.

— Ишь, проклятые разбойники, озарники, чуть не убили, анаемы!—говорилъ онъ подымая упавшую лошадь. — И супонь лопнула, и гужи оборвались!

— Кто это такіе?—спросилъ Лука Осиповичъ, помогая Яшкѣ.—Я закутавшись сидѣлъ, не видалъ.

— Не знамо кто, сударь, а только не изъ сусѣдѣй, лошади незнакомыя, да и кучеромъ какой то усатый лѣшій сидѣлъ, пѣтъ тутъ такихъ. Смотри, что недобрые люди какіе нибудь. На передней то тройкѣ мужчина сидѣлъ и женщина, а промежъ нихъ не то еще человѣкъ, не то узелъ какой то. Гляди, что грабители.

— Вѣдь они отъ насъ скакали, — тревожно замѣтилъ Лука Осиповичъ.

— Мало ли тутъ дорогъ и акромья насъ, баринъ.

— Все же надо поспѣшить, у меня сердце не на мѣстѣ.

— Да вотъ и справились, и поѣдемъ.

Ужъ подъѣзжая къ усадьбѣ, Лука Осиповичъ попялъ, что дома у него неблагополучно. Ворота были заперты снаружи, и отъ нихъ шли слѣды многихъ лошадиныхъ и человѣческихъ ногъ; собаки заливались отчаяннымъ, тревожнымъ лаемъ, и никто не выходилъ на этотъ лай. Лука Осиповичъ однимъ взмахомъ могучей руки сбиль съ калитки замокъ и вбѣжалъ на дворъ, потомъ въ сѣни. Яшка, держа на-готовѣ охотничій ножъ, слѣдовалъ за нимъ.

Дверь въ комнаты оказалась отворенною.

— Господи, что же это? — съ ужасомъ прошепталъ Лука Осиповичъ и бросился во внутреннія комнаты.

Все цѣло, все стояло на своихъ мѣстахъ, но въ комнатахъ ни души, ни звука.

— Катя, Катенька! — кричалъ Лука Осиповичъ, бѣгая по всѣмъ комнатамъ. — Катюша! Глашка!..

— Убѣгла наша барыня, вотъ что, — мрачно сказалъ ему Яшка.

— Что?!

— Убѣгла барыня.

— Какъ убѣгла? Что ты говоришь, разбойникъ? Убью я тебя за эти слова твои!

— Есть воля ваша, а только я правильно говорю. Нѣтути ихъ, нигдѣ нѣтути. И Глашка съ ними убѣгла, проклятая.

— Такъ увезли ее, увезли! Украли мою Катеньку, похитили!

— Убѣгла...

— Молчи, холопъ! — бѣшено крикнулъ Лука Осиповичъ, хватаясь за ножъ, съ которымъ онъ на медвѣдя хаживалъ. — Душу вышибу за такое слово!

— Не гнѣвайтесь, баринъ, извольте выслушать. Если бы украли, такъ Глашку бы не взяли, а то, вишь, вмѣстѣ пропали. А вонъ и коммодъ съ барынинными вещами открытый стоитъ, вещи изъ него брали, укладывались.

— Гдѣ же люди всѣ? Гдѣ Прощка, Евстигнѣй, Машка?

— Въ кухнѣ всѣ дрыхнуть, мертвецки пьяные.

— Буди ихъ, на смерть ихъ бей и ко мнѣ! Они должны знать, кто тутъ былъ, они видѣли!

— А вотъ сейчасъ допросимъ ихъ, лѣшихъ, я ихъ подыму, образумлю.

Но это сдѣлать было не легко даже и такому дотошному, ловкому малому, какимъ былъ Яшка. Онъ будилъ дворню и пинками, и ударами доброй нагайки, и снѣгомъ, но они спали, какъ мертвые, и только мычали. Обливъ всѣхъ холодною водой, Яшка кое какъ привелъ ихъ въ себя. Долго люди

ничего не понимали, таращили глаза, скребли затылки, но когда они догадались, что въ домѣ случилась бѣда, что пропала барыня, то съ воємъ повалились барину въ ноги. Изъ сбивчивыхъ разсказовъ можно было понять правду. Приѣхалъ баринъ Черемисовъ, гусаръ, и гостилъ у барыни, кушалъ съ нею чай, а деньщикъ гостя угощалъ дворню водкой, ромомъ, напоилъ всѣхъ, и всѣ, мертвецки пьяные, заснули гдѣ попало и дальше ничего не помнили, не видѣли. Староста Игнатъ приходилъ изъ деревни, посидѣлъ въ кухнѣ, но часу въ восьмомъ ушелъ домой въ деревню. За нимъ сбѣгали теперь, разбудили, привели въ господскій домъ, а за нимъ пришло человѣкъ десять мужиковъ, но ни староста, ни мужики ничего не знали и не слыхали, да и не могли слышать.

— Батюшка баринъ, чтожь это такое?—со слезами говорили дворовые.—Прости ты насъ, окаянныхъ, и прикажи намъ вернуть барыню, которую мы проворонили. По щепочкѣ мы разнесемъ домъ твоего обидчика, самого его на веревкѣ приведемъ къ тебѣ, на осинѣ повѣсимъ!

— Всю его челядь перевѣшаемъ! — подхватили и мужики, во главѣ со старостой.

Крѣпостные очень любили Луку Осиповича и звали его „отцомъ“ не для краснаго лишь слова, не для лести, а искренне, отъ души, считая его дѣйствительно благодѣтелемъ, другомъ, заступникомъ, почитая, какъ родного отца. Онъ входилъ во всѣ ихъ пужды, работалъ наравнѣ съ ними и

былъ старшимъ въ этой семьѣ изъ тридцати мужчинъ съ ихъ женами и дѣтьми. Барщина у Луки Осиповича была легкая, не могущая обременить и самого неисправнаго мужика, о какихъ либо наказаніяхъ никто и не слыхивалъ, развѣ ужъ очень разсердится Лука Осиповичъ на неисправимаго лѣнтяя или пьяницу и потреплеть его за вихоръ, дастъ ему по затылку и прогонитъ съ глазъ долой. Самъ онъ лѣчилъ захворавшаго мужика, самъ ухаживалъ за нимъ, многихъ обучилъ грамотѣ въ долгіе зимніе вечера. Мужики жили у него хорошо, безъ ужина спать не ложились, въ праздникъ пекли пироги, одѣвались исправно. Въ годъ падежа Лука Осиповичъ заложилъ свою деревеньку и купилъ всѣмъ мужикамъ, потерявшимъ скотину, и лошадей, и коровъ. Благодаря дружнымъ усиліямъ поднявшихся на ноги мужиковъ, Лука Осиповичъ имѣлъ возможность черезъ годъ же выкупить свою деревеньку. Мужики видѣли въ немъ не только добраго, душевнаго барина, но и разумнаго хозяина, неутомимаго работника, сильнаго и тѣломъ, и духомъ человѣка. „Маниловщины“ не было въ отношеніяхъ Коровайцева къ мужикамъ, онъ не миндальничалъ съ ними, не былъ краснобаемъ, а тихо и прочно любилъ ихъ и уважалъ за выносливость, за трудолюбіе, за то, что они любили „матушку землю“ такъ же, какъ и онъ любилъ ее. Онъ даже не вмѣшивался въ ихъ дѣла, предоставляя имъ самимъ судиться и разбираться въ своихъ дѣлишкахъ, но всегда съ охотою прихо-

диль на помощь, когда его звали. Разные земскіе чины, подъячіе, крючкотворы не смѣли носа сунуть къ мужикамъ Луки Осиповича, а мужика, который задумалъ было торговать виномъ и давать крестьянамъ деньги въ ростъ, Лука Осиповичъ собственноручно поколотилъ и прогналъ въ городъ на оброкъ, а тягло его отдалъ обездоленной семьѣ, вставшей въ затруднительное положеніе послѣ пожара. Появленіе въ домѣ красавицы жены не заставило перемѣниться Луку Осиповича, хотя расходы значительно увеличились. Онъ только „сократилъ“ самого себя. Продалъ дорогую верховую лошадь, на половину уменьшилъ охоту, пересталъ курить сигары, останавливался, прѣзжая въ Москву, не въ гостинницѣ, а на постояломъ дворѣ и тому подобное.

Барыню мужики не долюбивали и порицали. Имъ не нравилось позднее вставаніе ея, полнѣйшее невниманіе къ хозяйству, роскошь, ничего недѣланіе, довѣріе къ Глафирѣ, которая была имъ чужда и которой барыня позволяла все. Не нравилось мужикамъ и дворовымъ и то, что съ появленіемъ Катерины Андреевны начали посвистывать на конюшнѣ и въ дѣвичьей розги. О нихъ прежде и не слыхалъ никто, развѣ подростка какого-нибудь вспрыснуть за баловство. Розги въ ту пору никого не удивляли, не возмущали и не оскорбляли. Онѣ свистали и въ семьяхъ, и въ школѣ, и въ дѣвичьихъ, и на конюшнѣ, какъ свистали кнуты и плети на торговыхъ площадяхъ,

но всегда и вездѣ челоуѣка возмущала и будетъ возмущать несправедливость, безпричинная жестокость.

— Ты накажи виноватую рабу свою, — говорили мужики и дворя Коровайцевыхъ про Катерину Андреевну, — но ты накажи сама, по своему барскому приказу, за дѣло, а то она Глашкѣ волю дала, и Глашка у насъ барыня, Глашка нашимъ бабамъ и дѣвкамъ пкуру деретъ, косы треплетъ, а она такая же холопка.

Лука Осиповичъ вступился было и разъ, и два, но изъ этого ничего не выходило, тогда онъ одинъ разъ зыкнулъ на Глафиру, пообѣщаль и ее отодрать за тиранство, а Катеринѣ Андреевнѣ сдѣлалъ выговоръ. Сдѣлалъ выговоръ и закаялся. Съ молодою женой послѣ этого выговора была истерика, пришлось послать въ уѣздъ за докторомъ.

— Ты меня уморишь, въ гробъ уложишь, — рыдая, говорила Катерина Андреевна и каталась на кровати. — Ты способенъ меня звѣрски наказывать за то, что моя Глафира поучила какую то скверную дѣвку, грубиянку, лѣнтяйку. Скоро эти дѣвки бить меня будутъ; онѣ меня и за барыню не считаютъ.

Лука Осиповичъ махнулъ рукой и болѣе уже не вмѣшивался въ „бабьи дѣла“. Очень ужъ любилъ онъ жену.

Слыша теперь сѣтованія мужиковъ и дворян, Лука Осиповичъ былъ глубоко тронутъ, но его оскорбляло то, что всѣ эти люди видимо винили

ого Катеньку, — то и дѣло прорывалось словечко неодобренія по адресу Катерины Андреевны. Это убивало Луку Осиповича: ему не хотѣлось вѣрить, что его Катенька убѣжала; нѣтъ, нѣтъ, ее увезли, украли, и онъ вернетъ ее!..

Не переодѣвшись, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій, Лука Осиповичъ поскакалъ въ Москву.

— Побереги ты себя, батюшка баринъ, не загуби сгоряча, — говорили ему мужики, провожая его. — Послалъ бы лучше насъ, мы-бъ тебѣ добыли и женушку твою, и обидчика, на арканахъ бы привели обоихъ да тутъ бы вотъ и казнили.

— Пошелъ! — крикнулъ Лука Осиповичъ Яшкѣ, вскакивая въ сани и не слушая мужиковъ. — Гони до уѣзда во весь духъ, а тамъ я ямскихъ возьму, курьерскихъ.

Мужики постояли, погоревали и разошлись, заперевъ господскій домъ и оставивъ старосту Игната домовничать и хозяйничать. Два мужика и дворовый парень Ефимъ, чувствовалъ себя очень виноватымъ, самовольно отлучились и поѣхали слѣдомъ за бариномъ.

— Можетъ, мы понадобится ему тамъ, голубчику, — говорили они.

Пріѣхавъ въ Москву и остановившись на постояломъ дворѣ, Лука Осиповичъ, не попивъ даже чаю, поѣхалъ разыскивать Черемисова. Въ ту пору сдѣлать это было не такъ легко, какъ теперь, — адресныхъ столовъ тогда не было, — но кое какъ

Лука Осиповичъ нашелъ квартиру гусара и явился туда грозный, готовый на все.

Черемисова въ Москвѣ не оказалось.

— Гдѣ же онъ?—спросилъ Лука Осиповичъ у двороваго человѣка Черемисова, заспаннаго и полупьянаго парня.

— Уѣхамши.

— Куда, лѣшій ты этакій, „уѣхамши“?

— Къ господамъ какимъ то, къ помѣщикамъ. Наѣхали нонѣ поутру какіе то господа, подняли барина съ постели и увезли.

Лука Осиповичъ сдержалъ свое бѣшенство, досталъ изъ кошелька серебряный рубль и подаль парню.

— Вотъ тебѣ на водку, любезный, — ласково сказалъ онъ, потрепавъ парня по плечу. — Вижу я, что ты хорошій малый, еще тебѣ на водку золотой дамъ, а ты мнѣ поразскажи кое что о баринѣ своемъ. Ты у него одинъ слуга?

— Никакъ нѣтъ, сударь. Я ихній крѣпостной, изъ вотчины папелъка ихній меня отпустили, когда баринъ въ полкъ поѣхалъ, ну, и состою, а главнымъ при нихъ — деньщикъ ихній, Бондаренко.

— Онъ гдѣ же теперь?

— Съ бариномъ уѣхамши. Онъ завсегда съ бариномъ.

— Мордастый этакій, съ большими усами?

— Такъ точно, съ усами.

— Ну, скажи же мнѣ, любезный, вотъ что:

твой баринъ привезъ сюда какую нибудь барыню изъ уѣзда?

— Барыню?

Парень почесалъ затылокъ.

— Много къ нимъ ходитъ и ѣздитъ всякихъ мадамовъ, сударь. Есть изъ простого званія, мѣщаночки тутошнія, швейки, а то вотъ актерки тоже ѣздятъ, но бываютъ и благородныя, а только словно бы не изъ уѣзда, а тутошнія.

— Онъ уѣзжалъ куда нибудь на дняхъ?

— Да онъ и дома то, почитай, не бываетъ, сударь. Завернетъ иногда, переодѣнется и опять его нѣтъ день, два, недѣлю. Какъ вотъ пріѣхали изъ полка въ отпускъ, такъ все и живетъ.

— Можно мнѣ взглянуть на его комнаты, любезный?

— Почему же не взглянуть? Пожалуйста. Хоромы у насъ не ахти какія, сударь, по холостому живемъ.

Лукъ Осиповичу захотѣлось взглянуть на комнаты Черемисова, чтобы найти какую нибудь улику, какое нибудь доказательство, — носовой платокъ Катерины Андреевны, принадлежность туалета, вещицу какую нибудь. Если пропавшая жена была здѣсь, то очень вѣроятно найти какой нибудь слѣдъ. Увы, ничего подобнаго не было. Три комнаты, занимаемая гусаромъ, представляли изъ себя не то казарму, не то покинутое какимъ нибудь лихимъ малымъ жилище. Тамъ и сямъ стояли раскрытые ломберные столы со слѣдами мѣла на

сухнѣ, всюду валялись порожнія бутылки, по угламъ стояли трубки съ длинными чубуками, сабли, нагайки, кивера, фуражки; въ залѣ стояло на козлахъ сѣдло, другое сѣдло валялось на диванѣ въ гостиной; пепель изъ трубокъ былъ на столахъ, и на окнахъ, и на полу. Въ спальнѣ, съ широкою кроватью, покрытой персидскимъ ковромъ, были разбросаны по стульямъ венгерки, доломаны, чикчиры, тапки, бѣлье, на стѣнѣ висѣло оружіе; въ прочихъ комнатахъ стѣны были голы, и только чернѣли на нихъ ямки отъ пуль: жилецъ, вѣроятно, упражнялся отъ нечего дѣлать стрѣльбою въ цѣль изъ пистолета. Никакихъ „слѣдовъ“ Лука Осиповичъ не нашелъ. Что оставалось ему дѣлать? Онъ ѣхалъ сюда съ твердымъ намѣреніемъ сейчасъ, сію же минуту вызвать Черемисова на дуэль, но теперь это намѣреніе казалось ему страннымъ, нецѣлесообразнымъ. За что онъ подставитъ лобъ подъ пулю своего обидчика? Для того развѣ, чтобы тотъ убилъ его и безпрепятственно владѣлъ его женою? Нѣтъ, онъ сперва узнаетъ: силой увезъ Катерину Андреевну Черемисовъ или по ея согласію? Если она убѣждала съ гусаромъ, такъ онъ ее убьетъ, да, се,—змѣю, согрѣтую на груди, а потомъ ужъ сведетъ счеты и съ нимъ, съ обидчикомъ, а если онъ увезъ ее силой, укралъ, разбоемъ отнялъ, такъ онъ недостоинъ того, чтобы съ нимъ стрѣляться дворянину и офицеру. Разбойника надо или просто убить, какъ бѣшеную

собаку, или предать въ руки правосудія и отнять у него его жертву, спасти ее.

— Не могла моя Катенька убѣжать, не могла, — вслухъ подумалъ Лука Осиповичъ.

— Какъ изволите говорить? — спросилъ парень.

Лука Осиповичъ не отвѣчалъ ему, вышелъ на улицу, сѣлъ въ извозничьи сани и велѣлъ везти себя къ коменданту. Тамъ найдетъ онъ защиту, тамъ скажутъ ему, что дѣлать, тамъ помогутъ отнять жену у похитителя. Забывъ, что онъ въ дорожномъ костюмѣ, въ медвѣжьихъ сапогахъ, невымытый, небритый, Лука Осиповичъ поѣхалъ къ коменданту съ твердымъ намѣреніемъ добиться аудіенціи во что бы то ни стало. Проѣхавъ улицу, онъ увидѣлъ ѣдущаго на парѣ съ отлетомъ Черемисова. Живописно драпируясь плащомъ, заломивъ на бекрень киверъ, ѣхалъ гусаръ, гордо поглядывая на идущахъ мимо прохожихъ и улыбаясь хорошенькимъ женщинамъ.

— Стой, стой! — закричалъ своимъ зычнымъ голосомъ Лука Осиповичъ и на ходу выскочилъ изъ саней.

Черемисовъ замѣтилъ его, двинулъ бровями, подумалъ одну секунду и приказалъ кучеру, остановиться. Лука Осиповичъ подбѣжалъ къ нему и схватилъ могучею рукой возжи у кучера.

— Что сіе значить, государь мой? — гордо спросилъ Черемисовъ.

— Это значить то, что я убью тебя сію минуту!.. Ты укралъ мою жену?

Черемисовъ безпокойно оглянулся кругомъ. Народъ на панеляхъ остановился и съ удивленіемъ глядѣлъ на происходившее.

— Ты укралъ мою жену? — повторилъ Лука Осиповичъ, задыхаясь.

— Государь мой, добропорядочные люди не дѣлаютъ такъ, какъ дѣлаете вы, — отвѣтилъ Черемисовъ. — Приплите ко мнѣ секундатовъ, и я дамъ вамъ сатисфакцію...

— Какъ собаку убью я тебя безъ всякой сатисфакціи! — бѣшено крикнулъ Лука Осиповичъ. — Гдѣ моя жена? Гдѣ она?

Черемисовъ опять оглянулся кругомъ. Толпа уже двинулась съ панелей и окружила сани. Отъ сосѣдней будки бѣжалъ буточникъ, какой то офицеръ въ треугольной шляпѣ съ плюмажемъ звалъ рукою идущихъ мимо солдатъ.

— Жена ваша уѣхала къ моему полку въ Польшу, — проговорилъ Черемисовъ. — Извольте отойти и ищите удовольстворенія, а это не болѣе, какъ пассажъ, который обоихъ насъ конфузить.

— Воръ ты, воръ, разбойникъ! — не помня себя, крикнулъ Лука Осиповичъ и бросился на Черемисова съ кулаками. Тотъ вскочилъ въ саняхъ, выхватилъ саблю и ударилъ ею Коровайцева по головѣ. Помѣщикъ вскрикнулъ, схватился за голову, зашатался и уналъ на снѣгъ, обливаясь кровью. Толпа ахнула, какъ одинъ человѣкъ, отшатнулась, потомъ глухо и громко зароптала и двинулась впередъ съ угрожающими криками и же-

стами. Сабли лихого гусара готова была уже засверкать въ воздухѣ, но въ этотъ моментъ подошли солдаты, прикладами оттѣснили толпу и кольцомъ окружили сани Черемисова и лежащаго на снѣгу Луку Осиповича. Черемисовъ вложилъ саблю въ ножны и выскочилъ изъ саней. Черезъ пять минутъ онъ былъ уже на гауптвахтѣ, давая показаніе караульному офицеру, а съ раненымъ Коровайцевымъ возились докторъ и фельдшеръ. Ударъ сабли пробилъ мѣховую шапку и раскрылъ голову до лѣваго уха. Изъ зіяющей раны текла кровь, и Лука Осиповичъ былъ въ безсознательномъ положеніи; но дышалъ еще. Докторъ призналъ его рану опасной жизни и объявилъ, что надежды на выздоровленіе почти нѣтъ.

ХІІІ.

Мечта Ивана Анемподистовича Латухина сбылась. Надя сдѣлалась его невѣстой, невѣстой полноправною, свободною. Дней пять тому назадъ, Шушеринъ принесъ ему и торжественно вручилъ „вольную“, совершенную въ палатѣ гражданскаго суда, отъ гвардіи поручика Павла Борисовича Скосырева на имя крѣпостной его, Скосырева, дѣвки Надежды Игнатьевны Грядиной. Въ ноги поклонился Иванъ Анемподистовичъ Шушерину, принимая эту бумагу, тотчасъ же заплатилъ ему условленную сумму денегъ и передъ образами по-

божился, что устроить и выведетъ въ люди его племянниковъ.

Запировали и загуляли всѣ въ домѣ Ивана Анемподистовича. Прислугѣ и прикащикамъ были выданы подарки, харчи во всѣ эти дни отпускались по-праздничному, стряпуха, съ приглашенною помощницей, съ утра до ночи пекла, варила и жарила, а Маша и созванные гостить подружки ея шили невѣстѣ приданое. Въ горницахъ Ивана Анемподистовича сидѣли, чинно бесѣдуя, старушки, родственницы и знакомыя его матери; въ свѣтелкахъ пѣли съ утра до ночи дѣвушки, подружки невѣсты и Маши, а вечеромъ каждый день собирались гости, то на „сговоры“, то на „помолвку“, то просто на „дѣвичьи вечера“ невѣсты. Надя разцвѣла и еще больше похорошѣла. Стыдливо держась съ подругами при гостяхъ, она бросалась на шею желанному жениху, когда оставалась съ нимъ вдвоемъ, а то плакала, то смѣялась отъ радости.

— Милый ты мой, желанный, хорошій, да неужели всѣ горя наши кончились, и я свободная, вольная?—говорила она.

— Вольная, Надюша, какъ птичка вольная! — весело отвѣчалъ Иванъ Анемподистовичъ. — Вотъ она, бумага-то, въ ларцѣ у меня лежитъ.

— Покажи мнѣ ее, покажи, Ваня, я еще разокъ хочу взглянуть на нее.

— Гляди, Надюша. Вотъ она. Вотъ гербъ государственный, вотъ печать, номеръ, а вотъ под-

писи господь начальниковъ и судей. Въ книги казенныя записана эта бумага, а книги прошнурованы, печатью скрѣплены.

— Голубчикъ, стою-ли я того, что ты за меня перенесъ, что денегъ переплатилъ? — спрашивала Падя, ласкаясь къ жениху.

— Ужели не стоишь? Кабы не стоила, не платилъ бы.

— Бѣдный ты мой! Другіе берутъ невѣсть съ приданымъ, на возахъ за невѣстами то добра привозятъ, а ты безприданницу берешь, да еще и деньги за меня платишь!

— Приданое тебѣ господинъ Скосыревъ дастъ...

— Твоими то деньгами?

— А, что толковать объ этомъ! Не приданое мнѣ нужно, Надежда, а человѣкъ, другъ на всю жизнь, а ты ли мнѣ не другъ? Не видалъ я краше тебя человѣка на свѣтѣ, да и душа у тебя свѣтлая, сердце золотое. Охъ, ты, ласточка моя, голубка бѣлая! Купилъ я тебя и ужъ никому не отдамъ, попала изъ неволи въ неволю, изъ огня въ полымя. Увидишь, какой я есть человѣкъ!

Порой темная думка налетала на счастливаго жениха и туманила его свѣтлую радость, подумывалъ онъ о подлогѣ, который они совершили, помѣщика обманули, но онъ гналъ эти думы и вспоминалъ успокоительныя рѣчи Шушерина.

— И не думай объ этомъ! — говорилъ Шушеринъ. — Благо дѣло сдѣлано, вольная выдана, а тамъ и думать нечего. Обвѣчаешься—и дѣлу ко-

нецъ. Надо тебѣ было бы послѣ вѣща къ Павлу Борисовичу на поклонъ съѣздить, съ визитаціей, какъ промежду господъ говорятъ, ну, да мы этого не сдѣлаемъ ужь, скажемъ, что молодая де захворала, а тамъ, сейчасъ же послѣ Пасхи, баринъ за границу уѣдетъ, да и забудетъ тебя съ твоей Надей. Благо, что тайну нашу знаютъ только люди близкіе, не выдадутъ, а какъ обвиняешься, такъ и дѣлу конецъ, не развѣнчаютъ, а обманъ Павелъ Борисовичъ проститъ, коли и узнаетъ. Да и не узнаетъ, вотъ что главное. Нешто ему до насъ! У него и самого зазноба теперь на умѣ, а въ мысляхъ—уголовщина.

Шушеринъ пріятельски повѣдалъ Латухину все, что дѣлалось у Павла Борисовича. А дѣлалось тамъ вотъ что: раненый Черемисовымъ помѣщикъ Коровайцевъ скончался и передъ смертью принесъ на гусара жалобу не за нанесеніе раны, которая была вызвана насиліемъ его, Коровайцева, и оскорбленіемъ офицерской чести, а за то, что гусаръ похитилъ у него жену, увезъ ее силою, укралъ. Не дождавшись рѣшенія на принесенную жалобу, Коровайцевъ умеръ, но дѣло пошло своимъ путемъ, и Черемисовъ былъ арестованъ, сидѣлъ на гауптвахтѣ и отписывался на запросы и справки. Онъ и не подумалъ даже вмѣшиваться въ дѣло Павла Борисовича, а отвѣчалъ, что жену дворянина Коровайцева увезъ самъ, полюбивъ ее, а о настоящемъ ея мѣстопребываніи ничего не знаетъ. Самъ Павелъ Борисовичъ увѣдомилъ тогда слѣдственную

по этому дѣлу комиссію о томъ, что вдова убитаго Коровайцева находится у него, что въ похищеніи ея онъ принималъ дѣятельное участіе и что Катерина Андреевна Коровайцева желаетъ вступить съ нимъ въ бракъ. Получивъ это увѣдомленіе, комиссія по дѣлу о корнетѣ Ахтырскаго гусарскаго полка Черемисовѣ списалась съ палатою уголовного суда, и палата передала суду отставнаго гвардіи поручика Павла Борисовича Скосырева и вдову дворянина Коровайцева, — перваго за насиліе, учиненное надъ замужнею женщиной, а вторую — за побѣгъ отъ мужа. Вмѣшалась консисторія, и дѣло заварилось и затянулось на долгіе года, какъ водилось тогда; цѣлыя стопы, цѣлые воза бумаги должны быть исписанными по этому дѣлу.

Павелъ Борисовичъ нанялъ ходатая изъ отставныхъ чиновниковъ палаты уголовного суда и поручилъ ему дѣло, нисколько не смущаясь, но жепиться на Катеринѣ Андреевнѣ ему было пока нельзя, и вотъ это то обстоятельство смущало и беспокоило его. Такимъ образомъ и было Павлу Борисовичу не до подлога, совершеннаго Латухинымъ. Онъ весь отдался любви и заботамъ о новой жизни, весь отдался Катеринѣ Андреевнѣ, которая внушила ему страсть пылкую, неудержимую, — страсть, охватывающую человека лишь на склонѣ лѣтъ послѣднимъ, „девятымъ валомъ“, способнымъ и выкинуть на берегъ къ тихой пристани, и разбить о скалу.

Латухину и Надѣ можно было быть покойнымъ и не думать о Павлѣ Борисовичѣ, но тѣмъ не менѣе, Шушеринъ, заходя иногда попить къ счастливому жениху, совѣтовалъ ему дѣла въ должнѣе ящикъ не откладывать.

— Обвѣнчайтесь и дѣлу конецъ, — говорилъ управляющій, — не зачѣмъ вамъ тянуть да откладывать.

Одинъ разъ вечеркомъ Шушеринъ пришелъ чѣмъ то озабоченный и особенно настаивалъ на скорѣйшей свадьбѣ.

— До масляницы еще время достаточно, Ефимъ Михайловичъ, успѣемъ обвѣнчаться, — отвѣтилъ Латухинъ. — Надо приданое приготовить, батюшка, то, се; хлопотъ не мало, сами изволите знать.

— А ты, голубчикъ, не дремли, — возразилъ на это Шушеринъ. — Приданое можно и послѣ свадьбы нашить, дѣло домашнее. Смотри, чтобы препоны какой не вышло.

— Какая же можетъ препона быть?

— Мало ли какая. Купилъ невѣсту, да вѣдь не безъ грѣха, самъ знаешь. Ежели обвѣнчаешься, такъ отнять мудрено, а пока еще невѣстой состоить — возможно, имѣя въ виду, что куплена то Надя при помощи подлога. Мнѣ тебя жаль, а я то ужъ выкарабкаюсь какънибудь. Есть тутъ заковыка одна, человѣчекъ одинъ намъ помѣшать можетъ.

„Заковыка“ эта состояла вотъ въ чемъ: одинъ разъ вечеркомъ Ефимъ Михайловичъ купалъ у

себя въ горницѣ чай и читалъ какую то душе-спасительную книгу, какъ въ комнату къ нему вошелъ любимый барскій камердинеръ Порфишка. Съ трудомъ узналъ Шушеринъ барскаго любимца. Давно небритый, съ опухшимъ отъ сильнаго пьянства лицомъ, съ налитыми кровью глазами, Порфирій самъ на себя не былъ похожъ. Одѣтъ онъ былъ въ дубленый полушубокъ и въ валеные сапоги, въ рукахъ держалъ палку и барашковую шапку.

— Порфирій! — съ удивленіемъ воскликнулъ Шушеринъ, поднимая на лобъ очки въ серебряной оправѣ. — Какими ты судьбами попалъ сюда изъ Лавриковъ? Отъ барина?

Порфирій поставилъ палку въ уголъ, бросилъ шапку и сѣлъ на стулъ, не дожидаясь приглашенія. До сей поры онъ при управителѣ садиться не смѣлъ.

— Самъ ушелъ, — угрюмо отвѣтилъ онъ. — Бѣжалъ.

— Какъ бѣжалъ? — воскликнулъ Шушеринъ и притворилъ дверь въ сосѣдную комнату.

— А какъ вотъ бѣглые бѣгаютъ.

— Да что же случилось, Порфиша? — тревожно спросилъ Шушеринъ. — Я что то въ толкъ не возьму.

— А то и случилось, что вы, Ефимъ Михайловичъ, обманщикъ и жизни моей погубитель...

— Какъ?!

— Небось не знаешь? — насмѣшливо спросилъ Порфирій. — Прикрылъ я твой обманъ воровской, дозволилъ вамъ съ купцомъ Латухинымъ Надьку обманомъ купить, а ты мнѣ за это что обѣщаль?

— Обѣщаль, Порфиша, Лизавету изъ Чистополья въ Лаврики переслать и устроить ее за тебя. Я помню это, знаю и устрою.

Порфирій злобно взглянулъ на Шушерина и покачалъ головой.

— Ахъ, ты, Іуда, Іуда! — проговорилъ онъ. — Отдали Лизу за Архипку, сгубили ее...

— Какъ?

Шушеринъ даже вскочилъ съ мѣста.

— Какъ отдали?... Порфиша, родной, Богомъ тебѣ клянусь, что я этого не зналъ. Грѣшенъ я тѣмъ, что позамедлилъ маленько, а баринъ, стало быть, помимо меня бурмистру отписалъ объ этомъ. Порфиша, голубчикъ, прости ты меня Христа ради! Я тебѣ, Порфиша, заплачу, денегъ тебѣ дамъ, а Лизу твою отниму отъ Архипки, отдамъ ее тебѣ.

— Поздно, сударь Ефимъ Михайловичъ! Лиза сбѣжала, поймана и въ городѣ Владимірѣ въ острогѣ сидить.

— Ахъ, горе какое! — съ непритворною тоской воскликнулъ Шушеринъ.

— Горе тебѣ? Боишься что я про твой обманъ насчетъ Надьки барину донесу? А мнѣ то какое горе, а Лизѣ то? Сколько тиранства перенесла

она, побоевъ! Сказываютъ чистополевскіе мужики, что и до весны не доживетъ, помретъ въ острогѣ.

Порфирій тряхнулъ головой.

— На тебя я барину донесу, это ты знай! — со злобой сказалъ онъ. — Не видать твоему долгополому купцу Надьки, какъ мнѣ Лизы не видать, а пока я гулять хочу въ Москвѣ, денегъ мнѣ давай.

— Порфиша, родной, я тебя угощу, я тебѣ денегъ дамъ, судьбу твою устрою, ты ужь меня прости, Порфиша, земно тебѣ кланяюсь.

Шушеринъ поклонился, коснувшись рукою пола.

— Ладно, увидимъ тамъ, а пока денегъ мнѣ дай, гулять хочу.

— Да какъ же такъ, Порфиша? — замялся Шушеринъ. — Ушелъ ты въ Москву самовольно, баринъ явку подастъ.

— А ты укрывай меня, — съ дерзкимъ смѣхомъ перебилъ Порфирій. — А то не хочешь ли задержать? Клики людей, вели связать да въ вотчину отправить. Ха, ха, ха... Не отправишь, Ефимъ Михайловичъ, шкуру свою оберегаячи.

— Порфиша, — ласково и вкрадчиво заговорилъ Шушеринъ, присѣвъ рядомъ съ лакеемъ, — Порфиша, а ты, голубчикъ, вернись лучше въ Лаврики, будь другъ! Я тебѣ денегъ дамъ, подводу снаряжу...

— Пой Лазаря то! — со смѣхомъ перебилъ Порфирій. — Какого бѣса я въ Лаврикахъ постылыхъ дѣлать буду? Я хоть погуляю тутъ, душу отведу, изъ трактира въ погребокъ перепархивать буду, съ пріятелями горе свое забуду. Мнѣ и ты денегъ

дашь и купецъ Латухинъ дать, потому какъ я вась обоихъ погубить могу. Не желаю и въ Лаврики, провались они въ таръ-тарары!

— Порфиша, да вѣдь тебѣ схватятъ здѣсь, какъ бѣглаго...

— А я скажу, что живу-де я въ Москвѣ по приказу господина моего, Павла Борисовича Скосырева, и порукой-де въ томъ управитель его Ефимъ Михайловъ Шушеринъ. Откажешься, что ли? Ха-ха-ха! Я надъ тобой потѣшусь, Шушеринъ, ты мнѣ теперь не страшенъ, нѣтъ!

Шушеринъ принужденъ былъ дать Порфирію денегъ и отпустить его „гулять“. Всю ночь думалъ объ этомъ неожиданномъ случаѣ Шушеринъ и на утро особенно настаивалъ у Латухина на скорѣйшей свадьбѣ, но настоящей причины своей настойчивости не сказалъ.

Порфирій, между тѣмъ, пилъ, гулялъ, бражничалъ и буянилъ. Оставшаяся въ Москвѣ дворня понять не могла послабленій, которыя оказывалъ строгій и безпощадный Шушеринъ Порфирію, тѣмъ болѣе, что дворнѣ извѣстно было о приказѣ барскомъ: поймать скрывшагося изъ Лавриковъ Порфирія и прислать въ имѣніе.

— Ужъ не ладить ли Шушеринъ поставить Порфишку „охотникомъ“ за племянника? — догадывалась дворня. Порфирій именно походилъ теперь на нанятаго „охотника“, идущаго добровольно въ солдаты за какого-нибудь зажиточнаго парня, попавшаго въ рекрутскую очередь. Въ ту пору,

да и потомъ, гораздо позднѣе, такихъ „охотниковъ“ было не мало, и они именно такъ бражничали и ломались надъ нанимателемъ, какъ „ломался“ Порфирій надъ Шушеринымъ.

— Гляди, что „охотникомъ“ его ставитъ за старшаго племянника, который въ купеческой конторѣ служить, — говорили дворовые.

— А баринъ то нешто отпустить Порфишку! — возражали другіе.

— Шушеринъ обойдетъ барина, какъ ему надо, особливо когда Порфиша занилъ да забаловаль. На кой онъ шутъ барину такой то? Одно дѣло — подъ красную шапку.

А Порфирій посмѣивался только и продолжалъ гулять. Въ расшитомъ шелками романовскомъ полушубкѣ, въ красной рубахѣ и плисовыхъ шароварахъ, заломивъ шапку на затылокъ, съ череповскою гармоникой ходилъ онъ изъ трактира въ трактиръ, изъ погребка въ погребокъ и кутилъ. Являясь домой пьянымъ, опъ буянилъ, дрался и грубилъ Шушерину. За одну десятую такихъ поступковъ другого, будь это самый почетный членъ двора, — Шушеринъ отодралъ бы до полусмерти и дома, и въ части, а Порфирия онъ только уговариваль да ласкаль, да угощаль настойками.

Какъ то разъ вечеркомъ Иванъ Анемподистовичъ, заперевъ лавку, возвращался домой съ гостинцами для невѣсты. Подходя къ дому, онъ увидалъ, что работникъ его отгонялъ отъ воротъ рослаго парня въ дубленомъ полушубкѣ съ гармо-

никомъ въ рукахъ. Парень былъ пьянъ, кричалъ, размахивалъ руками и лѣзъ въ калитку, отталкивая работника.

— Это что такое? — спросилъ Иванъ Анемподистовичъ, подходя. — Что это за человѣкъ?

— Да вотъ лѣзетъ до твоей милости, — отвѣчалъ работникъ. — Сказываетъ, что дворовый-де человѣкъ помѣщика Скосырева и хочетъ поздравить тебя съ заporученною невѣстой.

Иванъ Анемподистовичъ окинулъ парня взглядомъ и узналъ въ немъ камердинера Павла Борисовича Порфирія.

— Я, голубчикъ, пожертвовалъ на всю дворню двадцать пять рублей, чтобы поздравить меня и Надежду Игнатьевну, — кротко отвѣтилъ Иванъ Анемподистовичъ, — ну, да ладно, поздравь ты само собой, вотъ тебѣ полтина.

Порфирій подкинулъ на ладони пожалованный купцомъ полтинникъ.

— Это ты мнѣ на водку, купецъ, жалуешь? Спасибо, а только мнѣ твоего полтинника не надо, свои есть, желательно, чтобы меня Надя твоя изъ своихъ рукъ поподчивала, угостила, какъ есть она такая же холопка господина моего, какъ и я.

Иванъ Анемподистовичъ нахмурился.

— Тутъ нѣтъ никакой Нади, — сурово отвѣтилъ онъ. — Тутъ есть „вольная“ Надежда Игнатьевна, моя невѣста, будущая купчиха и тебѣ тутъ дѣлать нечего. Ступай себѣ съ Богомъ, проспись!

— Ой-ли?

Порфирій подперъ бока руками и нагло за-смѣялся.

— А ежели я не пойду?

— А не пойдешь, такъ я велю молодцамъ шсю тебѣ намять и въ часть отправить, а въ части тебѣ баня будетъ, хоть сегодня и не суббота.

— Это мнѣ то? Ну, а ежели баня то будетъ не мнѣ, а Надѣкѣ?

Иванъ Анемподистовичъ вспыхнулъ.

— Прочь, холоуй!—крикрулъ онъ. — Кнутьями велю отодрать, коли не сгинешь съ глазъ въ ту же минуту!

— Потихе, кунецъ, не пыли!

Порфирій наклонился къ самому уху Ивана Анемподистовича и, понизивъ голосъ, проговорилъ:

— Обманомъ невѣсту то купилъ, знаю вѣдь я. Барину показали не ее, не ее, стало быть, онъ и на волю отпускалъ, подлогъ вы съ Ефимкой сдѣлали!

Иванъ Анемподистовичъ поблѣднѣлъ.

— Ага, пересыпало лицо то снѣгомъ! — продолжалъ Порфирій. — Хочешь, сейчасъ я заявлю объ этомъ? Уголовщина вѣдь это, кунецъ, и тебя, и Шушерина и Надю въ мѣшокъ за это каменный!.. Хе, хе, хе... А ты не фордыбачъ, будь ласковъ. Ты угости меня, понотчуй, пусть и Нади угостить. Когда она при генеральшѣ Прасковѣ Васильевнѣ состояла, я зналъ ее, не плѣше тебя влюбимшись былъ и даже хотѣлъ у барина въ жены ее просить...

— Войди во дворъ, — дрогнувшимъ голосомъ перебилъ пьяную рѣчь Иванъ Анемподистовичъ. — Что ты городишь такое? Какой подлогъ?.. Выпущена Надя на волю господиномъ, у меня бумага есть...

— Есть, да не на ту выправлена. Какъ показывали барину Надю, такъ подмѣнили ее. Одинъ въ дворнѣ то нашей знаю я ее, одинъ и могъ бы барину глаза открыть, да Шущернаъ упросилъ, посулами склонилъ.

Порфирій махнулъ рукою.

— Не исполнилъ онъ, проклятый, посуловъ своихъ, не отдали мнѣ Лизу мою, сгубили!...

Ну, да ты, купецъ, тутъ не виноватъ, я на тебя зла не имѣю, а только ты угости меня, потчуй, желаю я твоимъ гостемъ быть...

— Пойдемъ, — торопливо отвѣтилъ Иванъ Анемподистовичъ и повелъ незваннаго гостя въ горницы

Снова забило сердце молодого купца тревогу, снова облилось оно кровью... Еще новый свидѣтель обмана, подлога, еще новая бѣда!.. Пьяный холуй этотъ будетъ теперь таскаться сюда, будетъ буянить, требовать почестей, грозить... Скорѣй, скорѣй надо обвѣнчаться, да и пойти къ барину съ повинной, рассказать ему все; онъ извинитъ невольный подлогъ, особенно теперь, когда онъ самъ любитъ и счастливъ любовью...

XIV.

Въ ненастный февральскій вечеръ къ постоялому двору, расположенному верстахъ въ двадцати отъ города Рузы, подходили три человѣка. Въ поляхъ завывала мятель, съ темнаго облачнаго неба валилъ снѣгъ густыми хлопьями, сердитый вѣтеръ крутилъ его въ воздухѣ и словно злился на кого-то, яростными порывами налетая на ветхія постройки постоялаго двора, на лохматыхъ лошадинокъ, стоящихъ подъ навѣсомъ двора, и на подходящихъ путниковъ.

Двое изъ этихъ путниковъ были одѣты въ рваные полушубки и въ лапти; на головахъ у нихъ были мѣховыя шапки. Третій путникъ, невысокаго роста, коренастый мужчина лѣтъ тридцати, былъ одѣтъ въ одnobортный казакинъ изъ толстаго сѣраго сукна, подпоясанный ремнемъ съ бляхами и въ валеные сапоги. Кудластую голову его покрывала барашковая шапка съ краснымъ верхомъ. Этотъ, очевидно, былъ дворовымъ, какимъ-нибудь псаремъ или доѣзжачимъ. Ни у него, ни у его товарищей не было за плечами котомокъ или мѣшковъ; шли они, значитъ, налегкѣ, не изъ далека, а между тѣмъ всѣ они очень устали и едва тащились по снѣжной дорогѣ, опираясь на толстыя, суковатыя палки, выдернутыя изъ какой-нибудь изгороди.

— Надо зайти на постоялый, братцы,—сказалъ

дворовый товарищамъ. — Силушки больше нѣтъ, ноги отказываются, да и жрать хочется.

— Прямо издыхать надо, ежели не отдохнуть да не перекусить, — отвѣтилъ одинъ изъ лапотниковъ. — А какъ ты зайдешь?

— А что?

— А то, что люди то мы, Ефимушка, темные, бѣглые люди.

— Написано, что ли, у насъ на лбу, что мы бѣглые? Скажемъ, что домой де идемъ, вотъ и вся недолга.

— А ежели изъ Москвы то дано знать, что мы убѣжали изъ кутузки?

— Тамъ дано знать исправнику, а не Акимычу дворнику, а откуда тутъ исправникъ возьмется въ такую погоду? Зайдемъ, поспимъ до разсвѣта, отогрѣмся, а можетъ Акимычъ то и покормить. Хорошо бы теперича щецъ похлебать горяченькихъ, зелена вина стаканчикъ хватить!

— Ишь, губу то тебѣ разѣло! Хоть бы хлѣбушка пожевать, и то хорошо, да глядишь и ночевать то Акимычъ не пустить безъ пятака, а у насъ хоть бы полушка.

— Попытаемся; авось, благодѣтеля барина покойнаго вспомнимши, Акимычъ пригрѣетъ насъ, накормить.

Всѣ трое пріободрились, почувявъ тепло постоялаго двора, и поплы ходко. Постучавшись у воротъ и назвавшись прохожими, путники вошли черезъ крытый дворъ въ избу. На широкихъ па-

лацияхъ снали извошники, везущіе въ Москву кладъ, только-что поужинавшіе; на жаркой печи тоже снали какіе то проѣзжіе: за столомъ, при свѣтѣ самодѣльной сальной свѣчи въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, три мужика ѣли кашу, запивая квасомъ. Въ избѣ было жарко, пахло щами и дымомъ. Хозяинъ постоялаго двора, толстый рыжебородый мужикъ, недружелюбно встрѣтилъ путниковъ.

— Я пѣшихъ не пущаю, — сурово обратился онъ къ нимъ. — Никакой корысти пѣтъ безъ лошадей то пущать. Ну, ладно, ежели ужинать будете — оставайтесь, а коли ночевать только, такъ не пущу: тѣсно и безъ васъ.

— А ты будь поласковѣе, Акимычъ, — обратился къ нему дворовый. — Мы знакомые твои. Али не призналъ? Коровайцевскіе мы, Луки Осиповича Коровайцева.

При послѣднихъ словахъ сидѣвшіе за столомъ разомъ поднялись.

— Батюшки, да вѣдь это наши! — воскликнули они въ одинъ голосъ. — Ефимъ борзятникъ это, Тихонъ Обручевъ, Яшка Косарь!

Вошедшіе такъ и бросились къ признавшимъ ихъ мужикамъ.

— Родимые, да вѣдь это наши, коровайцевскіе! Васюкъ Трошинъ, Михайло, Герасимъ!

Знакомые обнялись и расцѣловались. Нѣкоторыхъ даже слеза прошибла.

— Акимычъ, подавай намъ щей, каши, соло-

нины и сулею вина!—скомандоваль высокій черно-бурый мужикъ дворнику.

Дворникъ разбудиль бабу-стряпуху и приказаль ей подать требуемое, а самъ, кряхтя и охая, влѣзъ на печь и сію же минуту захрапѣль. Легла спать и баба, подавъ на столъ корчагу съ горячими щами, горшокъ пшенной каши, блюдо съ холодною солониной, ковригу хлѣба и баклагу вина. Прохожіе молча и жадно накинулись на ѣду, выпивъ по стакану водки. Уже за кашей, обильно одобренной льянымъ масломъ, разговорились они. На разспросы чернобородаго мужика началъ длинный рассказъ дворовый въ казакинѣ.

— Осиротѣли мы, Василій Панкратычъ,—началь онъ,—схоронили нашего барина Луку Осиповича, царство ему небесное.

— Да, знаемъ мы, Ефимушка, получили объ этомъ вѣсточку, поплакали вдосталь. Такое у насъ теперича гореванье идетъ, что...

— А ты постой, Васюкъ,—остановиль его другой мужикъ.—Пусть Ефимъ намъ расскажетъ про барина, про московское житье свое, а тамъ и мы повѣдаемъ о себѣ. Говори, Ефимушка, сказывай намъ все, коли угостился до сытъ.

— Спасибо, насытились теперь, отошли, а то хоть помирай въ чистомъ полѣ. Не весель нашъ рассказъ будетъ, ребяташки, горе одно.

Онъ закурилъ трубку на коротенькомъ чубукѣ, затянулся и началъ:

— Пошли мы въ Москву за бариномъ, чтобы

не покидать его, сердечнаго, при случаѣ помочь, да опоздали, зря сходили. Опъ, вишь ты, нашелъ свово обидчика, поймалъ злодѣя свово, который у него жену увезъ, и орломъ налетѣлъ на него, а тотъ выхватилъ саблю, да и полыснулъ нашего барина. Прямо по головѣ угодилъ, разсѣкъ до мозга самага, и скончался нашъ Лука Осиповичъ въ больницѣ, схоронили его. Поревѣли мы, попечалились и порѣшили такъ, чтобы обидчику его, нашему лиходѣю, за все отплатить, да кстати ужъ и ее, барыню бѣглую, порѣшить, и Глашку тоже смутьянщину. За одно, думаемъ, пропадать сиротами, такъ по крайности отплатимъ. Очень ужъ горько да больно намъ было, очень голубчика барина жаль, жену котораго мы проворонили, въ домъ котораго врага пустили!

— Такъ, такъ, — проговорилъ чернобородый, жадно слушая рассказъ Ефима.

Такъ же жадно и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали и его товарищи. Что касается товарищей Ефима, то они, утомленные дорогой и согрѣтые виномъ, свалились на лавки и крѣпко спали.

— Ну, и пошли мы по Москвѣ барина этого Черемисова искать, — продолжалъ Ефимъ. — Ходимъ, это, спрашиваемъ, а на харчи себѣ добываемъ чѣмъ попадя, работаемъ, что придется. У того спросимъ, у другаго и указали намъ фатеру этого барина, нашли мы ее. Нагрянули мы, ребяташки, ночью къ нему, прознавъ, что дворни у него только и есть, что парень дворовый да

деньщикъ. Парадную дверь коломъ приперли. заднюю высадили и входимъ. Дворовый его, плюгавенькій такой, замореный, спитъ на коникѣ въ прихожей, а деньщикъ съ какою то бабочкой въ карты играетъ. Шикнуть они не успѣли, какъ мы связали ихъ, словно волковъ сострунили. Спрашиваемъ, гдѣ, молъ, вашъ баринъ и наша барыня, которую онъ увезъ? Деньщикъ, видимъ, не тотъ, который къ намъ въ тѣ поры пріѣзжалъ, барыню то красть, другой. „Я, говоритъ, ребята, ничего не знаю. Барыня, говоритъ, у насъ никакой нѣтъ, а баринъ нашъ на обвахтѣ сидитъ за убійство“. Видимъ мы, что толку тутъ не будетъ, бросили эту челядь и пошли, да, перелѣзая черезъ заборъ, на казаковъ объѣздныхъ и наткнулись. Взяли насъ, скрутили и въ кутузку до утра, да на счастье наше кутузка то была плохонькая, на съѣзжемъ дворѣ для пьянчужекъ приспособлена, ну, мы и убѣжали; убѣжали, да вотъ на родину и пришли, а тамъ что Богъ дастъ. У васъ то что, Вася, дѣлается? Вы какъ поживаете?

Чернобородый махнулъ рукой и повѣсилъ кудрявую голову.

— Плохо у насъ, Ефимушка! — отвѣтилъ за него другой.

— А что?

— А то, что въ раззоръ насъ раззорили и вся почитай вотчина въ бѣгахъ состоитъ. Остался дома старый да малый. Бабы, дѣвки, и тѣ разбѣжались, кто куда. Аксена Рыжаго семья на

Донъ, слышно, сошла, Микѣшка съ бабой и ребятами на Волгу ушелъ,—родня у него тамъ гдѣ то въ судовщикахъ—а то на заводы ушло много ребятъ; тамъ, сказываютъ, бѣглыхъ то охотно принимаютъ.

— Ну, а что же въ усадьбѣ то дѣлается, въ деревнѣ то?

— А то и дѣлается, что чиновники, подъячіе понаѣхали и живутъ вотъ третью ужъ недѣлю. Наслѣдниковъ у барина не осталось, такъ вотчину въ казну переписываютъ, а какой то господинъ впутался тутъ и на себя хочетъ все перевести, родственникъ де я Луки Осиповича, внучатный племянникъ. Понаѣхали исправникъ, становой, подъячіе изъ суда и встали у насъ станомъ, что твой Мамай нечестивый. Принялись оброкъ выколачивать, недоимки, слышь ты, какія то; пошли со дворовъ и телятъ, и куръ, и барановъ тащить, и всякую живность, а какъ не стали мы давать было, такъ потащили насъ на конюшню и ну полосовать! Егора да Пармена Черцовыхъ заковали въ кандалы и въ острогъ отправили, Василису птичницу до полусмерти задрали и тоже увезли въ городъ. Восемь подъячихъ въ господскомъ домѣ живетъ, пишетъ да списываетъ, а на деревнѣ пятнадцать инвалидовъ гарнизонныхъ поставлено, — бунтъ де мужики завели. Исправникъ чуть не каждый день наѣзжаетъ, стаповой съ письмоводителемъ живмя живетъ, а письмоводитель то у него столь вороватый парень, что съ господъ, и то

дереть. Прямо раззорили насъ и барское гнѣздышко на вѣтеръ пустили...

Мужикъ замолчалъ и повѣсилъ голову. Пригорюнились и всѣ остальные.

— Какъ же теперь, братцы, быть то, а? — спросилъ Ефимъ.

— А такъ и быть...

Чернобородый оглянулся кругомъ, наклонился къ дворовому и, понизивъ голосъ, проговорилъ:

— Думаемъ къ шайкѣ воровъ пристать, что въ Хватовскомъ лѣсу у Введенья поселилась.

Ефимъ такъ и отпрянулъ.

— Да неужто? — воскликнулъ онъ.

— А что же дѣлать то? Раззорили, да и еще раззорять. Когда то еще отпишутъ вотчину, когда то еще дѣлу конецъ будетъ, а до тѣхъ поръ кровь всю выпьютъ. А потомъ чего ждать, Ефимушка? Достанемся племянничку этому внучатному, такъ сладости не будетъ. Одно дѣло, что на волѣ погулять, а тамъ что будетъ. Не мы, Ефимушка, первые, не мы послѣдніе.

Ефимъ пригорюнился.

— И все это изъ-за барыни этой вышло, изъ-за змѣи подкольной, которую батюшка нашъ на груди своей отогрѣлъ! — проговорилъ онъ.

— Да. Попалась бы она намъ въ лапы часомъ, такъ мы-бъ на ней все выместили.

— Гдѣ же она теперь? Невѣдомо вамъ?

— Разно болтаютъ. Сказываютъ наши, кои въ Рузѣ бродятъ, что она гдѣ то въ вотчинѣ живетъ

того барина, съ коимъ убѣжала, а гдѣ эта вотчина, того не вѣдаютъ.

Мужики молчали.

— Что-жъ теперь дѣлать думаешь, Ефимушка? — спросилъ у двороваго чернобородый мужикъ. — Домой пойдешь, такъ въ тотъ же часъ въ кутузку попадешь.

— Непошто мнѣ домой идти, — угрюмо отвѣтилъ Ефимъ. — Шелъ за тѣмъ, чтобы поклониться могилкамъ родительскимъ, да и уйти на вѣки вѣчные. Бродячаго люда по матушкѣ Рассеѣ много бродить, найдется и намъ мѣсто.

— То-то, молъ, — ободрительно отозвался чернобородый. — Староста Игнатъ на што ужъ степенный мужикъ, а и тотъ ушелъ.

— Ушелъ и Игнатъ?

— Ушелъ. Этотъ къ старовѣрамъ ушелъ со всею семьей и въ какомъ то скиту живетъ, ну, а мы вотъ погуливаемъ.

— Грабежомъ промышляете? — съ укоромъ спросилъ Ефимъ.

— Лишнее у толстосумовъ беремъ, — засмѣялся чернобородый. — Бѣдныхъ да убогихъ не трогаемъ, убійства не чинимъ, а такъ себѣ пошаливаемъ.

Онъ опять наклонился къ Ефиму и едва слышнымъ шепотомъ заговорилъ ему:

— Нонѣ вотъ здѣшняго Акимыча пощупаемъ, очинно обросъ мужикъ, очинно нагребилъ много, всю округу сноилъ да раззорилъ и деньжишъ, сказываютъ, множество, а мужикъ воръ, злодѣй, ни

жалости, ни стыда, хуже татарина лютаго, вотъ мы его и обмишуримъ. На разсвѣтѣ извозчики уѣдутъ, мужики вонъ тѣ тоже съѣдутъ, на базаръ въ Рузу поспѣшаючи, ну, мы и насядемъ на Акимыча. За рѣчкой нашихъ то еще семь человѣкъ, да вотъ васъ трое прибыло.

— И насъ считаешь?—усмѣхнулся Ефимъ.

— А почему и нѣтъ?

Ефимъ тряхнулъ головой.

— Ладно, считай и насъ, дядька!—съ глубокимъ вздохомъ воскликнулъ онъ.—Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, а ужъ мы все равно и бѣглые, и раззоренные... Поднеси-ка еще стаканчикъ, землякъ любезный.

— Пей, Ефимушка, на здоровье, вотъ она, баклажка то!

Раннимъ утромъ дворникъ, его семья и работники были перевязаны, и вся полная „кубышка“ дворника, сохраняемая въ кованомъ сундукѣ, была въ рукахъ крѣпостныхъ Луки Осиповича Коровайцева. Захватили они и много разной рухляди: тулуповъ, женскихъ шубокъ и душегрѣекъ, плотныхъ шелковыхъ платьевъ дворничихъ, бухарскихъ шалей, полотна и т. д. На двухъ парныхъ подводахъ ускакали грабители съ постоялаго двора, и когда какіе то проѣзжіе нашли дворника со всѣми его домочадцами въ избѣ еле живыми отъ страха и связанными, грабители были далеко.

Виновница всѣхъ этихъ событій, „великолѣпная“, какъ прозвали ее сосѣди, Катерина Андреевна Коровайцева весело, широко и пышно жила въ Лаврикахъ, наслаждаясь полнымъ счастьемъ и любовью. Когда Павелъ Борисовичъ, смущенный и обеспокоенный, сообщилъ ей о несчастіи, постигшемъ ее мужа, она дрогнула вся, встрепенулась и яркая краска залила ее прекрасное лицо, а лучистые глаза такъ и засверкали.

— Убили? — воскликнула она, подымаясь съ мѣста.

— Да, Катенька...

— Такъ чего же ты пасмурный такой, орликъ ты мой? — весело спросила она. — Вѣдь теперь я свободна, вѣдь теперь я безъ всякой помѣхи твоя!

— А тебѣ развѣ не жаль его?

Катерина Андреевна слегка поморщила свои соболиныя брови.

— Жаль, конечно, онъ добрый былъ, смирный, а все же лучше, что онъ умеръ. Правда? И намъ лучше, да и ему: чтобы онъ мучился?.. Мнѣ вотъ Черемисова жаль; онъ пострадаетъ за то, что наше счастье устроилъ.

— Онъ выпутается, Катя: вѣдь онъ честь свою, личность свою защищалъ. Покойникъ Лука Осиповичъ твой бросился на него, пытаясь тяжело оскорбить его.

— Ну, а если выпутается нашъ милый удалой гусарь, такъ и горя нѣтъ никакого. Все дѣлается такъ, какъ тому быть должно, мой милый Польш.

Безъ смерти Луки не было бы ни моего, и твоего счастья, значить, и говорить нечего. Онъ пожилъ, онъ взялъ свое, такъ я тоже пожить хочу. Посуди самъ: развѣ я для того создана, чтобы въ деревнѣ Луки Осиповича грибы солить? Развѣ я пара ему?

Катерина Андреевна взглянула въ зеркало, обняла Скосырева и, склонивъ ему головку на плечо, проговорила:

— Онъ оттуда простить и благословить меня. Я ни разу не обманула его, была ему вѣрною женой, да и никогда не обманула бы, еслибъ ты силой не взялъ меня. Онъ долженъ простить меня, долженъ, а я... я помолюсь за него...

Катерина Андреевна заказала по мужѣ сорокоусты въ десяти окрестныхъ церквахъ и послала въ Москву прикащика съ приказаніемъ отыскать могилу Луки Осиповича и поставить надъ его прахомъ дорогой памятникъ. Памятникъ этотъ и до сей поры стоитъ по окраинѣ Лазаревского кладбища, и любопытный можетъ, хотя съ трудомъ, прочесть на немъ надпись и стихотвореніе.

Павелъ Борисовичъ только подивился характеру своей обожаемой красавицы и еще больше сталъ любить ее, высоко цѣня то, что она вся отдалась ему и вмѣстѣ съ мужемъ похоронила все старое. Она же дала ему и мысль блестяще покончить все дѣло.

— Чего ты волнуешься, мой милый?—говорила она Скосыреву, когда того засыпали бумагами изъ

различныхъ учреждений „по дѣлу объ убійствѣ помѣщика Коровайцева и бѣжавшей женѣ его“. — Все это пустяки! Ты пошли меня къ этимъ скучнымъ судьямъ, а я скажу вотъ что: скучала я дома, покинутая мужемъ, который то по службѣ, то на охоту отлучался, и поѣхала съ знакомымъ корнетомъ Черемисовымъ, другомъ моего мужа, въ гости къ помѣщику Скосыреву, который тоже знакомъ съ нами и въ домѣ у насъ бывалъ, а въ это время мужъ вернулся, послушалъ болтовни пьяной дворни и поскакалъ искать меня въ Москву, набросился на корнета Черемисова и за это заплатился. Вотъ и все. Какая же это вина съ моей стороны? Пусть они дворню спросятъ, какая я была мужу жена. Развѣ преступленіе въ гости къ тебѣ пріѣхать? Нѣтъ, милый, ты не бойся, не смущайся! Не то, что тебѣ, у котораго и богатство, и связи, а послѣднему мелкопомѣстному помѣщику, однодворцу какому нибудь, и то нечего бояться.

Павелъ Борисовичъ въ восторгъ пришелъ отъ ума и находчивости Катерины Андреевны и ожилъ, помолодѣлъ. Широко и пышно развернулась жизнь въ Лаврикахъ и лишь одно обстоятельство печалило Павла Борисовича и до бѣшенства доводило Катерину Андреевну. Обстоятельство это состояло въ томъ, что всѣ лучшія дамы уѣзда не приняли Катерину Андреевну, а тѣ, которыя приняли, не отдали ей визита.

Свадьба должна была уладить это послѣднее недоразумѣніе, и всѣ помыслы Катерины Андре-

свны направлены были теперь къ тому, чтобы какъ можно скорѣе обвинчаться съ Павломъ Борисовичемъ и поставить свой домъ первымъ въ округѣ, а Павла Борисовича провести въ предводители.

XV.

Слѣдствіе по дѣлу Черемисова было окончено и арестованнаго гусара выпустили на свободу, обязавъ подпискою о невыѣздѣ изъ Москвы впредь до особаго распоряженія. Изъ полка Черемисовъ принужденъ былъ выйти, такъ какъ дѣло о похищеніи имъ жены дворянина Коровайцева дошло до высшаго начальства и скомпрометировало Черемисова.

Безъ гроша денегъ, похудѣвшій и обросшій бородой, явился Черемисовъ на свою покинутую квартиру. Отпустивъ деньщика въ полкъ, Черемисовъ остался съ однимъ дворовымъ человѣкомъ Сашкой, не покидавшимъ барскаго дома и имущества и готовымъ скорѣй умереть съ голоду, чѣмъ уйти куда нибудь. Все, до послѣдней брошенной пуговицы, нашелъ Черемисовъ въ цѣлости и подивился на то, чѣмъ былъ живъ его вѣрный Сашка, оставленный безъ гроша.

— Жилъ хорошо, — отвѣтилъ барину Сашка, и улыбка играла на его румяномъ полномъ лицѣ. — Рази въ Москвѣ пропадешь, сударь? Въ Москвѣ только дуракъ пропадетъ.

— Да чѣмъ же ты жилъ? — спросилъ Черемисовъ.

— Около пріятелей кормился. Дворни вокругъ сколько угодно, только гуляй съ ней. Вотъ четыре рубля мнѣ подарили, жилетку шелковую, а сытъ и пьянъ кажинный день былъ. Сичасъ у генерала Пронина экономка Лукерья Даниловна, какая ласковая баба—страхъ! Какъ утро, такъ и несетъ мнѣ фриштикъ.

Сашка засмѣялся, оскаливъ бѣлые крѣпкіе зубы.

— Каклеты ѣлъ, четыре раза щиколадъ пилъ! — хвастливо заявилъ онъ.

— Ахъ ты, рожа, рожа!—смѣясь проговорилъ Черемисовъ. — И изъ моихъ вещей ничего не продалъ?

— Нешто я смѣю барское добро трогать? Я его берегъ, не отходилъ отъ него, и какъ пришли сюда бродяги коровайцевскіе васъ искать да связали насъ, такъ я всего больше опасался за имѣніе ваше. Одначе ничего не тронули, ушли. Храни Богъ, на васъ бы не наткнулись теперича. Очинно они за барина своего озлоблены.

Черемисовъ, извѣщенный о покушеніи на его жизнь людьми Коровайцева, нисколько не встревожился этимъ и не думалъ бояться. Другія у него были теперь заботы — достать денегъ. Изъ раззореннаго, давнымъ давно заложеннаго и перезаложеннаго имѣнія ждать было нечего; нечего было и заложить, за исключеніемъ развѣ носильнаго платья и пары ковровъ, а у всѣхъ москов-

скихъ заимодавцевъ было занято и подъ векселя, и подъ заемныя письма, и подъ сохранныя росписки. У пріятелей, у людей своего круга, Черемисовъ никогда не занималъ.

Собравъ все то, что можно было продать, Черемисовъ позвалъ жида фактора и сбылъ чрезъ его посредство все это, выручивъ съ бѣльшимъ трудомъ сто рублей ассигнаціями. Черезъ этого же жида онъ отыскалъ портнаго и сшилъ себѣ въ кредитъ статское платье, навѣки и чуть не со слезами сбросилъ венгерку, ментикъ и пашку. Обновивъ штатское платье и вспырнувъ его поражающимъ количествомъ рома и шампанскаго въ кругу пріятелей, Черемисовъ озаботился насчетъ денегъ. Онѣ были очень нужны эксъ-гусару. Необходимо было съѣздить въ Петербургъ и похлопотать о дѣлѣ, необходимо было внести проценты въ Опекунскій совѣтъ за заложенное имѣніе и спасти хотя часть его, чтобы имѣть уголокъ подъ старость.

Отыскавъ денегъ, Черемисовъ не пропалъ бы: за лихаго гусара, да еще съ имѣніемъ, въ Москвѣ выдали бы и богатую, и хорошенькую невѣсту, а ему стала надобѣдать холостая безпутная жизнь и поманило его къ тихой пристани, къ ласкѣ вѣрной супруги, къ чистымъ объятіямъ жены. Крѣпко задумался Черемисовъ и вспомнилъ о купцѣ Латухинѣ, которому онъ случайно оказалъ услугу. Тогда же онъ, шутя, намекнулъ купцу, что займетъ у него при случаѣ денегъ, и конецъ

изъявилъ полнѣйшую готовность дать сколько угодно. Теперь въ самую пору обратить эту шутку въ дѣло. Купецъ дастъ подъ заемное письмо. Онъ богатъ, тысяча, двѣ ассигнаціями — не ахти какая сумма, тѣмъ болѣе, что Черемисовъ покажетъ ему документы на имѣнье, и купецъ будетъ видѣть, что у гусара еще есть кое что. Весело засвѣталъ Черемисовъ, закурилъ трубку и позвалъ Сашку.

— Одѣваться мнѣ, умываться, бриться! — приказалъ онъ. — Живо чтобы, въ одну минуту. Да найми мнѣ парные сани на весь день.

Въ венгеркѣ изъ синяго сукна съ черными шелковыми шнурками и кистями, въ сѣрыхъ панталонахъ съ широчайшими раструбами, выбритый, надушенный и завитой, отправился Черемисовъ къ Латухину, узнавъ его адресъ чрезъ всевѣдущаго Сашку.

Было часовъ двѣнадцать утра, когда Черемисовъ подъѣхалъ къ дому Ивана Анемподистовича. Оставивъ сани у воротъ, онъ вошелъ во дворъ и поднялся по чистой, крашеной лѣстницѣ наверхъ. Служанка дѣвушка встрѣтила его еще въ сѣняхъ и пѣвучимъ голосомъ спросила:

— Вамъ кого это надать?

— Мнѣ, голубушка, надо видѣть Ивана Анемподистовича Латухина. Дома онъ?

— Нѣтути его, онъ въ городѣ.

— А когда онъ будетъ?

— Не знаю когда. Поди, скоро придетъ обѣдать. Да ты подожди, я у самой спрошу.

— Это у жены, что ли, его?

— Нѣтути у его маменьки спрошу. Онъ еще не женимшись. Подожди тутъ, я спрошу. А какъ о тебѣ сказать то?

— Скажи, что помѣщикъ Черемисовъ, Аркадій Николаевичъ. По дѣлу, молъ.

Служанка пошла и вернувшись пригласила Черемисова въ горницы. Въ чистомъ, очень богато по тогдашнему времени убранномъ залѣ встрѣтила Черемисова мать Ивана Анемподистовича и попросила его присѣсть.

— Скоро, чай, будетъ Ваня то, батюшка, пождите,—сказала она.— Не прикажите ли попотчевать чѣмъ нибудь вашу милость! Не побрезгуйте, сударь, выкушайте чего нибудь. Сынокъ то мой женихомъ состоитъ, такъ въ самую пору теперича всякаго гостя угостить.

— Очень радъ, матушка, благодарю васъ,—поклонился Черемисовъ.—Я человѣкъ военный и всякому угощенію предпочитаю водку,

Старушка ушла и сейчасъ же вернулась со служанкой, которая несла большой подносъ съ графиномъ водки, съ балыкомъ, икрой, грибами и всякаго рода закусками на маленькихъ фарфоровыхъ тарелочкахъ съ золотыми „пукетами“. Другая служанка внесла такія же тарелочки съ пряниками, съ калеными орѣхами, съ изюмомъ и пастилой.

— Кушайте, батюшка, не побрезгуйте, — поклонилась старушка. — Займитесь тутъ чѣмъ угодно, на что глаза глядятъ, а я сейчасъ пироги вынимать пойду, пирожкомъ горячимъ васъ потчую.

— Весьма пріятно, матушка, благодарю васъ, а чтобы мнѣ одному не скучно было, такъ вы покажите мнѣ невѣсту вашего сына, я съ ней пока побесѣдную.

— Сейчасъ придетъ, сударь. Я ужъ говорила ей, и она маленько снаряжается. Нельзя же невѣстѣ къ дорогому хорошему гостю по домашнему выйти. Кушайте, батюшка, прошу покорно.

Старушка удалилась, а Черемисовъ безъ церемоній и съ большимъ аппетитомъ выпилъ водки и закусилъ янтарнымъ балыкомъ. Наливая вторую рюмку, чтобы выпить и закусить чудною осетриной съ жирными золотистыми пророслями, Черемисовъ услышалъ сзади легкіе шаги и шуршанье шелкового платья. Онъ поставилъ графинъ и оглянулся.

Чудной красоты молодая дѣвушка, одѣтая со вкусомъ и по модѣ, входила въ залу, неся подносикъ съ бутылкой сладкой малаги. Стройная брюнетка съ темно-синими глазами, гибкая, граціозная, съ цѣлою массой темныхъ волосъ, красиво причесанныхъ на античной головкѣ, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, не смуглыхъ, какъ у большинства брюнетокъ, а бѣлыхъ, какъ фарфоръ, дѣвушка эта была поразительно хороша въ

своемъ нарядномъ туалетѣ изъ свѣтло-синяго шелка съ кружевами и лентами, сшитаго, очевидно, лучшей портнихой. Узкая юбка, съ оборками изъ черныхъ кружевъ, облежала ея круглый станъ, высокоую талию стягивалъ кушакъ изъ широкой пестрой ленты, пышныя рукава изъ темно-синяго бархата поддерживались на плечахъ бантами изъ лентъ, на груди, выступающей изъ-подъ глубокаго вырѣза лифа, сверкалъ алмазный медальонъ на ниткѣ крупнаго жемчуга; жемчужныя же серьги низко спускались отъ красиваго розоваго ушка чуть не до самыхъ плечъ.

Черемисовъ ахнулъ, что называется, и совсѣмъ растерялся. Онъ никогда не ожидалъ встрѣтить въ купеческомъ домѣ такую красавицу. Были, конечно, красавицы и въ тогдашнихъ купеческихъ домахъ, но тогда очень еще немногія изъ купеческихъ женъ и дочерей одѣвались со вкусомъ и по модѣ, тяготѣя еще къ тяжелымъ штофнымъ юбкамъ, къ стеганымъ душегрейкамъ и шелковымъ шугаямъ на ватѣ, а голову покрывая платочками въ дѣвицахъ и шелковыми косыночками-головками — послѣ замужества. По модѣ, „по-господски“, одѣвались очень немногія, и это считалось новшествомъ, не всегда одобряемымъ. Вошедшая въ залу дѣвушка была совершенная „барышня“ и не только по костюму, но и по манерамъ, по умѣнью держать себя.

Черемисовъ щелкнулъ каблуками, пожалѣвъ въ эту минуту своихъ шпоръ съ „малиновымъ зво-

номъ“, — поклонился и отрекомендовался, закрутивъ усъ.

Дѣвушка поклонилась ему тоже, поставила подносъ на столъ и безъ жеманства, безъ ужимокъ, которыя тогда были въ большой модѣ среди купечества, предложила гостю откусать сладкаго вина.

— Благодарю васъ, — поклонился Черемисовъ. — Я съ кѣмъ же имѣю удовольствіе говорить? Вы, вѣроятно, родственница Ивана Анемподистовича?

— Я его невѣста, — отвѣтила дѣвушка.

— Невѣста?

— Да.

— Вы... вы та крѣпостная дѣвушка, которую выкупилъ Иванъ Анемподистовичъ у Скосырева!

— Да.

Дѣвушка слегка покраснѣла и потупилась, едва сдерживая улыбку, польщенная тѣмъ, что произвела такое впечатлѣніе на помѣщика, выдавшаго, конечно, виды.

Черемисовъ забралъ черный усъ свой въ руку и закусилъ его, понявъ все. Да, онъ понялъ все. Онъ понялъ, что Скосыреву, зная его любовь къ хорошенькимъ женщинамъ, показали другую дѣвушку, показали не настоящую Надю, обманули, а онъ, конечно, настоящую не зналъ, не видалъ никогда, этимъ и воспользовался хитрый Шушеринъ, хорошо закупленный купцомъ. Ту „поддѣльную Надю Черемисовъ видѣлъ, когда ее приводили къ Скосыреву въ день попойки. Куда же той равняться съ этой! О, Павелъ Борисовичъ эту не

отпустилъ бы, нѣтъ, хоть давай за нее горы злата. Не даромъ купецъ съ Шущеринымъ прибѣгли къ обману и подлогу, хорошо они, стало быть, знали и вкусы Павла Борисовича, и цѣну этой красавицы. Вотъ у него, у Черемисова, скверныя теперь дѣла, гроша нѣтъ за душой, долговъ по горло, а будь эта красавица его крѣпостная, такъ онъ и за двадцать тысячъ не продалъ бы ее!..

Черемисовъ крутилъ усы и не спускалъ глазъ съ Нади, а она стояла нѣсколько сконфуженная, покраснѣвшая и еще болѣе прекрасная въ своемъ смущеніи.

— Выкушайте вина, — предложила, наконецъ, невѣста.

— Благодарю васъ. Съ вами, если позволите, я выпью, а одинъ не стану, — отвѣчалъ Черемисовъ.

— Извольте, я выпью немного.

Надя налила въ рюмки малаги и взяла одну рюмку.

— Ну, поздравляю васъ, желаю вамъ счастья, — сказалъ Черемисовъ, чокнувшись съ Надей. — Что-жь, очень вы любите вашего жениха?

— Да.

— Вы гдѣ же съ нимъ познакомились?

Надя рассказала исторію своего знакомства съ Иваномъ Анемподистовичемъ, извѣстную уже читателямъ.

— И Скосыревъ отпустилъ васъ на волю? — спросилъ Черемисовъ, въ разсѣянности и волненіи выпивая рюмку за рюмкой то водки, то вина.

— Отпустилъ. Иванъ Анемподистовичъ получилъ уже изъ палаты вольную, и я теперь московская мѣщанка, а скоро вотъ и купчихой буду.

Надя улыбнулась.

— Да, вотъ оно что!—задумчиво проговорилъ Черемисовъ.— А видѣлъ васъ когда-нибудь Скосыревъ?

Надя подумала минутку.

— Нѣтъ, никогда не видалъ. Я вѣдь была не его, а его покойной тетушки, ему я по наслѣдству досталась. У тетки онъ не бывалъ, она сердилась на него за его кутежи, за слишкомъ веселую жизнь.

— Увидалъ, такъ не отпустилъ бы,—замѣтилъ Черемисовъ.

— Почему?— съ лукавою усмѣшкой спросила Надя.

— Да развѣ такую красавицу отдастъ кто нибудь добровольно? Доведись до меня, такъ я не отпустилъ бы за всѣ сокровища міра.

— Вы очень милостивы, сударь, благодарю васъ за похвалу.

Надя улыбнулась.

— Отпустили бы и вы, если-бъ узнали, что ваша крѣпостная любить не васъ, а другаго. Зачѣмъ она вамъ, ежели сердцемъ то своимъ она вамъ не принадлежитъ уже? Для тиранства, для муки не оставили бы, если душа есть.

— О, тутъ все забудешь! Я вымолилъ бы у нея любовь или силой взялъ бы, а ужъ другому не уступилъ бы ни за что. Я такихъ, какъ вы, не видывалъ и среди барышень.

— Благодарю васъ, но признаю сіи слова за комплиментъ.

— Клянусь вамъ, что я говорю правду! Вы поразительно хороши!.. Скажите, вы учились гдѣ нибудь, воспитывались? Кто былъ вашъ отецъ?

— Отецъ мой былъ дворовый человѣкъ, а матушка жила при господахъ въ ключпицахъ. Наша барыня очень любила насъ всѣхъ, хотя и была строга. Меня она особенно любила, учила грамотѣ, заставляла читать книжки, обучила вышиванью, вязанью, и даже компаніонка ея, французенка мадамъ Биго, обучила меня играть на клавикордахъ и немного говорить по-французски. Генеральша не имѣла дѣтей и насъ любила, какъ родныхъ.

Въ эту минуту дверь въ залу отворилась и вошла Маша съ блюдомъ, на которомъ дымился горячій ароматный пирогъ. Подойдя къ столу, Маша бросила бѣглый взглядъ на Черемисова и слабо вскрикнула, чуть не уронивъ блюдо. Не смотря на штатское платье, она узнала Черемисова,—хорошо врѣзалось ей въ память его красивое характерное лицо въ тотъ вечеръ, когда ее приводили къ Скосыреву.

— Что съ тобою, Маша?—спросила Надя.— Ты поблѣднѣла, дрожишь... Маша, не угорѣла-ли ты, милая, въ кухнѣ?

— Нѣтъ, она не угорѣла,—отвѣтилъ за дѣвушку Черемисовъ. Она узнала мня, какъ узналъ ее я но... но только я знаю ее за крѣпостную Павла Борисовича Скосырева, Надю, которую выкупилъ на волю купецъ Латухинъ. Ее приводили къ помѣщику Скосыреву въ то время, когда я былъ у него.

Надя поблѣднѣла, какъ полотно, и безсилно опустила руки.

— Не бойтеся! — подошелъ къ ней Черемисовъ. — Я васъ не выдамъ. Я сразу понялъ, въ чемъ тутъ дѣло, лишь только вы назвали мнѣ невѣстой Ивана Анемподистовича. Не бойтесь!

— Вы... вы знакомый Скосырева?—чуть слышно спросила Надя.

— Я его другъ, у него и познакомился съ вашимъ женихомъ. Не рассказывалъ ли вамъ вашъ женихъ о гусарскомъ офицерѣ, который способствовалъ тому, чтобъ васъ отпустили на волю?

— Да, да, говорилъ. Офицеръ привезъ Павлу Борисовичу какую то радостную вѣсть, и Павелъ Борисовичъ немедленно приказалъ выдать мнѣ вольную.

— Офицеръ этотъ былъ я, — сказалъ Черемисовъ. Надя съ мольбой протянула къ нему руки.

— Такъ не выдавайте же меня, не погубите! Боже мой, я ничего не знала, я вышла къ вамъ, какъ къ постороннему, намъ сказали, что пріѣхалъ какой то помѣщикъ изъ уѣзда.

— Не бойтесь, — повторилъ Черемисовъ. — Вы почему же медлите свадьбой и не вѣнчаеся? Обвѣнчанную васъ не отнимутъ, а вѣдь теперь можно еще.

— Да. Иванъ Анемподистовичъ отложилъ свадьбу до „красной горки“ потому, что у него умеръ родной дядя, и до масляницы не выйдетъ еще шести недѣль послѣ смерти дяди этого.

Черемисовъ налилъ рюмку водки и залпомъ выпилъ ее.

— До „красной горки“ вы свободны, -- проговорилъ онъ и прошелся по комнатѣ. — До „красной горки“, то есть мѣсяца два еще. Ахъ, Надя, Надя, какая у меня мысль мелькнула сейчасъ въ головѣ?

— Какая? — встрепенувшись, спросила Надя. Ей подумалось, что этотъ хорошо выпивающій баринъ, подъѣхавшій на извозничьихъ лошадяхъ, не прочь взять денегъ за свое молчаніе.

— Какая вамъ мысль пришла въ голову? — повторила она. — Можетъ, вамъ деньги нужны?

Черемисовъ нахмурился

— Вы глупости говорите! — рѣзко отвѣтилъ онъ. — Гусаръ Черемисовъ за деньги не покупается и не продается. Я вотъ пріѣхалъ къ вашему жениху денегъ занять подъ вексель, онъ даже обѣщалъ мнѣ, но я теперь, послѣ того, что узналъ тутъ, и не стану просить и не возьму... Не это пришло мнѣ въ голову, совсѣмъ не это.

— А что же?

— А вотъ что: если я сейчасъ поѣду къ Скосыреву и расскажу ему про обманъ, про подлогъ, то вольную вашу уничтожатъ, и я, оказавшій услугу Скосыреву, могу сказать: „Павелъ Борисовичъ, ты далъ мнѣ честное слово дворянина сдѣлать для меня все, чтобы я ни попросилъ, такъ отдай мнѣ твою крѣпостную Надю!“ И онъ отдалъ бы, и вы были бы моею, вы, которая такъ поразила меня своей красотой! ..

Надя снова поблѣднѣла, ноги у нея подкосились, и она почти упала на стулъ

Черемисовъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Не бойтесь, я не сдѣлаю этого. Любите вашего купца, вашего купидона въ длиннополомъ сюртукѣ, плодитесь и размножайтесь!

XVI.

Черемисовъ дѣйствительно не попросилъ у Ивана Анемподистовича денегъ, хотя и видѣлъ, что встревоженный напуганный купецъ охотно дастъ ему сколько угодно и на какихъ угодно условіяхъ. А напуганъ былъ Иванъ Анемподистовичъ страшно и чуть не со слезами упрекалъ мать за оплошность.

— Вѣдь теперь нашъ обманъ то, подлогъ то нашъ узналъ первый другъ и пріятель барина Скосырева, — говорилъ онъ. — Ну, какъ онъ скажетъ ему? Мы не обвиняемы, очень легко могутъ Надю отнять, а ужъ объ отвѣтственности, о судѣ я и не говорю.

— Не скажетъ, Иванушка, — говорила старушка. — Баринъ, кажись, хорошій, важеватый.

— Всѣ они хороши, знаемъ! Не скажетъ со злымъ умысломъ, такъ съ пьяныхъ глазъ сболтнетъ зря, а намъ горе и бѣда.

— А ты попроси его хорошенько, Иванушка, поклоняйся. Предложи ему денегъ; все равно ужъ тратиться то намъ, коли такую свадьбу заварили. А меня ты прости, старуху глупую, не сообразила я, по оплошности Наденьку ему показала.

Цѣлую батарею бутылокъ съ различными винами выставилъ Иванъ Анемподистовичъ передъ опаснымъ гостемъ и униженно подчивалъ его, кла-

нясь въ поясъ и все упрасивая помолчать передъ Скосыровымъ и не губить Надю.

— Да перестань, братецъ! — разсердился, наконецъ, Черемисовъ. — Сказаль, что не скажу, ну, и не скажу. Владѣй своей красавицей, твое счастье.

Надя не уходила изъ комнаты и угощала Черемисова, а онъ пилъ изъ ея рукъ рюмку за рюмкой, стаканъ за стаканомъ и пожираль ея глазами. Около уже вечеренъ простился Черемисовъ съ гостепріимными хозяевами. Провожая его, Иванъ Анемподистовичъ сказалъ:

— Ваше благородіе, вамъ не нужны ли деньги? Помните, вы изволили говорить у Павла Борисовича, что пріѣдете занять у меня? Такъ если вамъ угодно, я съ большимъ даже удовольствіемъ...

— Эхъ, ты, торгашъ! — презрительно отвѣчалъ Черемисовъ. — Это ты молчаніе мое купить хочешь? Ступай къ бѣсу, не надо мнѣ твоихъ денегъ!

И Черемисовъ уѣхалъ.

Красота Нади произвела на него сильное, неотразимое впечатлѣніе. Онъ гналъ мысль о ней, а мысль эта не выходила у него изъ головы, и передъ глазами гусара вставала, какъ живая, красавица Надя, чаруя и маня его.

Черемисовъ попробовалъ напиться, но это средство не помогло. Онъ принялся ухаживать за доступными и недоступными красавицами общества и тогдашняго „полусвѣта“, но всѣ эти красавицы были въ его глазахъ неизмѣримо хуже Нади и не нравились ему. Онъ ихъ бросилъ и закутилъ во всю, благо еще подошла масляница, и нашлись деньги. Отчаянно прокутивъ до самого чистаго

понедѣльника. Черемисовъ забастоваль и поѣхаль гостить къ Скосыреву. Надя не выходила у него изъ головы, а онъ по опыту зналь, что переменѣ мѣста, дорога, новыя лица и впечатлѣнія—самое лучшее лѣкарство отъ безнадежной любви. Кромѣ того, онъ хорошо зналь и то, что у Скосырева не соскучишься, что тамъ къ его услугамъ множество развлеченій, да и Катерина Андреевна была въ его глазахъ такою женщиной, въ присутствіи которой мудрено думать о другой. По письмамъ Скосырева Черемисовъ зналь, что Катерина Андреевна ничего противъ него не имѣетъ и имѣть не можетъ.

И вотъ, устроивъ себѣ проводы съ шумомъ и трескомъ, Черемисовъ поѣхаль къ Павлу Борисовичу. Очнулся онъ послѣ проводовъ на послѣдней кормежкѣ, умылся, выпилъ рому и свѣжій, надушенный, выбритый, съ грохотомъ бубенцовъ и колокольчика, влетѣль на ямской тройкѣ въ усадьбу Скосырева.

Бывало, Черемисова встрѣчали во дворѣ псари въ фантастическихъ костюмахъ, охотники, различные приживальщики, а въ комнатахъ то и дѣло показывались сѣнныя дѣвушки, пѣвицы хора, одна лучше другой, опять—охотники и приживальщики, казачки, Ничего подобнаго не было теперь. На чисто выметенномъ и посыпанномъ по снѣгу пескомъ дворѣ Черемисовъ не встрѣтилъ никого, только у воротъ стоялъ, какъ часовой, благообразный дворовый въ сѣромъ армякѣ съ зеленымъ воротникомъ и въ какой-то полуформенной шапкѣ. Ворота были заперты, и человекъ этотъ, отворяя ихъ, спросилъ у Черемисова:

— Къ барину изволили пожаловать?

— Да. А что?

— Звонкомъ доложить надо, сударь, а вы пожалуйста налѣво къ крыльцу. Если-бъ пожаловали къ управителю, такъ надо направо къ конторѣ, и я позвонилъ бы вотъ въ этотъ колокольчикъ.

— Шутъ знаетъ, что такое!—проговорилъ Черемисовъ.—Шлагбаумъ какой-то!

— У насъ, сударь, порядки строгіе.

Человѣкъ дернулъ за ручку, прикрѣпленную къ длинной проволокъ, и гдѣ то вдали прозвенѣлъ колокольчикъ.

Вѣроятно, на звонъ этого колокольчика и вышелъ на подъѣздъ ливрейный лакей. Онъ помогъ выйти Черемисову изъ саней и провелъ его въ большія, свѣтлыя сѣни съ полированной дубовою мебелью, съ ковромъ, идущимъ широкою дорожкой на лѣстницу, съ двумя кафельными печами. Ввелъ и дернулъ за красный съ нитью шнурокъ. Опять раздался звонокъ, и съ лѣстницы сбѣжалъ другой лакей, во фракѣ уже и чулкахъ. Этотъ повелъ Черемисова въ верхъ и, доведя до пріемной, большой комнаты съ зеленою кожаной мебелью и со множествомъ зеркалъ, сказалъ:

— Я сейчасъ доложу Павлу Борисовичу. Дозвольте узнать вашу фамилію?

— Убирайся ты ко всѣмъ чертямъ!—крикнулъ ему Черемисовъ и пошелъ въ хорошо знакомый кабинетъ хозяина.—Что это у васъ тутъ за замокъ такой? Давно ли все это?

— Приказано такъ, сударь, мы должны повиноваться.

Лакей слегка пожалъ плечами и вздохнулъ.

Вздыхали очень многіе въ этомъ домѣ послѣ того, какъ въ немъ появилась Катерина Андреевна. Прошло вольное безмятежное житіе, сытое и пьяное, кончился непрерывный пиръ. Не такъ часто водили, положимъ, на конюшню, не каждый день свистали розги въ дѣвичьей и въ мезонинахъ, не травили различныхъ дурачковъ и шутовъ собаками, не обливали никого въ трескучій морозъ холодною водою на дворѣ, какъ это, бывало, водилось, но не было уже и безпросыпнаго пьянства, гульбы, сытой ѣды, пѣсенъ и музыки. Не существовало ужъ и знаменитаго хора. Матрена завѣдывала погребами и кладовыми, а всѣ пѣвицы были посажены за работу. Однѣ плели кружева, другія шили барынѣ бѣлье, третьи вязали, четвертая вышивали, одѣтыя уже не въ бархатные сарафаны, а въ однообразныя холстинковыя платья. Кормили дѣвушекъ попрежнему хорошо, но вина, фруктовъ, разносоловъ съ барскаго стола, какъ бывало, имъ не попадало. Наказывали ихъ рѣдко, но всѣ онѣ получали съ утра уроки до обѣда и не выполнившая этого урока не получала обѣда, какъ лѣнивая и недостойная. Не выполняла она урока, заданнаго на ужинъ, не получала и ужина. За упорную лѣнь, за неповиновеніе, за грубость старшей мастерицѣ, сажали въ холодную и темную комнату на хлѣбъ и на воду, а если неповиновеніе повторялось—наказывали жестоко, безъ пощады и ссылали въ дальнюю вотчину. Глафира была теперь полномочнымъ министромъ въ этомъ домѣ и ходила въ шумящихъ „матерчатыхъ“ плать-

яхъ, гордая и величавая. Ее звали Глафирой Авдѣвной и клапались ей въ поясъ. Даже всесильный Шушеринъ, прїѣзжая изъ Москвы, здоровался съ ней „за ручку,“ называлъ по имени и отчеству и считалъ за честь кушать съ нею чай, привозя изъ Москвы гостинцы.

Краса и гордость хора, Наташа, была сдѣлана камеристкой Катерины Андреевны и не спускалась съ глазъ. Долго и упорно воевала съ ней Катерина Андреевна и, наконецъ, побѣдила. Война началась съ того почти дня, какъ Наташа прїѣхала изъ Москвы, стосковавшись по барину и встревожившись извѣстіемъ о прїѣздѣ „новой барыни“. Тогда же позвала ее Катерина Андреевна, узнавъ, что Павелъ Борисовичъ уѣхалъ къ предводителю. Наташа вошла въ своемъ малиновомъ бархатномъ сарафанѣ, въ кисейной рубашкѣ, съ дорогими бусами на шеѣ, съ бирюзовыми серьгами въ ушахъ и кольцами на бѣлыхъ холеныхъ, какъ у барышни, рукахъ. Вошла и остановилась около дверей, скрестивъ на груди руки и устремивъ на Катерину Андреевну сверкающій ненавистью и любопытствомъ взглядъ.

— Ты крѣпостная Павла Борисовича? — спросила Катерина Андреевна.

— Крѣпостная.

— Что же это на тебѣ за нарядъ? Горничныя такъ не ходятъ.

— Стало быть, нужно такъ, — дерзко отвѣтила Наташа.

— Ну, хорошо, допустимъ. А почему же ты вошла и не поклонилась мнѣ?

— А вы кто такая будете?—еще болѣе дерзко спросила Наташа.

— Да вѣроятно ужъ повыше тебя. Я, видишь, одѣта барыней, съ господиномъ твоимъ кушаю за однимъ столомъ, такъ, стало быть, и гостья тутъ, а дѣвки должны, я думаю, кланяться гостямъ ихъ господъ.

— Прикажутъ, такъ покланюсь, а пока не слыхивала еще. Я не почитала вашу милость за гостью потому, что допрежъ того къ барину, если и ѣзжали госпожи, такъ съ мужьями, съ родителями. Думалось мнѣ, что барыни однѣ къ холостымъ господамъ не ѣздятъ.

Катерина Андреевна сверкнула глазами и скрестила на груди руки. Она знала, что эта хорошенькая дѣвушка очень близка къ Павлу Борисовичу и чувство ревности, обиды, зависти до боли охватило Катерину Андреевну, но она сдержалась и покойно проговорила:

— Ну, ты хоть и пѣвица, и франтиха, а очень глупа. Впрочемъ, это ничего,—тебя научать быть поумнѣе, а пока я тебѣ вотъ что скажу: я невѣста Павла Борисовича и скоро наша свадьба, такъ мнѣ нужны ловкія и расторопныя горничныя, вотъ я тебя и сдѣлаю своей горничной, а ты ужъ постарайся угодить мнѣ и заслужить мою милость.

Наташа улыбнулась.

— Сперва, чай, похороны будутъ, а потомъ ужъ и свадьба?—спросила она.

— Что?

— Сперва, молъ, надо мужа вашей милости уморить да похоронить...

— Вонъ! — рѣзкимъ крикомъ перебила Катерина Андреевна. — Ты будешь наказана за твои дерзости, скверная дѣвка, а если не уймешься, такъ я уйму тебя, слышишь? Я уйму! ступай вонъ!

Наташа повернулась и вышла.

Когда Павелъ Борисовичъ вернулся отъ предводителя, то засталъ Катерину Андреевну въ слезахъ, лежащую на постели. Догло цѣловалъ Павелъ Борисовичъ руки Катерины Андреевны, долго спрашивалъ ее о причинѣ слезъ, но она только всхлипывала, дрожа всѣмъ тѣломъ, и зарывала лицо въ подушки.

— Голубушка, радость дней моихъ, да что же съ тобою? О чемъ ты плачешь? — съ тоской спрашивалъ въ сотый разъ Павелъ Борисовичъ.

— Отпусти меня домой, домой я хочу, домой! — отвѣчала Катерина Андреевна. — У меня тамъ маленькія комнатки, нѣтъ роскоши, но тамъ меня любили, тамъ меня никто не смѣлъ обижать, а здѣсь... здѣсь меня скоро бить будутъ твои метрессы, твои фаворитки!

— Что такое ты говоришь, Катринъ? — изумился Павелъ Борисовичъ. — Про моихъ метрессъ и фаворитокъ ты говоришь? Что случилось?

— Случилось то, чего я ожидала. Безъ тебя пришла сюда эта любимица твоя, Наташа, наговорила мнѣ дерзостей, нагрубила мнѣ, назвала меня твоею любовницей, сбѣжавшей отъ мужа!...

Павелъ Борисовичъ скрипнулъ зубами и вскочилъ на ноги.

— А, такъ вотъ въ чемъ дѣло!... Ты можешь быть покойна, — этого болѣе не повторится, я уйму

эту подлую челядь, избалованную безъ хорошей умной хозяйки. Клянусь тебѣ, Катринъ, что у меня нѣтъ и не будетъ, и не можетъ быть какихъ либо привязанностей помимо тебя! Ты мое божество, моя владычица, мое все и домъ этотъ со всѣмъ, что въ немъ есть, твой домъ, да и я твой! Прости меня, что я недостаточно оградилъ тебя отъ этой злой распущенной челяди, отъ этого быдла, потерявшаго порядокъ. Я сію минуту вернусь къ тебѣ.

Павель Борисовичъ большими шагами вошелъ въ свой кабинетъ и приказалъ позвать дворецкаго. Черезъ минуту загремѣлъ и затрещалъ голосъ барина по всему дому, и все притихло и затаило дыханіе. Павель Борисовичъ кричалъ на поблѣднѣвшаго и трясущагося всѣмъ тѣломъ дворецкаго.

— Я тебѣ говорилъ, негодяй, чтобы унялъ это болото, чтобы ты смотрѣлъ за всѣмъ и за всѣми, а тутъ безъ меня бунты у тебя, тутъ мои холопки приходятъ къ моей невѣстѣ и грубятъ ей, доводятъ ее до слезъ! Тутъ бунтъ какой-то, безначаліе! Я тебѣ въ солдаты сдамъ, негодяй, а твою семью на поселеніе сошлю, если ты мѣры не примешь и не научишь дворню почитать Катерину Андреевну за вашу госпожу, за полную хозяйку моего дома! Сію же секунду наказать Наташку безъ пощады и жалости въ людской, а завтра чѣмъ свѣтъ отправить въ Чистополье! Ступай, скотъ, да не вздумай мирволить, а то я тебя самого прикажу на конюшню отправить! Вонъ!

Наташа была наказана жестоко, какъ наказывали только сильно провинившихся и навсегда ли-

шившихся барской милости. Въ Чистополье ее не отправили, такъ какъ Катерина Андреевна пожелала оставить ее въ горничныхъ.

— Я не вѣрю тебѣ, боюсь, что ты меня обманешь,—говорила она Павлу Борисовичу, ласкаясь къ нему. — Ты любилъ эту дѣвчонку, она нравилась тебѣ, и я думаю, что ты оставилъ ее гдѣ нибудь въ Москвѣ, а тутъ она будетъ у меня на глазахъ, и я уйму ее.

И Наташа была оставлена. Это желаніе своевольной красавицы мотивировалось вовсе не тѣмъ, что Катерина Андреевна „боялась“ Наташи, нѣтъ, Катерина Андреевна знала, что Павелъ Борисовичъ долго, долго никого не полюбитъ кромѣ нея, но ей хотѣлось видѣть униженіе своей „соперницы,“ хотѣлось показать ей каждую минуту свое неизмѣримое превосходство надъ нею. Увы, подобная жестокость свойственна очень многимъ женщинамъ! Павелъ Борисовичъ ровно ничего не имѣлъ противъ этого желанія Катерины Андреевны, но онъ видѣлъ въ глазахъ поруганной дѣвушки неукротимую злобу и ненависть къ Катеринѣ Андреевнѣ и немного побаивался какой нибудь выходки со стороны Наташи, хотя она и смирилась, сдѣлалась „шелковою“, какъ говорили въ дворнѣ. Онъ намекнулъ какъ то объ этомъ Катеринѣ Андреевнѣ.

— Полно, мой милый, — съ улыбкой отвѣтила Катерина Андреевна, — не бойся! Развѣ у этой породы могутъ быть какія нибудь чувства? Никогда!

— Однако, случаи страшной мести за измѣну или изъ за ревности не рѣдкость среди простого народа,

— Да, но они грызутся между собой, какъ и волки, и собаки, и прочія животныя. Вотъ еслибъ ты бросилъ Наташку и подарилъ свое расположеніе Дашкѣ или какойнибудь другой дѣвушкѣ изъ дворни, покинутая могла бы выцарапать соперницѣ глаза, ударить ее ножомъ даже, но о барынѣ она и подумать дурно не смѣетъ, особенно, если барыня съумѣетъ поставить себя. Онѣ, мой милый, хамки, рабы, у нихъ нѣтъ чувствъ. О, я уладила эту красавицу! Ты посмотри, какъ она проворна, какъ хорошо служить и какъ дрожить за свою шкуру. Когда надъ ними плеть и палка, онѣ смиренны, ты не бойся. Мой папаша управлялъ въ Польшѣ имѣніемъ графа Потоцкаго и держалъ четыре тысячи душъ въ такомъ повиновеніи, что его боялись до обморока.

И дѣйствительно, Наташа смирилась и служила „новой барынѣ“ съ замѣчательнымъ стараніемъ. Только очень наблюдательный человѣкъ замѣтилъ бы въ укрощенной дѣвушкѣ скрытую ненависть и затаенное чувство мести. Такимъ наблюдательнымъ человѣкомъ была Глафира. Эта хитрая баба видѣла все и все замѣчала. Она знала, что Катерину Андреевну не переупрямишь и не настаивала на удаленіи Наташи, разъ получивъ уже отпоръ, но она не спускала глазъ съ Наташи и оберегала барыню, какъ вѣрный песъ, хотя и изъ личныхъ выгодъ. Глафира знала, что Наташа никогда не проститъ Катеринѣ Андреевнѣ тяжелой обиды, муки и униженія и ждетъ только случая. Вотъ этого случая то и выжидала Глафира, чтобы во-время спасти барыню и погубить Наташу. Жи-

лось усмиреной дѣвушкѣ хорошо, говоря сравнительно. Одѣта она была щеголевато, какъ приближенная горничная барыни, спала мягко, ѣла сладко и почти не подвергалась взысканіямъ. Раза два только щелкнула ее туфелькой Катерина Андреевна да разъ поставила на колѣни за измятую шемизетку, между тѣмъ какъ прочихъ дѣвушекъ и голодомъ наказывали, и водили „въ мизиничикъ“ довольно часто, не считая уже пощечинъ, которыми щедро надѣляла ихъ Глафира. Наташа безропотно снесла удары маленькой, но съ большимъ каблукомъ туфельки, молча и покорно простояла два часа на колѣняхъ и, прощенная, поцѣловала у барыни ручку, но Глафира видѣла, что творится въ душѣ этой дѣвушки, и не спускала съ нея глазъ. Другая фаворитка Павла Борисовича, танцовщица Даша, усмирилась совершенно и была самою кроткою, пугливой овечкой, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ малѣйшаго гнѣва барыни и угождая ей изо всѣхъ силъ. Въ концѣ-концовъ она добилась полного расположенія барыни и сдѣлалась ея любимицей, баловницей, а сдѣлавшись любимицей, успокоилась и начала толстѣть отъ покойной жизни и сладкаго куска, безъ малѣйшаго упорства уступивъ прерогативы фаворитки.

Не то было съ Наташей.

XVII.

Хозяева встрѣтили Черемисова въ большомъ двухсвѣтномъ залѣ, — лакей успѣлъ таки забѣжать

впередъ и доложить о немъ и барину, и Катеринѣ Андреевнѣ.

— Черемисовъ, голубчикъ, какъ я радъ тебя видѣть! — воскликнулъ Павелъ Борисовичъ и горячо обнялъ пріятеля.

Разцѣловавъ хозяина трижды, Черемисовъ подошелъ къ ручкѣ Катерины Андреевны.

— Здравствуйте, Аркадій Николаевичъ, — радужно привѣтствовала его красавица. — Я тоже рада васъ видѣть.

— Вы простили мнѣ все? — спросилъ Черемисовъ.

Катерина Андреевна глубоко вздохнула и потупила глаза.

— Стараюсь. Вы были причиною гибели моего бѣднаго мужа, моего добраго Луки Осиповича, но вѣдь вы только защищали свою честь. Да, я простила вамъ все. Вы помогли найти мнѣ мое теперешнее счастье.

Катерина Андреевна улыбнулась, взглянула на Скосырева и прижалась къ нему, обвинивъ его руку своими бѣлыми, какъ изъ слоновой кости выточенными руками, которыя были видны изъ-подъ широкихъ разрѣзныхъ рукавовъ капота до плечъ.

Черемисовъ нашелъ, что Катерина Андреевна очень похорошѣла, и это была правда. Она точно разцвѣла еще пышнѣе, какъ разцвѣтаетъ роза, перенесенная въ самую благопріятную для нея атмосферу теплицы. Выигрывала Катерина Андреевна и отъ наряднаго туалета, сдѣланнаго лучшею портнихой, и отъ обстановки. Извѣстно, что красавицы всегда выигрываютъ отъ обстановки, какъ картина отъ рамы.

Гостя увели въ столовую, куда подали чай и кофе и завтракъ. Все было изящно, на всемъ лежалъ отпечатокъ руки женщины и женскаго вкуса. Черемисовъ не узналъ даже лакеевъ, которые были все тѣ же, но всѣ преобразились не только по костюмамъ, но и во всемъ. Было немножко монотонно и черезъ-чуръ ужъ чинно, но за то и самый взыскательный человѣкъ не могъ бы найти недостатковъ въ прислугѣ, въ обстановкѣ, въ сервизахъ, въ качествахъ поданнаго на столъ.

Черемисовъ въ тайнѣ жалѣлъ прежняго Скосыревскаго житья, когда столъ ломился отъ бутылокъ съ винами, отъ тяжелыхъ пуншевыхъ чашъ, когда служили бравые ребята въ чекменяхъ и хорошенькія служанки во всевозможныхъ костюмахъ, а около стола пѣлъ, заливаясь, хоръ красавицъ, но теперь за то была очаровательная хозяйка, изящная дама, а Черемисовъ любилъ не только попойки, но и общество дамъ. Опъ пилъ не много, надѣясь потомъ со Скосыревымъ наверстать потерянное, и весело болталъ, рассказывалъ о московскихъ новостяхъ, о своихъ планахъ.

— Коня и сабли не жалѣешь?—спросилъ Скосыревъ.

Черемисовъ вздохнулъ.

— Жаль, конечно, да что же дѣлать? Если будетъ война, такъ пойду опять, а если нѣтъ, такъ женюсь, уѣду въ деревню и заживу помѣщикомъ, буду по полямъ съ борзыми рыскать, на ярмаркахъ въ карты играть и жидовъ бить.

— А жениться вы не прочь?—спросила Кате-

рина Андреевна. — Если хотите, я вамъ невѣсту найду, у насъ есть премиленькія сосѣдки.

— Благодарю васъ, но я уже влюбленъ

— Да?

— По горло!

— Въ кого же это?

— О, если-бъ вы знали, въ кого!

— А что? Развѣ это моя знакомая?

— Нѣтъ-съ, не то... Я не скажу, это тайна.

— Даже тайна?

— Да.

— Ого, это интересно! Я женщина, мосье Черемисовъ, и любопытна, какъ всѣ женщины, а потому вы напрасно сказали мнѣ про тайну: я ее выпытаю отъ васъ.

Черемисовъ ничего не отвѣтилъ и покрутилъ усы. Образъ чудной дѣвушки всталъ передъ нимъ, какъ живой, и гусаръ почувствовалъ такую страсть къ этой дѣвушкѣ, что забыть все на свѣтѣ. Глубоко задумавшись, онъ молча просидѣлъ минутъ пять, не замѣчая, что хозяева съ улыбкой переглядывались, а Катерина Андреевна насмѣшливо взглядывала на него.

— Вы, должно быть, очень влюблены, Аркадій Николаевичъ, — спросила она.

Черемисовъ очнулся.

— Очень, Катерина Андреевна!

— И безнадежно?

— Почти. Моя красавица принадлежитъ другому.

— Она замужемъ?

— Она невѣста.

— Такъ отбей ее у жениха, — сказалъ Скосыревъ. — Ты любишь когда то скачки съ препятствіями.

— На этомъ препятствіи, пожалуй, голову сломишь. Э, будетъ объ этомъ! Я пріѣхалъ къ вамъ развлечься, и вы ужъ постарайтесь меня утѣшить.

— Это нашъ долгъ, — отвѣтила Катерина Андреевна. — Я васъ повезу къ нѣкоторымъ изъ сосѣдей, и вы найдете тамъ, въ кого влюбиться со взаимностью.

Послѣ очень поздняго обѣда Черемисовъ лежалъ на кровати въ отведенной ему комнатѣ и курилъ трубку, прихлебывая старое венгерское. Скосыревъ тоже прилежъ на диванъ и курилъ сигару.

— Я очень счастливъ, мой милый другъ, — говорилъ онъ, — и глубоко признателенъ тебѣ: ты вѣдь способствовалъ этому счастью, не щадя себя. Я твой вѣчный должникъ и слуга. Катерина Андреевна чудная женщина, она очаровательна, прелестна! Да, я очень счастливъ, Аркадій, и даже не замѣчаю тѣхъ цѣпей, которыя на меня палажила моя Катенька.

— А наложила таки цѣпи?

— Да. О, она съ характеромъ и даромъ своей любви она не отдастъ, она знаетъ себѣ цѣну! Она потребовала отъ меня не то чтобы жертвъ, а нѣкоторыхъ лишеній. Напримѣръ, она не любитъ, когда я много пью, вывела изъ употребленія много такого, къ чему я привыкъ, подтянула домъ, завела во всемъ порядки, вывела моихъ бѣдныхъ шутовъ и приживальщиковъ, уничтожила хоръ. Ну, ревнива она, о, какъ ревнива, бѣда! Божо

сохрани хоть слегка поухаживать за кѣмъ нибудь, о шалости же, объ интрижкѣ и не думай!

— Однако, вокругъ тебя множество хорошенькихъ горничныхъ, а ревнивыя дамы обыкновенно окружаютъ себя рожами.

— Нѣтъ, Катенька любитъ хорошенькихъ, но поставила ихъ такъ, что всѣ онѣ духа ея боятся и какъ монашенки всѣ. Она, братъ, вонъ какая у меня, — великосвѣтская дама по манерамъ, нигдѣ въ грязь лицомъ не ударить, а въ то же время вотъ какъ всю челядь мою держать!

Скосыревъ сжалъ кулаки.

— Ее боятся всѣ, какъ огня, а ея бархатныя ручки умѣютъ давать наичувствительныя пощечины и превосходно держать пучекъ розогъ. Она дама въ гостинной и хозяйка у себя.

— Тебѣ не скучно безъ стариннаго то? — спросилъ Черемисовъ. — Не манить этакъ кутнуть по старому, окружить себя женщинами?

— Никогда! Да вѣдь это же блаженство быть съ Катею, вѣдь это земной рай!

— Ну, и слава Богу, если такъ, живи себѣ, только очень то замундштучивать себя не давай, а то, братъ, эти барыни любятъ нашего брата на корду взять и засѣдлатъ полнымъ व्यюкомъ. Смотри, какъ бы бархатныя то ручки и на тебя когти не выпустили.

— Ну, ты знаешь, что я неспособенъ быть „колпакомъ“, и меня не легко подъ башмачекъ запрятать! — сказалъ Скосыревъ и нѣсколько тревожно посмотрѣлъ на дверь, за которой какъ будто засмѣялся кто то,

— Ты слышалъ?—спросилъ Скосыревъ.

— Что?

— Какъ будто засмѣялся кто то.

— Нѣтъ, это твое напуганное воображеніе!— со смѣхомъ отвѣчалъ Черемисовъ. — Предсказываю, братъ, тебѣ полное рабство! Да это ничего: такія цѣпи не тяжелы, а тебѣ пора и остепениться, слава Богу — пожито, погулено, попито, пора и здоровье поберечь да о потомствѣ подумать, а то вѣдь все на вѣтеръ пойдетъ и самой фамиліи Скосыревыхъ не будетъ. Это хорошо, голубчикъ, что Катерина Андреевна ревнива, — пора тебѣ перестать порхать то. Да и стыдно ухаживать за другими, если такая красавица тебя любить.

— Вѣрно, Аркадій. Да и ревнива очень Катя, страдаетъ отъ ревности до болѣзни. Тутъ у насъ поселилась было одна бѣдная дворяночка, сирота, Чекунина Вѣрочка, очень хорошенькая дѣвушка. Мы взяли было ее, какъ компаніонку Катѣ, и я за нею поухаживалъ немного, такъ, шутя, такъ что же ты думаешь вышло? Просто бѣда, братецъ!.. Сидимъ мы этакъ одинъ разъ въ гостинной вечеромъ, Катя съ Вѣрой на диванѣ, а я напротивъ, разговариваемъ. Катя обняла Вѣру, прижалась къ ней, какъ вдругъ Вѣрочка пронзительно вскрикнула, метнулась и вырвалась отъ Кати: Катя воткнула ей булавку по самую головку вотъ въ это мѣсто плеча!.. Подошла потомъ къ Вѣрѣ, блѣдная вся, глаза сверкаютъ. „Вамъ, говоритъ, больно, Вѣрочка? Знаю, что больно, но мнѣ во сто разъ больнѣе то, что вы кокетничаете съ Павломъ Борисовичемъ, вотъ вы и посудите,

каково мнѣ!“ Проговорила такъ и ушла, а потомъ истерика, обморокъ, насилу въ чувство привели! Конечно, Вѣрочка на другой же день уѣхала.

— Ого, вонъ она какая! — проговорилъ Черемисовъ. — Я и не подозрѣвалъ.

Онъ всталъ, взялъ бутылку и выпилъ все содержимое черезъ горлышко.

— И всѣ, братъ, барыни таковы, ну ихъ! — проговорилъ онъ. — Угождай имъ, ухаживай за ними, а онѣ ревнуютъ, да въ обмороки падаютъ, да капризничаютъ. Что до меня, такъ я выбралъ бы подругу изъ простыхъ.

— Фи! — брезгливо произнесъ Скосыревъ.

— Вѣрно тебѣ говорю. А какія есть красавицы, ахъ, какія красавицы!.. Моя вотъ тоже не барыня, не барышня, а сто барышень отборныхъ и отдалъ бы за нее!

— Да кто она такая? Что за секретъ?

Черемисовъ сѣлъ на кровать.

— Сказать? — спросилъ онъ.

— Сдѣлай милость.

— Изволь, но сперва дай мнѣ честное слово, что ты исполнишь мою просьбу, которая будетъ касаться этого предмета.

— Даю честное слово.

Черемисовъ провелъ по лицу рукою, откинулъ волосы и рассказалъ Скосыреву про свое знакомство съ Надей, про подлогъ, который совершили Латухинъ и Шушеринъ.

— Ахъ, они мерзавцы! — воскликнулъ Павелъ Борисовичъ. — Такъ вѣдь я имѣю полное право уничтожить вольную, тутъ и толковать не о чемъ!

Завтра же посылаю въ Москву заявленіе, и Надежда...

— Она будетъ женою купца, — перебилъ Черемисовъ. — Я далъ и ей, и ему честное слово, что не помѣшаю имъ и не расскажу тебѣ про ихъ обманъ. Я нарушилъ отчасти это слово, но вѣдь я имѣю твое. Ты долженъ оставить все такъ, какъ есть, это моя просьба къ тебѣ, а исполнить мою просьбу ты далъ слово.

— Но вѣдь это же глупо, дружище! Зачѣмъ ты будешь уступать какому то тамъ купчишкѣ, котораго за подлогъ въ острогъ слѣдуетъ упрятать?

— Я такъ хочу.

Скосыревъ пожалъ плечами.

— Твоя воля, я оставлю, разъ я далъ тебѣ слово, но эту старую лисицу Шушерина...

— Ты не долженъ трогать и его, — перебилъ Черемисовъ. — Ты ничего не слыхалъ отъ меня, ты долженъ все забыть, тогда только я остаюсь вѣрнымъ своему слову, а безъ этого я и не рассказаль бы тебѣ.

— Хороша она, эта Надежда? — спросилъ Скосыревъ.

— Чудо, какъ хороша! Ты повѣришь, Павелъ, что я съ ума схожу по ней! Я ужъ и не понимаю, что это такое, право! Это, должно быть, напущено на меня, какъ вотъ „порчу“ въ народѣ напускаютъ, право!

— И ты уступаешь?

— Да, конечно, конечно!

Черемисовъ разгорячился, покраснѣлъ даже и подошелъ къ Скосыреву.

— Ну, зачѣмъ она мнѣ, если она любить другого?

— Полюбить тебя. Всыпать раза три по полусотнѣ горячихъ, такъ всякая любовь соскочить! Что она, барышня, что ли? Хамка, такъ хамка и есть.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори о ней такъ!—замахалъ руками Черемисовъ. — Вообще будетъ объ этомъ, ни слова больше, прошу тебя. Оставь меня, голубчикъ: я усну.

Скосыревъ пожалъ руку гусара и пошелъ.

Въ самыхъ дверяхъ онъ столкнулся съ Катериной Андреевной.

— А я къ вамъ шла, — съ ласковою улыбкой проговорила она. — Хотѣла васъ звать чай пить и взглянуть, хорошо ли будетъ нашему милому гостю. Можно?

— Онъ спать хочетъ, Катенька.

— Ну, что за сонъ, на это ночь будетъ! Черемисовъ, — позвала Катерина Андреевна черезъ дверь, — идите чай пить.

— Съ ромомъ?—отозвался Черемисовъ.

— Съ чѣмъ вы хотите.

— Я рому хочу безъ всякаго чаю, — отвѣтилъ Черемисовъ, смѣясь, и вышелъ. Спать было легъ, но слово „ромъ“ живо подняло меня, какъ поднимаетъ тревога боеваго коня.

— А ужъ будто бы мой голосъ не могъ васъ поднять и не произнося слово „ромъ?“ — кокетливо спросила Катерина Андреевна.

— Вашъ голосъ мертваго разбудить, очаровательная Катерина Андреевна!

За чаемъ говорили опять о московскихъ новостяхъ, строили планы. Скосыревъ надѣялся скоро покончить всѣ дѣла и устроить свадьбу сейчасъ же послѣ Пасхи, до которой оставалось уже немного времени.

Послѣ свадьбы молодые поѣдутъ за границу и пробудутъ тамъ до зимы, а на зиму вернутся въ Москву, и сейчасъ же дадутъ большой балъ въ отдѣланномъ заново къ тому времени домѣ. Говоря обо всемъ этомъ, Катерина Андреевна ожилилась, рисовала смѣлыя картины, мечтала, надѣялась пожить въ Петербургѣ и собиралась просить Павла Борисовича снова начать службу въ гвардіи, если только онъ не сдѣлается предводителемъ. Черемисовъ больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, и пилъ стаканъ за стаканомъ пуншъ. Часу въ одиннадцатомъ онъ откланялся, отказавшись отъ ужина, и ушелъ спать. Катерина Андреевна скушала рябчика, запила согрѣтымъ краснымъ виномъ и ушла въ свою уборную сдѣлать ночной туалетъ. Наташа и еще другая дѣвушка служили ей, а Глафира собственноручно приготавливала душистую ванну для своей „матушки красавицы барыни“, засучивъ рукава и пробуя локтемъ температуру воды.

Сидя передъ большимъ зеркаломъ, въ бѣломъ кружевномъ пеньюарѣ, Катерина Андреевна любовалась собою и смотрѣла, какъ Наташа собирала ей волосы подъ гребень, расчесывая и помадя ихъ. Порою глаза барыни и горничной встрѣчались въ зеркалѣ, и тогда Наташа вспыхивала чуть замѣтнымъ румянцемъ и потуплялась, а Катерина Ан-

древна складывала губы въ улыбку и щурила глаза. Ей правилось дразнить укрощенную фаворитку барина и она часто съ особеннымъ наслажденіемъ мучила Наташу, щеголяя своею красотой, обращая на нее вниманіе горничной.

— Посмотри, какіе у меня длинные волосы, Наталья, — говорила Катерина Андреевна, взмахнувъ головой и рассыпая до самаго пола роскошныя кудри свои.

— Да-съ, — глухо отвѣчала Наташа.

— У тебя тоже длинные и хорошіе, но свѣтлые, точно рыжіе. Тѣло вотъ у тебя очень бѣлое, ты, должно быть, „зарей“ умываешься. Правда?

— Нѣтъ, не умываюсь.

— Очень многія въ деревнѣ и среди простыхъ „зарей“ моются. Это трава такая есть — заря. Знаешь?

— Знаю-съ!

— А говоришь, что не моешься! Ха, ха, ха... Я ужъ вижу, что ты кокетка. Надѣваешь ты когданибудь свой сарафанъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Теперь ужъ прошло время его надѣвать, не зачѣмъ.

— Почему же? Вотъ я какънибудь прикажу тебѣ надѣть и сѣсть заставлю.

— Не пою ужъ я, голоса нѣтъ.

— Запоешь! Я попрошу тебя хорошенько, на колѣни передъ тобой встану. Споешь, если встану? Наташа молчала.

— Глафира, — обращалась тогда Катерина Андреевна къ своей наперсницѣ, — Наталья Семеновна

не отвѣчаютъ мнѣ, капризничаютъ, глаза страшные дѣлаютъ!

— Избаловали вы ее, матушка барыня, красавица наша,—отвѣчала Глафира.—Волю дали.

— А я могу и отнять. Какъ вы думаете, Наталья Семеновна, могу я отнять у васъ волю? Вы смотрите у меня, я не люблю, когда мои дѣвки очень ность поднимаютъ!..

Наташа закусывала до крови губы и съ трудомъ сдерживала рыданія. Если она начинала порывисто дѣлать свое дѣло, разбивала чтонибудь или дергала волосы барыни, то Катерина Андреевна вспыхивала и кричала на нее, грозя наказаніемъ. Наташа блѣднѣла и молча выслушивала барыню.

— Уберите вы эту змѣю, матушка барыня,—часто говаривала Глафира.—Согрѣли вы ее, подлую, на грудочкѣ своей, а она васъ ужалить, охъ, ужалить она васъ когда-нибудь!..

— Она то?

Катерина Андреевна презрительно смѣялась.

— Я ее, Глафирушка, ножкой раздавлю... Вѣрно, что она змѣя, но у нея жало вырвано, и она только шипитъ да извивается. Я ее совсѣмъ ручной сдѣлаю, она у меня такая же овца будетъ, какъ Дашка. Тоже вѣдь любимица барская была, на одной линіи стояли и обѣ мечтали барынями быть. Я ихъ, Глафирушка, шелковыми сдѣлаю.

Сегодня Катерина Андреевна не шутила съ Наташей и не кричала на нее, дѣлая туалетъ. Она въ раздумьи смотрѣлась въ зеркало, соображая что то.

— Наталья! — окликнула вдругъ она свою горничную-соперницу, — ты знаешь ту дѣвку, Надежду, которую у Павла Борисовича купецъ для себя въ невѣсты выкупилъ?

— Видѣла разъ, какъ ее къ барину приводили.

— А, это тогда, какъ она убѣждала то потомъ?

— Такъ точно-съ.

— Ну, это не та. У покойной тетки Павла Борисовича, отъ которой ему перешла Надежда, ты не бывала на дворѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Катерина Андреевна кончила прическу и выслала дѣвушекъ, усѣвшись въ ванну.

— Глафира, — обратилась она къ своей любимицѣ, нѣжась въ теплой, душистой водѣ, — скажи сегодня же управляющему, чтобы онъ чѣмъ свѣтъ послалъ нарочнаго въ Москву съ приказаніемъ немедленно пріѣхать сюда управителю и довѣренному барина Шушерину, да пусть нарочный привезетъ съ собой приказнаго, который бариновы бумаги тамъ пишетъ. Сейчасъ же скажи и чтобъ утромъ было исполнено.

— Слушаю-съ, матушка барыня. Отъ имени Павла Борисовича приказать?

— Отъ моего имени.

— А если управляющій то безъ барскаго приказа не пошлетъ?

— Дура! Какая ты у меня дура, Глафира! Ты скажи ужъ только, а тамъ не твое дѣло. Если на разсвѣтъ нарочный не выѣдетъ, сказать мнѣ.

— Слушаю-съ.

Катерина Андреевна знала, что друзья, како-

выми были Павелъ Борисовичъ и Черемисовъ, будутъ говорить очень много и, конечно, объ очень интересныхъ вещахъ, а потому, отпустивъ ихъ послѣ обѣда курить и кейфовать, неслышно поднялась наверхъ, до комнаты Черемисова, и выслушала все, что они говорили. Чувствуя признательность къ Черемисову, она рѣшила услужить ему во что бы то ни стало и сюрпризомъ показать здѣсь въ „Лаврикахъ“ ту дѣвушку, которая произвела на него такое впечатлѣніе. Хорошо понявъ, что купленную обманомъ дѣвушку можно отобрать у купца, Катерина Андреевна рѣшила сдѣлать это, но безъ согласія Павла Борисовича пока не смѣла и, отдавъ приказаніе послать за Шушеринымъ, отправилась выпросить на это согласіе Павла Борисовича, получить каковое надѣялась вполне.

XVIII.

Катерина Андреевна безъ всякаго труда уговорила Павла Борисовича начать противъ Латухина, обманомъ купившаго у него крѣпостную дѣвку, дѣло.

— Нельзя позволить, дорогой мой, чтобы тебя такъ нагло одурачили,—говорила Катерина Андреевна. — Вѣдь послѣ эти хамы надъ тобой же смѣяться будутъ. Наконецъ, Черемисовъ такъ много сдѣлалъ для тебя, что стыдно не отблагодарить его, а чѣмъ же его лучше отблагодарить, какъ не тѣмъ, что подарить ему дѣвушку, очень ему полюбившуюся? Она, конечно, очень скоро забудетъ своего купчика и будетъ счастлива съ

Черемисовымъ. Жениться онъ, конечно, не женится на ней, но устроить ее отлично.

Павелъ Борисовичъ хотѣлъ и Черемисову угодить да и досадно было ему, что Латухинъ и Шущеринъ такъ ловко его обманули. Онъ согласился съ доводами Катерины Андреевны и одобрилъ ея распоряженіе о вызовѣ Шущерина.

Черемисову рѣшили пока ничего не говорить.

Посланный въ Москву вернулся и привезъ съ собою ходатая по дѣламъ, оставнаго чиновника земскаго суда Акима Дементьевича Барашкина, а про Шущерина сообщилъ, что онъ очень боленъ.

Хитрый управитель догадался, зачѣмъ его вызываютъ, страшно струсилъ и, притворившись больнымъ, принялся обдумывать планъ защиты.

Пріѣхавшій ходатай былъ немедленно позванъ къ Павлу Борисовичу. Тутъ же ожидала его и Катерина Андреевна, желающая „набраться ума-разума“, какъ она объяснила Павлу Борисовичу.

Барашкинъ былъ мужчина лѣтъ сорока пяти, маленькій, худощавый человѣчекъ, съ совершенно лысымъ черепомъ, на которомъ только сзади торчали косички рыжеватыхъ волосъ, плохо выбритый, дурно одѣтый, съ манерами и приемами попавшейся въ западную лисицы. Онъ былъ замѣчательный законникъ, крючкотворъ и славился умѣньемъ составлять дѣловыя бумагі, но былъ всегда нищъ и убогъ, ибо пилъ мертвую, за что его и со службы прогнали.

Униженно кланяясь и ступая на цыпочки, вошелъ онъ въ кабинетъ и остановился въ дверяхъ.

— Посадить его надо? — спросила Катерина

Андреевна у Скосырева по-французски. — Онъ вѣдь чиновникъ, имѣетъ какой то чинъ.

— Ничего, постоитъ. Посади его, такъ онъ и зазнается, возмечтаетъ о себѣ, — отвѣчалъ Павелъ Борисовичъ и обратился къ Барашкину, кивнувъ ему головой на униженные поклоны:

— Твоя фамилія Барашкинъ?

— Такъ точно, ваше сіятельство; Акимъ Деметьевъ сынъ, Барашкинъ.

Скосыревъ улыбнулся на это „ваше сіятельство“.

— За что же это ты меня въ сіятельство то произвелъ? Я не князь и не графъ.

— А я полагалъ, что вы сіятельный. Очень ужъ благолѣпно кругомъ и блистательно, сіе и побудило меня предполагать, что вы титулованная особа. Молю простить за ошибку мою дерзновенную, милостивецъ мой.

— Угостили ли тебя съ дороги?

Барашкинъ зажмурилъ глаза, поднялъ голову и приложилъ руку къ сердцу.

— Сугубо угостили, благодѣтельный бояринъ. Ахъ, сколь щедро и милостиво угостили! Не вкушалъ даже такихъ яствъ отъ рожденія и не пилъ такого нектара. Премилостиво угостили отъ щедротъ вашихъ.

— Ну, такъ тебѣ тяжело стоять, сядь.

— Премного благодаренъ, сударь мой, симъ вниманіемъ и дерзаю присѣсть.

Приказный помѣстился на кончикѣ стула, подобравъ подъ себя ноги и вставая, лишь только подымался Павелъ Борисовичъ. Павелъ Борисовичъ объяснилъ ему въ короткихъ словахъ дѣло,

для котораго былъ призванъ, и заключилъ вопросомъ:—можетъ ли онъ, Скосыревъ, вернуть обманомъ купленную дѣвку?

— Безпрепятственно, государь мой, ежели повести дѣло по закону и по формѣ. Дѣвка будетъ водворена въ вашей вотчинѣ, а управитель вашъ и купецъ Латухинъ отвѣтятъ по всей строгости законовъ, ибо они оба совершили уголовное преступленіе, именуемое подлогомъ.

— Ну, управителя я просто на просто отдеру на конюшнѣ, хотъ онъ и вольный, а купца я хотѣлъ бы оставить въ покоѣ. Могу я это сдѣлать?

— Увы, сударь, нѣтъ! Коль скоро человѣкъ совершилъ незаконный поступокъ, онъ подлежитъ суду уголовной палаты и частное лицо простить его не можетъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, въ коихъ страдаетъ только имущественное право потерпѣвшаго.

— Это жаль: я не хочу губить этого Латухина.

— О, сколь похвальная и премилостивая черта истаго боярина!—восторженно замѣтилъ приказный.—Тогда, сударь мой, можно предложить ему добровольно возратить обманомъ полученную вольную дѣвицы.

— Да, такъ мы и сдѣлаемъ. Ты поѣзжай къ нему и скажи ему объ этомъ. Я прощаю его за обманъ, не отдаю его подъ судъ, но ни за что и никогда не отдамъ уже ему мою дѣвку, разъ пошелъ на обманъ. Такъ ему и скажи. Скажи также, что я готовъ замѣсто Надежды отдать ему любую изъ моихъ крѣпостныхъ, а у меня есть красавицы не хуже ея. Предупреди его, что я не-

медленно начну дѣло, если онъ заупрямится, и что онъ погубить себя. Отдохни тутъ до завтра, а завтра и поѣзжай, я распоряджусь. Кстати, надо уничтожить довѣренность, выданную Шушерину, и немедленно выгнать его изъ моего дома. На-счетъ этого ты зайди ко мнѣ вечеромъ, а теперь можешь идти.

Приказный всталъ, отвѣсилъ по поклону Павлу Борисовичу и Катеринѣ Андреевнѣ и вышелъ.

Слухъ о сдѣланномъ Шушеринымъ подлогѣ и о томъ, что купленную купцомъ невѣсту рѣшено возвратить, очень быстро распространился среди дворни. Сперва объ этомъ узнала, конечно, Гла-фира, потомъ дворецкій и его жена, у которыхъ остановился Барашкинъ, а затѣмъ и вся дворня. Случай этотъ сдѣлался „злобою дня“ среди двор-ни и о немъ толковали на всѣ лады и въ дѣ-вичьихъ, и въ лакейской, и въ застольной, и въ „черной людской“. Всѣ прочили гибель Шуше-рину и радовались этому, но „купленную невѣ-сту“, какъ звали теперь всѣ Надю, и купца очень жалѣли.

— Каково ей теперь будетъ, бѣдной, послѣ хорошей то жизни!—говорили всѣ.—Купеческою певѣстой была, свадьбы, сердечная, дожидалась, а попадетъ на нашу каторгу, въ горничныя къ „бѣглой барынѣ“.

Это названіе укрѣпилось за Катериной Андре-евной, и уже двѣ дѣвушки мастерицы жестоко поплатились за это названіе, подслушанное Гла-фирой.

— Да, пропала Надежда!—соглашались кругомъ.

Особенно жалѣли ее и сочувствовали ей дѣвушки, а среди дѣвушекъ особенно Наташа; она такъ и закипала, говоря о Надѣ.

— Все змѣя наша, все она умудрилась,—говорила она про Катерину Андреевну среди подругъ. — Высосала кровь изъ насъ, такъ теперь Надю эту хочетъ замучить. Мы то вынесемъ, мы, хоть и хорошо жили при одномъ баринѣ, все же видали, какова она есть жизнь подневольная, пробоvalи всего, а вѣдь Надежда то ничего этого не видала, а теперича купчихой уже стала, не хуже любой барышни живетъ, такъ каково ей будетъ тиранство переносить? Сгибнетъ бѣдная, руки на себя наложитъ.

— Зачѣмъ она „бѣглой“ то барынѣ понадобилась.

— Поди спроси ее.

— Удивительно даже. Ну, Наташу вотъ, Дашку она изъ-за того донимала, что онѣ къ барину близко стояли, ревновала она къ нимъ барина то, боялась, какъ бы онъ не турнулъ ее да къ нимъ опять не вернулся, а Надежда то эта зачѣмъ ей?

— У ней, у ехиды, норовъ такой, чтобы мучить, — со злобой говорила Наташа. — Она изъ каждаго бы человѣка кровь пила, а особенно красивыхъ не любить она, зависть ее грызетъ. Охъ, дѣвки, глупы вы всѣ да робки, а если-бъ всѣ такія, какъ я, были бы, такъ мы-бъ ей показали!...

— Что мы то съ ней сдѣлаемъ!

У Наташи сверкнули глаза и раздулись ноздри.

— А то бы и сдѣлали, чтобъ ее въ усадьбѣ не было. Собрались бы всѣ, вытащили бы ночью изъ опочивальни да въ прорубь ее, окаянную, съ камнемъ на шеѣ!..

Дѣвушки такъ и ахнули.

— Охъ, чтой то ты говоришь, Наташа!—воскликнули нѣкоторые.

— А что?—продолжала Наташа.—Нешто она не стоитъ этого? Пришла невѣдомо откуда, отъ мужа убѣжала, его погубила, дворнишку свою всю, сказываютъ, раззорила и здѣсь кровь пьетъ!.. Одна ей дорога въ прорубь и грѣха за нее не будетъ; семь пятницъ молока не пить только за такую то. Я-бъ ее, голубку, доканала одна, да откроютъ одну то, засѣкутъ на площади кнутомъ, а пожить еще хочется, погулять на волюшкѣ, прежняго житья веселаго испытать. Сдѣлали бы всѣ, такъ и не открылъ бы никто. Пропала, да и все тутъ, а мы ничего не знаемъ. Можетъ, опять къ кому убѣжала.

— Ты не болтай такихъ страстей, Наталья, ну, тебя! — строго остановила Наташу одна изъ дѣвушекъ.—Изъ за тебя въ бѣду попадешь.

— Вѣрно,—согласились остальные.

— Зря болтаешь не гоже. За эти слова хорошенько бы отодрать слѣдовало, вотъ что! — внушительно замѣтила пожилая степенная мастерица вдова.

Наташа метнула на нее огненный взглядъ.

— Поди, да и скажи змѣѣ-то, — усмѣхнулась она.

— Сказывать я не пойду, а ты больше такихъ

словъ не говори. Ты тутъ зря болтаешь, а за твои негожія слова другимъ попадетъ. Не хуже тебя, да тернять.

— Хуже, хуже!—крикнула Наташа, вскакивая съ мѣста.—Иѣтъ среди васъ такой, какъ я, нѣтъ! У кого косы такія длинныя да шелковыя?

Наташа тряхнула головой и растрепала свои косы. Чуть не до полу повисли густые русые волосы и закрыли весь стройный станъ дѣвушки.

— У кого грудь такая лебедипая, поступь! у кого такая, тѣло бѣлое? Лучше я васъ, всѣхъ лучше, не даромъ баринъ нашъ любилъ меня, ближе ему я всѣхъ была, ласкалъ онъ меня, соколъ нашъ, какъ полюбовницу завѣтную, какъ подругу. И терпите вы не то, что я вытерпѣла. Она изводила меня, она мнѣ завидовала, проклятая, надругалась надо мной! Вы хамки были, хамки и есть, а я... я бариновой подругой была, можетъ быть и онъ ото всѣхъ отличалъ бы меня, еслибъ не змѣя эта, будь она проклята, сгинь она!

Наташа упала на лавку и залилась слезами.

Одна изъ дѣвушекъ, желая, быть можетъ, выслужиться, а, можетъ быть, напуганная рѣчами Наташи, все доложила барынѣ въ этотъ же день. Катерина Андреевна со слезами рассказала „исторію“ Павлу Борисовичу, прося отправить ее въ Москву и высказывая опасенія за свою жизнь. И вотъ Павелъ Борисовичъ уполномочилъ свою подругу „сократить“ Наташу навсегда.

— Я самъ вижу, дорогая моя, что эта дѣвка зазналась и избалована мною въ конецъ,—сказалъ онъ.—Дѣлай съ нею что хочешь, а я посовѣты-

валъ бы тебѣ немедленно сослать ее въ мою ко-
стромскую вотчину.

— Благодарю тебя, Поль, я вижу, что ты ме-
ня любишь и что я дорога тебѣ!

Катерина Андреевна нѣжно приласкалась къ
Павлу Борисовичу.

— Завтра же я сошлю эту негодяйку.

Вечеромъ, Наташа была позвана къ барынѣ.
Катерина Андреевна сидѣла на креслѣ, скрестивъ
руки, и насмѣшливо взглянула на Наташу, когда
она вошла и остановилась около дверей. Глафира
и двѣ бабы стояли тутъ же. Наташа покосилась
на нихъ и сердце ея усиленно забилося, чуя ка-
кую то бѣду.

— Наташа, — обратилась къ ней Катерина
Андреевна, — говорятъ, ты сегодня своими косами
хвалилась очень и хаяла мои косы. Покажи-ка
мнѣ, что у тебя за косы такія рѣдкостныя? Ну,
покажи же, говорятъ тебѣ! Глафира, распусти у
нея косы!

Глафира исполнила приказаніе.

— Хороши! — съ усмѣшкой проговорила Кате-
рина Андреевна. — Ну, а какъ ты похвалялась
меня извести?

Наташа поблѣднѣла.

— Говори, говори, — продолжала Катерина Анд-
реевна. — Дѣвокъ подговаривала? Бунтъ затѣвала?
За это тебя слѣдовало бы отослать къ исправни-
ку, да въ кандалы, да въ острогъ, но я прощаю
тебѣ. Слышишь? Я милую тебя, негодница, и
только съ глазъ моихъ прогоняю. Глафира, от-
рѣжь ей косы!

Наташа схватилась за голову руками и глухо застонала.

— Глафира, что же ты? — строго спросила Катерина Андреевна.

Наташа упала на колѣни и зарыдала.

— Отведите меня въ острогъ, на конюшню отправьте, дѣлайте со мной, что хотите, но не позорьте меня, не срамите, не снимайте съ меня косынекъ моихъ! — закричала она

— Глафира! — крикнула Катерина Андреевна и сдѣлала знакъ бабамъ, Тѣ схватили Наташу за руки, а Глафира достала изъ кармана ножницы и въ одинъ мигъ обрѣзала длинныя косы дѣвушки. Наташа вскрикнула и лишилась чувствъ. Бабы вынесли ее на рукахъ, а на утро она была отправлена на одноконной подводѣ въ костромскую вотчину Павла Борисовича съ письмомъ на имя бурмистра найти ей работу и „нарочито присматривать за ней“.

Черезъ три дня мужикъ, который повезъ ее, вернулся и, бросившись въ ноги барину, сообщилъ, что Наташа сбѣжала на первомъ же ночлегѣ.

— Не говорить объ этомъ барынѣ, — приказалъ Павелъ Борисовичъ и проворонившаго ссыльную мужика великодушно простилъ.

Сославъ Наташу, которая не на шутку тревожила ее, Катерина Андреевна стала гораздо лучше съ дѣвушками и дала имъ много льготъ. Кто знаетъ, быть можетъ, она боялась мести этой громадной дворни, которая упорно не хотѣла признать

ее „настоящею барыней“ и не могла ей простить побѣга отъ мужа?

Открытые бунты въ то время были большою рѣдкостью и даже самый жестокий помѣщикъ не подвергался почти никакой опасности, ибо народъ признавалъ его власть и считалъ ее посланной отъ Бога, мирился съ тяжелою долей и терпѣливо переносилъ все, но если баринъ дѣйствовалъ не только жестоко, но и бессмысленно, попирая самыя священныя права своихъ рабовъ, то рабы возмущались и бывали случаи нападенія на барина, явные и тайные. Чего же особенно не переносилъ народъ, такъ это жестокости и притѣсненій нанятыхъ управителей и деспотизма такъ называемыхъ „барскихъ барынь“, каковымъ названіемъ окрестилъ тогда народъ незаконныхъ подруговъ своихъ помѣщиковъ. И надо правду сказать, что тирановъ помѣщиковъ, помѣщиковъ злодѣевъ, было очень не много, они составляли печальное исключеніе и преслѣдовались не только правительствомъ, но и своимъ братомъ дворяниномъ помѣщикомъ, въ лицѣ, напримѣръ, предводителя. За то управители разные, особенно изъ нѣмцевъ, и „барскія барыни“ крѣпко донимали народъ. Отъ первыхъ доставалось крестьянамъ, отъ вторыхъ — дворнѣ и особенно женской половинѣ ея. Съ этими то управителями и „барскими барынями“ народъ сводилъ иногда счеты и не зналъ уже съ ними пощады.

Катерина Андреевна чувствовала это, понимала свое фальшивое положеніе и торопила Павла Борисовича хлопотами о бракѣ, а пока старалась

„подтянуть“ дворню и наружнымъ, такъ сказать, великолѣпіемъ поднять себя въ глазахъ и окружающихъ, и сосѣдей. Дворня была „подтянута“ и Паташа да бѣжавшій Порфирій были исключительными экземплярами, не желавшими подчиняться новому режиму, а введенные порядки въ домѣ поражали и удивляли сосѣдей, но Катерина Андреевна не была признана ими за свою и ея чуждались, особенно аристократія уѣзда, болѣе щепетильная. Бракъ, конечно, положилъ бы этому конецъ, и всѣ помыслы Катерины Андреевны были сосредоточены на этомъ пунктѣ и она лихорадочно, энергично забирала въ свои руки Павла Борисовича, чтобы поработить его и чтобы онъ не охладѣлъ къ ней до брака. Поэтому она сжала и придавила его прежнихъ красавицъ, удалила его друзей и особенно преданныхъ ему людей,—въ томъ числѣ Скворчика, котораго отпустили „на оброкъ“, придравшись къ его пьянству. Однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Павла Борисовича былъ Черемисовъ и его Катерина Андреевна удалить не могла, а потому падо было расположить его въ свою пользу, заслужить у него, и вотъ Катерина Андреевна рѣшила добыть полюбившуюся ему дѣвушку. Черемисовъ оцѣнить, конечно, эту услугу; онъ любитъ сильно, его охватила неудержимая страсть и онъ въ восторгъ придетъ, когда узнаетъ, что полюбившаяся ему дѣвушка свободна, что онъ можетъ владѣть ею. Усмирить Надю Катерина Андреевна надѣялась вполне. Эта „купеческая невѣста“ скоро забудетъ своего купца и полюбитъ красавца гусара, барина помѣщика.

Катерина Андреевна доведетъ ее до этого и ласками и угрозами, и угрозами, если это понадобится. Одно только пугало немного Катерину Андреевну: вдругъ эта Надежда такъ хороша, что поправится самому Павлу Борисовичу, падкому на красоту? Вѣдь можетъ же это быть, бывали же такіе случаи. Катерина Андреевна не жена, ее очень легко сбыть съ рукъ и выбросить изъ этого дома, гдѣ она царить теперь. Куда она дѣнется тогда? Эти мысли приводили Катерину Андреевну въ содроганіе и, наконецъ, она рѣшила, что ей нужно сдѣлать: она уговоритъ Павла Борисовича поѣхать на это время въ Петербургъ, чтобы хлопотать объ окончаніи дѣла ея побѣга изъ дома мужа и о полученіи ею права выдти замужъ. Такимъ образомъ, однимъ зарядомъ будетъ убито два зайца: и Павелъ Борисовичъ будетъ удаленъ на все время пребыванія тутъ красавицы Нади, и дѣло съ замужествомъ подвинется впередъ, такъ какъ у Павла Борисовича большія связи въ Петербургѣ.

Павелъ Борисовичъ охотно поддался на уговоры Катерины Андреевны и началъ собираться въ Петербургъ, хотя и скучалъ, оставляя Катерину Андреевну. Ѣхать съ нимъ она наотрѣзъ отказалась, не желая до брака показываться въ Петербургѣ его роднѣ и знакомымъ и не желая бросать дома. Она тутъ не будетъ скучать, а Черемисовъ останется на правахъ хозяина. Къ нему Павелъ Борисовичъ не можетъ ревновать, ибо у Черемисова сердце занято, да и правила его не

позволяютъ ему ухаживать за невѣстой лучшаго друга.

Павель Борисовичъ собрался и уѣхалъ.

Въ ту пору поѣхать въ Петербургъ, да еще богатому барину, составляло цѣлое событіе.

XIX.

Ударомъ грома разразилась надъ Иваномъ Анемподистовичемъ Латухинымъ страшная вѣсть, привезенная приказнымъ Барашкинымъ. Такъ и повалился головою на столъ счастливый женихъ „купленной невѣсты,“ когда приказный пришелъ къ нему въ „конторку“ и сообщил распоряженіе помѣщика Скосырева, „весьма лукаво обманутаго и въ заблужденіе введеннаго происками управителя Шушерина и купца Латухина,“ какъ выразился Барашкинъ. Заплакалъ молодой купецъ, какъ женщина, какъ ребенокъ, схватилъ себя за русыя напояженныя кудри и вырвалъ цѣлый клочъ волосъ.

Привычный къ слезамъ, приказный пригладилъ свои височки и усмѣхнулся, чуя добычу.

— Знать, очень любя двѣца то, почтенный? — спросилъ онъ.

— Пуще жизни! Коли придется потерять ее, мнѣ не жить.

— Ишь ты! Да, сказываютъ люди, что любовь весьма жестока. „Что на свѣтѣ прежестоко? Прежестока есть любовь.“

— Я не отдамъ ее! — вдругъ воскликнулъ Латухинъ, выпрямляясь, и глаза его засверкали.

— Это кого же? — съ усмѣшкой спросилъ Барашкинъ.

— Надю не отдамъ. Дѣлайте со мной, что хотите, судите меня, но я ее не отдамъ!

— Гмъ! Умудренный опытомъ въ дѣлахъ торговли, вы, почтенный, несвѣдующи въ дѣлахъ судебныхъ. Ежели вы окажете упорство и дѣвицу помѣщика Скосырева не отдадите, то ее отъ васъ отберутъ силою, а вы отвѣтите сугубо. И выходить, государь мой, что суда то вы не минуете, да и дѣвицу то не удержите.

— Господи, такъ что же мнѣ дѣлать? — съ тоскою воскликнулъ Латухинъ. — Я поѣду къ нему, паду ему опять въ ноги, вымолю у него прощенье за невольный обманъ...

— Это вы про барина, про господина Скосырева?

— Да. Онъ окажетъ мнѣ милость, онъ не захочетъ погубить двухъ невинныхъ людей, да еще и матушку мою, которая не переживетъ нашей гибели.

— Во первыхъ, государь мой милостивый, помѣщикъ врядъ ли проститъ васъ, ибо онъ весьма совершеннымъ беззаконіемъ огорченъ и обозленъ, а во вторыхъ, онъ отбылъ въ городъ С.-Петербургъ, гдѣ и пробудетъ долго.

О томъ, что въ домѣ Скосырева царить теперь Катерина Андреевна и что это она распорядилась отобрать у Латухина невѣсту, Барашкинъ ничего не сказалъ.

— Такъ что же мнѣ дѣлать, что дѣлать? — воскликнулъ Иванъ Анемподистовичъ. — Господи, за что Ты наказуешь меня, несчастнаго?

— Наказуется человѣкъ за грѣхи, — внушительно проговорилъ Барашкинъ, — а ежели вы желаете знать, что вамъ надлежитъ дѣлать, такъ я могу научить.

— Отецъ родной, научи, — бросился Латухинъ къ приказному.

— Хе, хе, хе... Ежели къ тебѣ въ лавку приходитъ покупатель и говоритъ: „дай мнѣ, купецъ, такое то количество сукна“, то ты что отвѣтствуешь? Ты требуешь за сіе потребное количество денегъ. Вѣрно? Потребую денегъ и я за свой товаръ, а товаръ мой вотъ! — Приказный ткнулъ себя перстомъ въ лобъ.

— Умъ мой товаръ, — добавилъ онъ.

— Да заплачу, сколько желаешь, столько и заплачу, — поспѣшно отвѣтилъ Латухинъ.

— Ну, пожелать я могу и очень много, ибо нѣтъ предѣловъ человѣческому желанію; это ты, почтенный, необдуманно глаголешь, а вотъ я оформлю дѣло и тебѣ пріятно все будетъ. Я тебѣ дамъ совѣтъ, а ты мнѣ за оный совѣтъ триста рублей ассигнаціями пожалуешь.

— Ахъ, изволь, родной, изволь!

Иванъ Анемподистовичъ подошелъ къ большому кованому сундуку, стоящему въ углу „конторки“, отперъ замокъ съ музыкою, досталъ пачку ассигнацій и отсчиталъ триста рублей.

— Вотъ изволь, получи и наставь меня на разумъ, — обратился онъ къ приказному, подавая ему деньги.

Барашкинъ, не считая, сунулъ деньги въ карманъ.

— Вотъ мой совѣтъ: тyani дѣло до „красной

горки“, чему я буду по мѣрѣ силъ способствовать, женись въ первый же дозволенный для сего закономъ день и тогда... тогда ужъ жену у тебя не отнимутъ, хотя отвѣтственности ты подвергнуться можешь, но дѣло то въ томъ, что у помѣщика цѣли не будетъ преслѣдовать тебя, разъ дѣвицу отнять нельзя. Вообще, мой любезный Иванъ Анемподистовичъ, я даю тебѣ время и такъ, и сякъ устроить дѣло, а это главное. Я посланъ господиномъ помѣщикомъ предложить тебѣ добровольно отдать незаконно пріобрѣтенную дѣвицу, а на случай упорства уполномоченъ дѣйствовать по закону и по формѣ, но, видя твое благожелательство ко мнѣ, я готовъ мирволить. Отпишу помѣщику, что ты выбылъ изъ столицы вмѣстѣ съ купленною невѣстой невѣдомо куда, а ты пока такъ-ли, сякъ-ли дѣло свое обдѣлывай и даннымъ временемъ пользуйся.

— Боже, сколько горя! — проговорилъ Иванъ Анемподистовичъ, склоняя на грудь свою кудрявую голову.

— Стало быть, очень тебѣ любя сія дѣвица? — полюбопытствовалъ приказный.

— Да если-бъ ты видѣлъ ее, любезный! Въ ней не одна красота тѣлесная, а и душа у ней хорошая и сердце золотое. Каждый человѣкъ, который увидитъ ее разъ, привяжется уже къ ней и полюбитъ ее. А какъ хороша, какъ пригожа собой то! Теперь покойно жила моя голубушка, разцвѣла какъ маковъ цвѣтъ, на всю округу нѣтъ подобной красавицы. Такъ скажу тебѣ, добрый человѣкъ, что мнѣ разлуки съ ней не перенести,

и коли отнимуть ее у меня, я либо жизни себя лишу, либо уйду въ лѣса темные, дремучіе, пристану къ какой ни на есть шайкѣ бродягъ лѣсныхъ, воровъ да разбойниковъ и подговорю ихъ пойти въ домъ къ моему недругу, къ разлучнику, да самъ его, своими руками и задушу!

— Страсти говоришь, любезный, угрозы произносишь, а это нехорошо, — строго замѣтилъ приказный. — Надо законными мѣрами побѣждать, а не о столь беззаконномъ дѣяніи думать. Кистенемъ да топоромъ не многого добьешься и заслужишь кнута на торговой площади, а вотъ ежели другимъ орудіемъ войну поведешь, такъ можешь и побѣду одержать, и незапятнаннымъ остаться.

— Какое же это орудіе, почтенный?

— Гусиное перо. Хе, хе, хе... Хорошо очищенное и въ рукахъ человѣка, законами умудренного, оно великія дѣла надѣлать можетъ, мой почтенный!

Приказный поднялъ руку съ отдѣленнымъ указательнымъ перстомъ, и на лицѣ его засіяла самодовольная улыбка; онъ коснулся любимаго предмета, осѣдлалъ своего конька.

— Великая вещь гусиное перо и листъ бумаги въ рукахъ законника! Я могу такую изобразить на ономъ листѣ бумаги заковыку, что цѣлая палата умнѣйшихъ, посѣдѣвшихъ надъ бумагами и законами чиновниковъ въ тупикъ встанутъ и руками разведутъ. Пока они тамъ будутъ статьи отыскивать, законы подводить, я имъ еще бумажку! Хе, хе, хе... Они найдутъ выходъ, возразятъ, отпишутъ, а я имъ такую придумаю цыдулку, что

имъ и отвѣчать нечего, прямо тьмы египетской напущу имъ, и пресвѣтлый разумъ ихъ затуманю, а отвѣтитъ то они мнѣ обязаны по закону, ибо не единая бумага безъ отвѣта и безъ узаконеннаго порядка пройти не можетъ, нѣтъ! Въ регистратурѣ ее запишутъ во входящій журналъ, отмѣтятъ номеромъ и передадутъ въ подлежащій столъ, а тамъ отвѣтъ надо дать по формѣ и за надлежащимъ номеромъ въ исходящій журналъ записать. Пока они отписываются, я имъ запросъ да въ то же время въ другое учрежденіе по этому самому дѣлу бумагу, а то учрежденіе имъ тоже запросъ, отношеніе, рапортъ, предписаніе, указъ... И заварится каша великая изъ сѣмени крапивнаго на густомъ маслѣ чернильномъ. Хе, хе, хе... Нижній земскій судъ въ верхній таковой же войдетъ съ запросомъ, а верхній снесетъ съ палатой гражданскаго суда, коя будетъ уже знать, что дѣло ей не подсудно, и передаетъ его въ палату уголовного суда, да вѣдь когда это? Это вѣдь послѣ горы бумагъ, послѣ того, какъ писцы испишутъ море чернилъ. Все зависитъ, почтенный, отъ того, какъ написать, какъ крючекъ зацѣпить. Ежели умно дѣло вести, такъ хватить переписки то на сорокъ лѣтъ, да. Пройдутъ года и выйдетъ резолюція: „крѣпостную дѣвку помѣщика Скосырева признать за принадлежащую ему, Скосыреву, и водворить ее по мѣсту жительства, о чемъ и дать ей, дѣвкѣ, знать чрезъ полицейское управленіе“, а дѣвка то эта, лѣтъ десять тому назадъ, волею Божіею помре, вотъ ты и водворяй ее по мѣсту жительства! Хе, хе, хе... Придетъ эта ре-

золюція тогда, когда ужъ у тебя дѣти женатыми будутъ, такъ и тогда можно отписываться бумагами. Все дѣло, родной, въ томъ, чтобы имѣть для тяжбы деньги и надежнаго человѣка, вотъ что!...

Латухинъ слушалъ приказнаго съ напряженнымъ вниманіемъ, и когда онъ кончилъ, съ превеликимъ удовольствіемъ понюхавъ табачку изъ берестяной тавлинки, съ жаромъ пожалъ ему руку.

— Такъ ты ужъ помоги мнѣ, добрый человѣкъ! — проговорилъ онъ. — Я твой слуга и плательщикъ.

— Непремѣнно помогу.

— Барашкинъ оживился, выросъ. Пресмыкаясь по трактирамъ и кабакамъ и строча жалобы и разныя кляузы за полтинникъ и полштофъ водки, онъ былъ пьяницей, жалкимъ пропойцемъ и сгибъ бы гдѣ нибудь подъ заборомъ или отъ руки запутаннаго кляузами обывателя, но почувствовавъ въ своихъ рукахъ дѣло „хлѣбное“, хорошее дѣло, за которое можно было взяться какъ слѣдуетъ и приложить всѣ свои способности и знаніе сложной махинаціи тогдашняго судопроизводства, Барашкинъ почувствовалъ себя нужнымъ, способнымъ и, какъ воинъ, облѣнившійся въ мирное время, разомъ вырастаетъ и хватаетъ оружіе, слышавъ призывъ къ славной битвѣ, воспрянулъ и сбросилъ съ себя лѣнь, пьянство, апатію. Онъ даже наружно преобразился и сшилъ себѣ фракъ, надѣлъ высокое жабо, чисто выбрился и зачесалъ внушительный „кокъ“, на сѣдѣющей головѣ. Дѣло было именно „хлѣбное:“ можно было брать и со

Скосырева, и съ Латухина, что въ ту темную, подъясческую пору практиковалось очень часто.

Латухинъ, видя увѣренность своего довѣреннаго, повеселѣлъ и ждалъ лишь „Красной горки“, чтобы обвѣнчаться съ Надей. Ей онъ ничего не говорилъ на этотъ разъ, чтобы не терзать молодую счастливую невѣсту, и только съ невыразимою тоской взглядывалъ иногда на нее украдкой, когда она, сіяющая, счастливая, похорошѣвшая еще болѣе, готовилась къ свадьбѣ. Онъ все таки боялся, все таки ждалъ бѣды, если и не теперь, то послѣ свадьбы.

Одинъ разъ зашелъ къ нему Шушеринъ и окончательно напугалъ его. Самый видъ уже изгнаннаго управителя не предвѣщалъ ничего добраго. Розовый сіяющій всегда, благоухающій помадой и амбре, Шушеринъ былъ теперь угрюмъ, плохо выбрить, небрежно одѣтъ и похудѣлъ, былъ именно похожъ на человѣка, надъ головою котораго виситъ бѣда, на человѣка, который состоитъ подъ судомъ.

— Плохо наше дѣло, Иванъ Анемподистовичъ! — съ тоскою проговорилъ Шушеринъ.

Они взаимно корили другъ друга, и когда Латухинъ говорилъ Шушерину, что вся бѣда изъ за него, что онъ виновникъ несчастія, Шушеринъ только рукой махалъ и возражалъ такъ:

— Полно не дѣло то говорить! Вся твоя бѣда только въ томъ и состоитъ, что сотую долю твоего имущества ты потерялъ, да дѣвицу отдашь, которыхъ при твоёмъ капиталѣ можно десятокъ купить, а я раззоренъ и погубленъ въ конецъ, того гляди, въ Сибирь угожу!

Онъ искренне считалъ себя невиноватымъ и сравнивать даже не хотѣлъ своего несчастія съ „пустяшнымъ“, какъ онъ говорилъ. несчастіемъ Латухина. Понять и оцѣнить любовь Шушерину было мудрено.

— Плохо наше дѣло! — повторилъ онъ теперь, придя къ Латухину.

— Что такое? — спросилъ тотъ, блѣднѣя.

— А то, что новѣсту отъ тебя отберутъ, а меня засудятъ.

— Да вѣдь отпишемся мы, затынемъ дѣло. И ты это говорилъ, и Барашкинъ говорить. Онъ законникъ, онъ...

— Онъ ничто передъ силой Павла Борисовича! — перебилъ Шушеринъ. — Эти отписки то да крючки страшны маленькому человѣку, а господину Скосыреву они тѣфу! Онъ вернулся изъ Санктъ-Петербурга съ такими письмами и къ такимъ особамъ, которыя не токмо что твоего Барашкина, а и того, у кого Барашкинъ въ передней пресмыкается, въ бараній рогъ согнуть могутъ. Надоѣло Павлу Борисовичу ждать, смекнулъ онъ, что Барашкинъ тутъ мутить, и вашимъ, и нашимъ служить, ну, и пошелъ Павелъ Борисовичъ инымъ путемъ. Отъ высшей власти получено въ нашей части предписаніе: меня арестовать немедленно, ну, навѣрное и въ вашей части есть такое предписаніе о немедленномъ отобраніи у тебя Надежды. Тутъ, братъ, ничего не подѣлаешь и одна у насъ надежда на милость и великодушіе Павла Борисовича. Я къ нему нонѣ же ѣду, несу повинную голову. Мню, что прикажетъ онъ меня прежестого

отодрать на конюшнѣ и за симъ простить. Ахъ, тяжело!... Тяжко старую спину подъ палки подставлять, а еще болѣе тяжело лишиться столь сытаго и покойнаго мѣста! И будутъ же меня драть безъ милости, ибо самъ я, окаянный, дралъ весьма пружестоко, не различая ни пола, ни возраста...

Латухинъ не слушалъ уже Шушерина и сидѣлъ, опустивъ голову. На милость Скосырева онъ не надѣялся теперь: слишкомъ много оказано было упорства помѣщику, слишкомъ разсердили его. Глубоко задумался Иванъ Анемподистовичъ, потомъ всталъ и снялъ съ гвоздя свою бобровую шапку.

— Куда ты, Иванъ Анемподистовичъ? — спросилъ Шушериный.

— Такъ, куда глаза глядятъ. Точно мнѣ, душа вонъ изъ тѣла просится.

— Онъ, не простившись съ гостемъ, вышелъ и побрелъ именно „куда глаза глядятъ“, безъ цѣли, безъ пути и дороги, изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ. До поздняго вечера пробродилъ онъ такъ по Москвѣ и усталый, едва передвигая ноги, вернулся домой. На крыльцѣ его встрѣтила баба стряпуха.

— Охъ, бѣда у насъ, Иванъ Анемподистовичъ, горе горькое, несчастье распронесчастное! — запричитала она, хватаясь за голову.

Иванъ Анемподистовичъ тупо посмотрѣлъ на нее.

— Пока ты отсутствовалъ, наѣхала сюда полиція и взяла нашу красавицу, невѣсту твою, Надежду свѣтъ Игнатъевну, и увезла ее!

Иванъ Анемподистовичъ опустился на приступки дѣстницы,

— Словно цвѣточекъ подкошенный, свѣсила головушку Надежда Игнатьевна, — продолжала со слезами стряпуха, — безъ словечушка опустилась, а они взяли ее, одѣли въ бархатный салопъ, твой подарочекъ, посадили въ сани безчувственную и увезли невѣдомо куда! Плачетъ, разливается Марьюшка наша, а родительница твоя лежитъ въ горенкѣ своей, словно громомъ сраженная, ни единого словечушка не выговорить!...

Иванъ Анемподистовичъ поднялся, держась за точенныя балясины перилъ, и пошелъ внизъ.

— Куда же ты, батюшка? — обратилась къ нему стряпуха. — Повидалъ бы ты родительницу, утѣшилъ бы ты ее.

Не слушая бабы, вышелъ Иванъ Анемподистовичъ за ворота и снова побрелъ. Свѣжій мартовскій вечерній вѣтерокъ распахивалъ его лисью шубу, трепалъ его шейную голубую косынку, кудрявые волосы, забирался ему подъ рубашку, а Иванъ Анемподистовичъ ничего не замѣчалъ, не чувствовалъ и шелъ, не разбирая дороги. Божій храмъ попался ему на пути. Снял Иванъ Анемподистовичъ шапку, подошелъ къ паперти, упалъ на колѣни и положилъ голову на холодныя каменные плиты, занесенныя снѣгомъ. Безъ словъ, безъ рыданій молился онъ, недвижимо лежа на паперти. Церковный сторожъ, выйдя бить часы, замѣтилъ его и подошелъ.

— Э, купецъ хорошій, нехорошо такъ-то у Божьяго храма валяться! Ежели загулялъ да выпилъ, такъ домой иди, а то тутъ и замерзнуть не долго, храни Богъ. Ступай, почтенный, ступай.

Сторожъ поднялъ Ивана Анемподистовича и вывелъ за ограду.

— Хорошій купецъ, шуба на тебѣ лисья, шапка бобровая, и напился, какъ послѣдній сапожникъ! Дальній, должно быть, такихъ тутъ я не знаю въ округѣ то.

Иванъ Анемподистовичъ побрелъ дальше. Гдѣ то на окраинѣ, чуть не подѣ самымъ Симоновымъ монастыремъ, набрелъ онъ на кабакъ. Горѣли огнями два подслѣповатыя оконца кабака, качался отъ вѣтра фонарь подѣ зеленою елкой, а изъ полуотворенныхъ дверей неся паръ и слышались пьяные голоса, смѣхъ, пѣсни. Вошелъ Иванъ Анемподистовичъ въ кабакъ и опустился на лавку. Болѣе трезвые гости гостепріимнаго кабака поглядѣли на него съ любопытствомъ, пьяные не обратили вниманія.

— Чѣмъ угощать, купецъ? — подошелъ цѣловальникъ съ вопросомъ.

— Водки, дай водки!

— Шкаликъ прикажешь, али косушку можетъ?

— Штофъ; дай мнѣ штофъ!

— Эге, купецъ то гуляетъ, такъ, стало быть, и насъ угостить! — замѣтилъ какой то оборванецъ и подошелъ къ Ивану Анемподистовичу.

— Угостишь, что ли, купецъ?

— Пей, сударикъ, на здоровье, размыкай со мной горе, — отвѣтилъ Иванъ Анемподистовичъ. — Благо, что наткнулся на живыхъ людей, а то Богъ вѣсть куда зашелъ бы. Можетъ, и въ прорубь угодилъ бы, и петлю бы на шею надѣлъ.

Парень подсѣлъ къ столику, около котораго

примостился купецъ, и спросилъ съ неподдѣльнымъ участіемъ:

— Аль горе какое, любезный человѣкъ?

— Горе, лютое горе!

Иванъ Анемподистовичъ положилъ голову на столъ и зарыдалъ.

— Э, полно, купецъ! — хлопнулъ его парень по плечу. — Нѣтъ того горя, кое не проходить. А ты выкушай на доброе здоровье чарочку, такъ увидишь, какъ оживешь. Насъ угости, голь кабацкую, безпріютныхъ, шалыхъ людей, такъ мы тебѣ пѣсню споемъ, потѣшимъ. Митричъ, чего зѣваешь, ежели господинъ купецъ приказалъ тебѣ штофъ подавать? Раскупоривай, да стаканчики подавай. Молодцы, эй, вы, наши, подходи сюда!

— Къ столу подошло человѣкъ пять такихъ же оборванцевъ.

— Напалъ Прошка на купца и его деньгами распоряжается! — засмѣялся какой то мужикъ, покуривая въ уголокѣ трубку.

— Я вижу купца хорошаго, — отвѣчалъ Прошка, — онъ не пожалѣетъ рубля на нашу артель, а мы его пѣсней потѣшимъ. Полно, купецъ, плакать, выкушай!

Парень налилъ стаканъ водки и поднесъ Ивану Анемподистовичу.

Тотъ взялъ стаканъ и разомъ опрокинулъ сго въ ротъ. Огнемъ прошло по жиламъ крѣпкое кабацкое зелье и ударило въ голову.

— Люблю молодца за обычай! — весело крикнулъ парень и наполнилъ стаканъ виномъ.

Иванъ Анемподистовичъ пилъ вообще очень мало и два, три стакана кабацкаго вина повліяли на него. Онъ замѣтно охмѣлѣлъ, а такъ какъ это состояніе у добродушныхъ, слабохарактерныхъ людей выражается обыкновенно слезами и жалобами, то Иванъ Анемподистовичъ заплакалъ, тѣмъ болѣе, что нервы его были измучены и потрясены. Опустивъ голову на грудь, онъ тихо плакалъ. Новый пріятель его Прошка и еще четыре оборванца, присосѣдившіеся къ даровому угощенію, съ участіемъ смотрѣли на него, понимая, что это не просто загулявшій купецъ, то плачущій, то буянъ, а настоящій „горюнь“, надъ которымъ стряслась какая-нибудь бѣда. И Прошка, и его товарищи, несмотря на то, что были кабацкими гуляками, принадлежали къ той безпардонной „голи“, „голытьбѣ“, которой и теперь много, были не чужды къ горю ближняго, особенно если этотъ ближній умѣлъ расположить къ себѣ ласковымъ словомъ, участливымъ отношеніемъ. Понимала чужое горе и сочувствовала ему эта „голытьба“ и потому еще, что сама то она видала очень много горя.

— Полно плакать, купецъ, полно горевать! — обратился къ Латухину Прошка.

— Какъ же мнѣ не плакать то, милый человѣкъ? — проговорилъ Латухинъ, вытирая слезы рукавомъ. — Горе у меня великое, сведетъ меня то горе въ сырую землю!

— Что же за горе такое, купецъ? Ты расскажи, такъ тебѣ легче будетъ. Выпей вотъ еще

стаканчикъ и разскажи, подѣлился своимъ горемъ то съ нами безпардонными, коли ужъ ты не погнушался нами. Выпей, купецъ. Извини ужъ, что мы „твоимъ же добромъ тебѣ же челомъ“, своего то нѣтъ.

— Пить я больше не буду, нехорошо, голова болить съ вина то,—отвѣтилъ Иванъ Анемподистовичъ.—Мнѣ и такъ тяжело да нудно.

Онъ облокотился о столъ и, не переставая плакать, началъ говорить о своемъ горѣ. Не только Прощка и его товарищи, а и прочіе „гости“ и самъ цѣловальникъ Митричъ съ любопытствомъ слушали его. Какой то мужикъ, громаднаго роста, богатырски сложенный и одѣтый лучше другихъ, слушалъ издали, сидя за столикомъ и покуривая трубку. Когда разсказъ выпившаго Ивана Анемподистовича подходилъ уже къ концу, великанъ поднялся со своего мѣста, подошелъ поближе и слушалъ стоя.

Иванъ Анемподистовичъ кончилъ и зарыдалъ, схвативъ себя за волосы.

— Погибъ я, братцы, пропалъ!—воскликнулъ онъ. — Не жить мнѣ безъ голубки моей! Одно теперь осталось мнѣ — надѣть камень на шею, выбрать омутъ въ Москва-рѣкѣ поглубже, да и бултыхнуться туда, погубить свою душу грѣшную... Не выдержать мнѣ горяшка моего, не перенести!

— Чѣмъ самому въ омутъ лѣзть, такъ лучше свою ворога туда ссунуть,—густымъ басомъ проговорилъ великанъ, не произносившій до сихъ поръ ни слова.

Всѣ оглянулись на него.

— Ишь, даже дядя Игнатъ заговорилъ! — замѣтилъ кто то.

— Да какъ же не заговорить, коли человѣка такъ обидѣли? — отозвался великанъ. — Раззорили, душу вынули. Мы, сѣрые люди, ломаные, съ колыбели къ горю то привычны, корой словно ель столѣтняя сердце то наше обросло, а и то больно, ежели жену, невѣсту отымутъ, близкаго человѣка оторвутъ, а онъ, вишь, какой, онъ человѣкъ хлибкій, балованный, ему тяжелѣй нашего. Эхъ, не плачь, купецъ, а лучше дѣло дѣлай!

Великанъ подошелъ къ столу, смахнулъ рукой со скамьи какого то парня, какъ кошку смахиваютъ, и сѣлъ напротивъ Ивана Анемподистовича.

— Хочешь, помогу тебѣ, купецъ?

Иванъ Анемподистовичъ съ удивленіемъ взглянулъ на великана.

— Ты?

— Да, я.

— Какимъ же манеромъ?

Великанъ оглянулся кругомъ.

— Лишнія бревна тутъ есть, — замѣтилъ онъ, — не все говорить можно. Погоди малость, купецъ. Скоро чужаки то уйдутъ отсюда, такъ я съ тобой побесѣдую, а пока выпей, а ребята тебѣ пѣсню споютъ. И я пѣсню то послушаю; люблю я пѣсни хорошія.

— Знать, сталовѣрскія то въ скиту надоѣли, дядя Игнатъ? — со смѣхомъ спросилъ Прошка.

— Надоѣли и то, — добродушно усмѣхнулся дядя Игнатъ. — Хорошіе люди сталовѣры, душев-

ные, угостительные, богомольцы, а вотъ на счетъ пѣсенъ строги, не любятъ, пуще же всего табаку не любятъ, страсть! А мнѣ безъ трубки прямо не жить. Ты, купецъ, не по старой вѣрѣ?

— Батюшка покойный былъ по Рогожскому кладбищу, а мы, почтенный, со всячиной, обмѣрились почти.

— А все же, стало быть, есть старинка то: отъ табачку мово рыло воротишь.

— У тебя и табакъ больно ѣдкій, дядя Игнатъ, — замѣтилъ Прошка.

Игнатъ вмѣсто отвѣта крѣпко затянулся и выпустилъ клубъ дыма, отвернувшись отъ Ивана Анемподистовича.

Посрединѣ кабака собирался между тѣмъ и импровизированный хоръ. Появились откуда то двѣ балалайки, бубенъ. Прошка всталъ впереди расположившихся полукругомъ пѣсенниковъ и запѣлъ хоровую „протяжную“ пѣсню. Это была тоскливая, за душу хватающая пѣсня, сложенная горьгорькимъ обездоленнымъ людомъ. Иванъ Анемподистовичъ, заслышавъ ее, снова заплакалъ.

— Потѣшь, Прошка, купца веселой! — крикнулъ Игнатъ. — Вишь, у него и безъ этой пѣсни душа болитъ.

Прошка лихо оглянулся на хоръ, тряхнулъ головой, притопнулъ ногой, обутой въ истрепанный лапотъ, и запѣлъ „веселую“. Затренькали балалайки, зазвенѣлъ бубенъ. Молодой малый въ изорванномъ армячишкѣ, въ шапкѣ, изъ которой торчали клочья кудели, выскочилъ на средину и пустился въ плясъ.

— Никашу бы позвать, вот бы сплясалъ то да снѣлъ для купца!—съ улыбкой обратился дядя Игнатъ къ Прошкѣ.

— Что-жь, я добѣгу, приведу,—вызвался тотъ.

— А вотъ погоди. Уйдутъ „чужаки“ то, такъ мы и сбѣгаемъ, теперь не рука.

Игнатъ подошелъ къ цѣловальнику и что то шепнулъ ему.

— Ладно, сейчасъ прогоню,—вполголоса отвѣчалъ тотъ и минутъ черезъ пять обратился къ посѣтителемъ съ предложеніемъ оставить гостепріимное заведеніе.

— Зыпираться пора, ребята, спать время, ступайте съ Богомъ, ступайте!—говорилъ онъ, убирая со стойки посуду.

Часть „гостей“ поднялась, позѣвывая и почесываясь, и кабакъ началъ пустѣть; остались только Иванъ Анемподистовичъ, дядя Игнатъ, Прошка и еще пять человѣкъ, не считая самого цѣловальника и мальчика „подносчика“.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ „Митричевъ кабакъ“, расположенный подѣ Симоновымъ монастыремъ за огородами, на самомъ почти берегу Москвы-рѣки, былъ извѣстенъ, какъ сборище разнаго темнаго люда, что не мѣшало хозяину кабака, цѣловальнику Митричу, быть сыщикомъ. Онъ зналъ всѣхъ московскихъ воровъ, и если полиціи приходилось, во что бы то ни стало, розыскать краденое, то она обращалась къ этому Митричу, и краденое находилось немедленно, поэтому Митричъ и пользовался особыми льготами. Къ нему же обращались тѣ изъ московскихъ и подгороднихъ

жителей, которыхъ посѣщали конокрады. У кого бы и кѣмъ бы ни была уведена лошадь, она находилась, если потерпѣвшій обращался къ Митричу и приносилъ условный выкупъ. Всѣ конокрады верстъ на сто въ округѣ были „свои люди“ у Митрича, и любили его, уважали и боялись. Хаживали къ Митричу и раскольники разныхъ толковъ, какъ въ пунктъ, гдѣ можно было получить всѣ новости по дѣламъ раскола. Позднѣе, съ воцареніемъ Государя Николая Павловича, при знаменитомъ графѣ Закревскомъ, Митричъ былъ посаженъ въ острогъ, судимъ и сосланъ въ Сибирь, но кнута онъ миновалъ, ловко отвертѣвшись отъ большинства возведенныхъ на него преступленій и уликъ. Въ Сибири онъ началъ крупное торговое дѣло, сильно разбогатѣлъ, и сынъ его, Павелъ Дмитріевичъ, вернулся въ Москву богатымъ кунцомъ, построилъ громаднѣйшій домъ на Берсеневкѣ, но прожилъ въ Москвѣ не долго: въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ попался „по раскольничьему дѣлу“ и тоже былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ раззорившимся еще во время суда и не оставилъ потомства. Домъ его цѣлъ до сихъ поръ.

Проводивъ „чужаковъ“, то есть случайныхъ посѣтителей, не посвященныхъ въ тайны кабака, Митричъ закрылъ окно ставнями, заперъ дверь и предоставилъ кабачокъ въ распоряженіе гостямъ, оставивъ „подносчика“, а самъ ушелъ спать въ пристройку позади кабака.

— Вотъ теперь можно и за Никашей сбѣгать, — обратился дядя Игнатъ къ Прошкѣ. — Слетай-ка, Проша, позови его.

— А придетъ?

— Эва хватилъ! Весело, что ли, одному то сидѣть? Поди, слезы горькія льетъ, сидючи, пригорюнимшись.

Прошка отправился черезъ задній ходъ и вернулся черезъ полчаса, сопровождаемый юношей лѣтъ семнадцати, восемнадцати. Какъ ^{тотъ}взглянулъ Иванъ Анемподистовичъ на этого юношу, такъ сразу и призналъ въ немъ дѣвушку, не смотря на полумракъ, освѣщеннаго одною сальною свѣчкой кабака. И волосы у дѣвушки были подстрижены въ скобку и держалась она лихо, размашисто, и сѣронѣмецкаго сукна казакинъ плотно стягивалъ ей грудь, а все же видно было, что это не юноша, а дѣвица, да еще и очень хорошенькая дѣвица, красавица. Даже лицо ея показалось Ивану Анемподистовичу знакомымъ. Изъ подъ вырѣза на воротѣ казакина виднѣлась красная кумачная рубашка, плотно облегающая бѣлую нѣжную шею, ремень съ наборомъ стягивалъ станъ, на козловые съ красными отворотами сапоги складками спускались бархатные шаровары; въ рукахъ дѣвушка-мальчикъ держала барашковую шапку, а на плечи, поверхъ казакина, была накинута синяя суконная чуйка, которую носятъ зажиточные крестьяне и мѣщанѣ.

— Вотъ и Никаша нашъ, — обратился къ Ивану Анемподистовичу дядя Игнатъ. — Хорошій паренекъ, важеватый.

— Да это дѣвушка, а не парень, — простодушно замѣтилъ Иванъ Анемподистовичъ.

Всѣ громко захохотали, а дѣвушка сконфузилась немного и оглядѣла себя съ ногъ до головы.

— Ай, Никаша, ай, парень, за дѣвку приняли!—проговорилъ, смѣясь, дядя Игнатъ.

— А пусть купецъ тронетъ меня, пусть задѣнетъ, такъ я и покажу ему, какой я есть парень!—задорно проговорила дѣвушка.—Кулака онъ моего не пробоваль, потому такъ и говоритъ.

— Ха, ха, ха! — захохотали кругомъ.—Ай, парень, молодца!

Дядя Игнатъ съ улыбкой смотрѣлъ на дѣвушку и потомъ сказалъ ей:

— А вѣдь тебя, дѣвица, всякій признаетъ такъ то, прямо. Въ чуйкѣ ежели, такъ не такъ примѣтно. Нутка, надѣнь чуйку то.

Дѣвушка повиновалась. Въ чуйкѣ съ поднятымъ воротникомъ и въ шапкѣ, надвинутой на уши, сходство съ мальчикомъ лѣтъ семнадцати было полное; на самомъ дѣлѣ дѣвушкѣ было болѣе.

— Вотъ, такъ хорошо, — одобрилъ дядя Игнатъ.—Ты, дѣвушка, такъ и ходи, ежели придется на народъ показаться. Вѣрно, господинъ купецъ, что такъ она похожа на мальчика?

— Да, — отвѣтилъ Иванъ Анемподистовичъ.— Но зачѣмъ эта машкарада понадобилась?

— Да ужъ такъ, нужно. Подсаживайся къ намъ, дѣвонька, дѣло у насъ съ купцомъ то выйдетъ, глядишь — у васъ одинъ и тотъ же ворогъ, по однимъ слѣдамъ идти вамъ придется.

— Какъ? — съ удивленіемъ перебила дѣвушка и, сбросивъ чуйку, сѣла за столъ.

— А вотъ такъ.

Дядя Игнатъ, въ которомъ читатели, быть можетъ, узнали бѣжавшаго въ раскольничьи скиты старосту покойнаго Луки Ивановича Коровайцева, обратился къ Латухину и рассказалъ ему, кто онъ и кто эта дѣвушка.

Дѣвушка эта была Наташа, краса Скосыревскаго хора и его подруга. Скрывшись отъ конвоирующаго ее мужика, Наташа пробралась въ Москву безъ опредѣленной цѣли, безъ гроша денегъ, безъ всякаго вида, остриженная по волѣ Катерины Андреевны, что дѣлало ее опозоренной, клеймило, какъ виноватую, ибо въ то время дѣвушекъ и женщинъ стригли только именно за вину. Ночью пробралась она во дворъ Скосыревскаго дома, чтобы взглянуть на свое старое пепелище, гдѣ прошло столько веселыхъ безпечныхъ дней, гдѣ она видѣла счастье, хотя видѣла и неволю со всѣми ея тяжелыми особенностями. Во дворѣ она наткнулась на Порфирія, который состоялъ снова въ бѣгахъ, но заходилъ къ дворнѣ, зная, что его не выдадутъ. Со слезами рассказала Наташа барскому камердинеру свое горе и высказала свою неукротимую злобу къ новой барынѣ.

— Не знаю, что со мной будетъ, Порфиша, — заключила она рассказъ, — а только мнѣ не жить! Погибну я, какъ ни на есть, да только хотѣлось бы мнѣ сперва мучительницу мою извести, врага моего лютаго доконать и ужъ доконаю я ее, достану!...

Тогда Порфирій рассказалъ Наташѣ, что въ Москвѣ бродятъ и скрываются раззоренные дворовые и мужики Коровайцева, у которыхъ одна

цѣль съ Наташей, которые считаютъ Катерину Андреевну виновницей ихъ несчастія, раззоренія, которую клянутъ за гибель барина и которой хотятъ отомстить во что бы то ни стало. Порфирій, скрываясь въ качествѣ бѣглаго, познакомился въ разныхъ притонахъ съ этими мужиками и дворовыми и отвелъ къ нимъ Наташу. Великанъ Игнатъ сразу принялъ ее подъ свое покровительство и объявилъ, что ненавистницу ея онъ ей добудетъ, что онъ самъ и его товарищи точатъ на нее зубы и собираются навѣстить ее на новомъ гнѣздѣ. Для этой цѣли дядя Игнатъ покинулъ на время раскольничій скитъ, гдѣ онъ нашелъ пріютъ съ семьею, и для этой цѣли сплотились раззоренные мужики покойнаго Луки Ивановича Коровайцева. Наташа являлась кладомъ для Игната и его товарищей: она знала образъ жизни барыни, она знала порядки въ домѣ Скосырева и отлично могла „подвести“ мужиковъ.

— Будь ты нашей атаманшей, дѣвонька,—говорилъ Наташѣ Игнатъ,—а какъ у тебя коса твоя русая обрѣзана нашею ненавистницей, такъ тебѣ складнѣе за парня слыть, да и намъ удобнѣе. Будь ты Никашей, а не Наташей, такъ мы тебя и прославимъ.

Наташа охотно преобразилась и вся отдалась завѣтной цѣли — отомстить Катеринѣ Андреевнѣ.

Умный, хитрый, подъ лаской простодушія и неуклюжести дядя Игнатъ понялъ, что ставшая во главѣ шайки удалыхъ добрыхъ молодцевъ красавица дѣвушка вдохновитъ эту шайку, подыметъ ея духъ, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время

на югѣ Россіи, въ Черниговской губерніи, гремѣла подвигами извѣстная авантюристка „атаманъ Груня“, поднявшая до этого цѣлыхъ три станицы на Дону. Слава объ „атаманѣ Грунѣ“ дошла до Москвы и о храброй, безпощадной съ врагами атаманшѣ ходили легенды въ народѣ. Какъ разъ во время было появленіе дѣвушки во главѣ шайки и здѣсь, въ Московской губерніи, а у дяди Игната были широкіе и опредѣленные планы. Онъ не ошибся въ расчетахъ и вокругъ Наташи группировалась уже значительная толпа смѣлыхъ авантюристовъ, разбитыхъ на небольшія партіи.

Все это, за исключеніемъ своихъ плановъ, и рассказалъ дядя Игнатъ Ивану Анемподистовичу.

— И выходить, кунецъ, что горевать тебѣ не пошто, а надо дѣло дѣлать,—заклучилъ онъ.

— Какое?

— А такое, чтобы невѣсту твою у „бѣглой барыни“ выкрасть. И ежели ты не хочешь, чтобы невѣсту твою барыня лихая замучила, такъ медлить тебѣ нечего. Самъ ты не ходи, намъ ты не требуешься, а ежели хочешь, такъ деньгами намъ помощи. Не жаль?

— Все отдалъ бы, братцы, да что выйдетъ изъ того, что я украду мою Наденьку? Опять отнимутъ и еще пуще ей горя прибавится.

— А мы не дадимъ, — усмѣхнулся Игнатъ. — О скитахъ на Волгѣ слыхалъ?

— Слыхалъ, приводилось.

— Ну, такъ вотъ туда мы твою невѣсту и отправимъ, тамъ и живи съ ней. Есть, дружокъ, и въ Москвѣ углы, куда твою невѣсту убрать

можно, и никто въ тѣхъ углахъ ее не найдетъ, а захочешь обвѣнчаться, такъ и это можно.

Иванъ Анемподистовичъ крѣпко задумался.

XXI.

Какъ не любилъ Иванъ Анемподистовичъ Надю, но торговая жилка его забилась сильно, когда пришлось ставить на карту любовь и благополучіе Нади съ одной стороны и торговлю съ собственнымъ благосостояніемъ—съ другой. Слишкомъ торговецъ былъ Иванъ Анемподистовичъ, слишкомъ сжился онъ съ наживой, чтобы не задуматься о своей торговлѣ, о „дѣлѣ“ въ такую трудную минуту. Согласиться съ предложеніемъ дяди Игната и взять любимую дѣвушку силой, значило разорвать связь съ Москвой, бросить торговлю, бросить все, а это было не легко. Но когда Иванъ Анемподистовичъ вернулся поздною ночью домой, покинувъ „Митричевъ кабакъ“ съ обѣщаніемъ завтра же снова придти, его охватила такая тоска по Надѣ, что онъ понялъ всю невозможность жить безъ этой страстно любимой дѣвушки. Въ кабакѣ, „на народѣ“, послѣ выпитаго вина тоска „отвалила“, Иванъ Анемподистовичъ забылся немного, но когда онъ вернулся домой, гдѣ все напоминало ему Надю, тоска съ новою и удвоенною силой охватила его.

Нѣтъ, онъ не можетъ жить безъ Нади, онъ не перенесетъ разлуки съ нею и все равно пропадетъ, сопьется съ круга или руки на себя наложитъ. Мысли о торговлѣ, о дѣлѣ и въ головѣ

даже нѣтъ. Вотъ завтра товаръ придетъ заграничный, надо за нимъ ѣхать, завтра же надо видѣться съ богатымъ владимірскимъ торговцемъ, который товаръ у него беретъ, а Иванъ Анемподистовичъ и не думаетъ объ этомъ, онъ весь погруженъ въ мысли о Надѣ, плачетъ о ней, всю подушку слезами смочилъ. Нѣтъ, надо выручить невѣсту, во что бы то ни стало, самому погибнуть, а выручить. И средство для этого одно — дядя Игнатъ съ своимъ предложеніемъ. До свиданія съ Наташей была еще надежда на милость барина, а теперь эта надежда пропала совсѣмъ: если баринъ и согласился бы, такъ не согласится барыня, „варварка“, „тиранка“, по словамъ Наташи. Можетъ, она, эта барыня, и Надю тираниить будетъ. Положимъ, Наташу она тиранила изъ-за ревности, да еще за грубость, за строптивость, но вѣдь и Надя можетъ разозлить ее слезами, упорствомъ, а баринъ можетъ полюбить ее и навлечь на нее гнѣвъ барыни. Какъ бы тамъ ни было, а Иванъ Анемподистовичъ не можетъ жить безъ Нади, онъ чувствуетъ это всѣмъ существомъ своимъ. И онъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи дяди Игната, дать ему денегъ. Съ разбойникомъ пришлось знаться, съ темнымъ бѣглымъ людомъ!.. Что же дѣлать? Они добрые, отзывчивые, душевные, а до разбоевъ ихъ какое же ему дѣло? Въ разбояхъ онъ не участникъ, онъ только свою „любимую“ выручаетъ, жизнь свою спасаетъ этимъ. И не пропадетъ онъ изъ-за этого. Прикончитъ онъ только дѣло въ Москвѣ, продастъ домъ и уѣдетъ къ раскольникамъ на Волгу. Это

хорошій, зажиточный народъ, торговый. Онъ знаетъ многихъ раскольниковъ и волжскихъ скитовъ, имѣеть дѣло съ ними. Они ведутъ обширную торговлю, обладаютъ огромными капиталами и отличаются честностью, платятъ хорошо. Знаетъ онъ раскольниковъ и изъ Киржача, Владимірской губерніи, знаетъ и московскихъ, рогожскихъ и преображенскихъ. Эти имѣютъ общеніе съ волжскими, со скитскими и тоже хвалятъ тѣхъ, значить, жить тамъ можно не хуже, чѣмъ въ Москвѣ, а то можно и на Уралъ уѣхать, тамъ дѣло завести, съ деньгами, да съ торговою сметкой вездѣ хорошо, особливо когда рядомъ любимая и любящая жена, согласіе въ домѣ да любовь.

Совсѣмъ уже разсвѣтало, когда уснулъ Иванъ Анемподистовичъ съ твердымъ намѣреніемъ прибѣгнуть къ помощи дяди Игната, чтобы выручить Надю. Слѣдующій день молодой купецъ кое-какъ промаялся: побывалъ въ лавкѣ, повидался даже съ иногороднимъ покупателемъ и дѣло съ нимъ сдѣлалъ, но заперъ лавку ранѣе обыкновеннаго и, пославъ домой ключи съ старшимъ прикащикомъ, пѣшкомъ отправился въ „Митричевъ кабакъ“.

Смеркалось, когда онъ пришелъ туда. Дяди Игната не было, но Прошка сидѣлъ уже тамъ со своими товарищами и встрѣтилъ Латухина, какъ знакомаго. Цѣловальникъ Митричъ тоже поглядѣлъ на него, какъ на своего, и обратился къ какому то рыжему здоровенному парню въ нарядномъ синемъ кафтанѣ съ такими словами:

— Летѣлъ грачъ бѣлоносый въ шелковыхъ

перьяхъ, на вороновъ налетѣлъ, вороны клевать его хотѣли, кругомъ налетѣли, а грачъ щегольный моргачъ, клювъ имъ свой показалъ. Клювъ то у него бѣлъ, да въ крови заалѣлъ, воронамъ, стало быть, свой. Братъ не братъ, а дружбу водить радъ.

Рыжій парень взглянулъ на Ивана Апемподистовича и отвѣчалъ цѣловальнику:

— Ходить, значить, тонко, а поетъ звонко: леталъ по садамъ, залетѣлъ къ лѣсу?

— Изъ нашей верши,—отвѣтилъ цѣловальникъ.

Этотъ обычай излагать свои мысли такъ называемымъ „говоркомъ“ былъ въ большомъ ходу у старинныхъ молодцовъ большой дороги, у разнаго темнаго люда, а также у многихъ фабричныхъ во всей промышленной Россіи. „Говоркомъ“ объяснялись еще очень многіе въ началѣ этого столѣтія, но и до сихъ поръ можно слышать подобное объясненіе среди фабричныхъ. Это не былъ жаргонъ, это была своего рода поэзія, импровизація, манера говорить иносказательно и способность понимать эту иносказательность. Впрочемъ, извѣстное количество условныхъ словъ, вѣроятно, существовало для обихода, или же былъ какой-нибудь „ключъ“ для взаимнаго пониманія, а иначе трудно бы было понимать „темнымъ людямъ“ другъ друга.

Рыжій парень былъ, очевидно, удовлетворенъ и болѣе не обращалъ уже вниманія на купца. Проща взялся занимать дорогаго гостя. Водки Ивану Апемподистовичу не хотѣлось, такъ Проща спросилъ меду, крѣпкаго и сладкаго меду, который „билъ въ носъ“ и слегка туманилъ голову. Нынѣ

такихъ медовъ не варять уже. Скоро пришелъ и дядя Игнатъ.

— Ну, какъ надумалъ, купецъ? — обратился онъ къ Ивану Апемподистовичу.

— Да буду бить тебѣ челомъ, добрый человекъ, — помоги невѣсту изъ горькой неволи высвободить.

Дядя Игнатъ протянулъ свою громадную, похожую на лопату, мозолистую руку.

— По рукамъ, стало быть! — весело сказалъ онъ. — Денегъ принесть?

— Деньги у меня есть. А сколько вамъ надо, добрый человекъ?

Дядя Игнатъ задумался.

— Надо сейчасъ кое-кого изъ барской дворни спойть, а кое-кого и подкупить потребуется, — заговорилъ онъ. — Ну надо сейчасъ хоть три подводы, чтобы ребятъ къ мѣсту отправить, а потомъ на оныхъ же подводахъ дѣвицу твою увести, ежели Богъ сподобитъ вызволить ее. Надо еще, милый человекъ, кое чего изъ гостинцевъ для ребятъ кунить, вродѣ, скажемъ, орѣшковъ да маку...

— Орѣховъ да маку? — удивился Иванъ Апемподистовичъ.

— Свинцовыхъ орѣховъ то, а макомъ у насъ порохъ зовется, — съ добродушною улыбкой отвѣчалъ дядя Игнатъ.

— Какъ, развѣ вы полагаете, что и бой будетъ? Смертоубійство замышляете?

— Храни Богъ отъ смертоубійства, купецъ, а все же опаска нужна, да и для пристрастія этотъ

товаръ требуется. Приди, скажемъ, къ тебѣ съ пустыми руками да молви: „давай, купецъ, деньги“, ты, пожалуй, и за воротъ схватишь, и въ ухо заѣдешь, а покажи тебѣ пистолеть, либо ножъ, либо кистень, такъ ты отдашь все. Мало ли что случится, милый. Не въ гости идемъ, не званые на пиръ жалуемъ. Такъ то-сь. Двѣ сотни ассигнаціей надо, купецъ, а послѣ что пожелаешь на ребятъ за услугу, это ужъ твое дѣло.

Иванъ Анемподистовичъ молча досталъ бумажникъ краснаго сафьяна, отсчиталъ восемь „бѣленькихъ со столбиками“, — таковы тогда были двадцатипятирублевки, — и молча подалъ дядѣ Игнату.

— Ну, теперь вотъ и шабашъ!—проговорилъ тотъ.—Помолимся Богу, да и могарычъ разопьемъ. Ужотко, попозднѣй Наташу позовемъ. То-то дѣвка рада будетъ!

— А что?

— Очинно ей хочется до своей лиходѣйки барыни добратся. „Ужъ, потѣшусь,—говорить,—я надъ ней!“ Мы ее тѣшимъ, ладно, молъ, а до бѣды не допустимъ, убить барыню не дадимъ, только вотъ ребята наши дюжо злы на барыню - то; наши то - ись, коровайцевскіе. Пропали они - изъ - за барыни - то, раззорены до тла!...

Мартъ миновалъ. Апрѣльское солнце согнало снѣгъ, но кое-гдѣ, а особенно въ лѣсахъ и по оврагамъ, онъ лежалъ еще. Былъ вечеръ. Солнце закатилось уже, но западъ ныдалъ еще пожаромъ

и отблескъ этого пожара освѣщалъ стволы гигантскихъ сосенъ дремучаго заповѣднаго бора, принадлежащаго графу Тучкову и расположеннаго верстахъ въ полтораста отъ Москвы. Боръ этотъ тянулся верстъ на пятнадцать и подходилъ къ столбовой дорогѣ, идущей отъ города Рузы въ Москву. Отъ дороги этой боръ отдѣлялся глубокимъ оврагомъ, который имѣлъ очень дурную репутацію: около оврага сильно „пошаливали“, и не проходило года, — чтобы тутъ не нашли убитаго и ограбленнаго. Тутъ стоялъ когда-то кабакъ, извѣстный подъ названіемъ „Грабиловки“. Кабакъ этотъ уничтожили въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но удалыхъ добрыхъ молодцовъ, ютившихся въ Тучковскомъ лѣсу, уничтожить было не легко, и подвиги ихъ продолжали пугать не только проѣзжихъ и прохожихъ, но и окрестныхъ жителей. Въ эпоху нашего разсказа, то-есть въ началѣ 1822 года, мѣсто это прослыло особенно опаснымъ и встревожило всю земскую полицію, всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ. Дѣло въ томъ, что раннею весной, дня за два до Благовѣщенія, въ одну ночь были ограблены помѣщикъ Чубаровъ и богатый купецъ Крюковъ, имѣвшій въ той мѣстности салотопенный заводъ. И къ тому, и къ другому явилась ночью цѣлая шайка грабителей, человекъ въ двадцать, хорошо вооруженная и, какъ утверждали очевидцы, предводительствуемая молодою дѣвушкой, одѣтою въ мужское платье. Это подтвердили и помѣщикъ Чубаровъ, и купецъ Крюковъ, и очень многіе изъ прислуги того и другаго. Чубарова ограбить было еще не трудно,

сравнительно, такъ какъ усадьба его отъ деревни отстояла довольно далеко, а дворню перевязать или запереть въ людской и кухнѣ было легко, но у купца при заводѣ находилось до ста пятидесяти рабочихъ, и домъ занимаемый купцомъ, былъ при самомъ заводѣ. Рѣшили, что рабочіе были въ стачкѣ съ грабителями, но достаточныхъ уликъ для этого не нашли. И помѣщикъ Чубаровъ и купецъ Крюковъ славились дурнымъ обращеніемъ съ народомъ, скупостью и богатствомъ. Разбойники, однако, ихъ не тронули, только связали. Впрочемъ Чубаровъ утверждалъ, что дѣвица-атаманъ пригрозила ему и обѣщалась снова навѣстить.

Фактъ грабежа былъ на лицо, но показанія потерпѣвшихъ о дѣвицѣ-атаманѣ вызвали недовѣріе.

— Просто имъ показалось это со страху,— говорили всѣ.—Теперь вотъ идутъ толки о разбойницѣ Грунѣ гдѣ то на югѣ, ну, и этимъ представилась разбойница, а былъ, вѣроятно, просто безусый парень какой-нибудь.

Были, однако, и такіе, которые охотно вѣрили показаніямъ потерпѣвшихъ и уже толковали о разбойницѣ-дѣвушкѣ, приписывая ей много небывалаго, прибавляя къ былямъ небылицы. Это было тѣмъ болѣе понятно, что атаманъ-дѣвица Груня гремѣла на югѣ и вызвала уже серьезныя мѣры со стороны правительства, такъ какъ дѣянія ея принимали угрожающій характеръ, а жертвы ея безпощадной жестокости все росли и росли. На святкахъ 1821 года, въ одной изъ станицъ Войска Донскаго Груней былъ убитъ станичный началь-

никъ съ цѣлымъ семействомъ, причемъ убійство его жены сопровождалось особенною жестокостью. Рузскому исправнику было предписано тщательно заняться дѣломъ о нападеніи на помѣщика Чубарова и купца Крюкова, а шайку грабителей—переловить. Исправникъ предписаніе получилъ, приказалъ снять съ него копіи и послать становымъ, а самъ посмѣялся только съ женою.

— Переловить! Словно я Илья Муромецъ какой. Съ кѣмъ я переловлю то?

— Такъ бы и написалъ,—замѣтила супруга.— Попросилъ бы команду.

— Ой-ли? А знаешь ли ты, что за безпокойство начальства нашего брата, служащаго, бунтовщиками зовутъ?

Становые тоже прочитали предписаніе и тоже посмѣялись.

Слава о появившейся шайкѣ пошла гулять, а Тучковскій лѣсъ приобрѣлъ еще худшую репутацію. Отдѣленный съ одной стороны оврагомъ, а другой, — примыкающій къ болотамъ, онъ могъ служить надежнымъ убѣжищемъ для всякаго темнаго люда и пожалуй, дѣйствительно, надо было быть Ильей Муромцемъ, чтобы пойти въ этотъ лѣсъ отыскивать разбойниковъ, а если-бъ такой богатырь и нашелся, то онъ потребовалъ бы помощи нѣсколько понадежнѣе той, которую ему могла оказать уѣздная инвалидная команда, состоящая изъ древнихъ стариковъ, вооруженныхъ нестрѣляющими ружьями и тупыми тесаками.

Въ описываемый вечеръ, въ самой срединѣ Тучковского лѣса, въ давно покинутой лѣсной сто-

рожкѣ собралось человѣкъ семнадцать какихъ то мужиковъ. Полуразрушенная печка сторожки топила и наполняла низенькую съ бревенчатыми стѣнами избу густымъ дымомъ, не смотря на то, что дверь была отворена, и свѣжій апрѣльскій вѣтеръ свободно гулялъ по всей сторожкѣ. Мужики сидѣли на земляномъ полу, лежали на лавкахъ, на полатяхъ; двое забрались на печь. Все это были не старые еще люди, одѣтые въ нагольные полушубки, въ сермяжные армяки и кафтаны, въ изношенные лапти. Одинъ былъ въ солдатской шинели, и гладко выстриженная голова его и бритая борода обличали въ немъ солдата. Былъ одинъ одѣтымъ и не помужички, а въ сѣромъ казакинѣ съ голубыми прошивами, въ синихъ шароварахъ съ лампасами, какъ одѣвались тогда дворовые люди богатыхъ помѣщиковъ. Нѣкоторые курили трубки, другіе спали, третьи пѣли или разговаривали; двое варили въ печкѣ кашу, и аппетитный паръ ея смѣшивался съ дымомъ и наполнялъ избу. За кушаками у всѣхъ почти торчали топоры; у нѣкоторыхъ висѣли ножи, а въ углу стояли три охотничьихъ ружья.

— Кашица, братцы, готова, — весело объявилъ одинъ изъ кашеваровъ. — Эхъ, хорошая каша! Крупъ мы положили съ Яшкой много, четырехъ терекъ ввалили, солью приправили, ѣшь — не хочу!

— А чѣмъ ѣсть то? — спросилъ одинъ. — На всю артель двѣ ложки.

— По двое и будемъ ѣсть, — отозвался кашеваръ. — Ты благодари Бога, что хлѣбъ есть, соль, а ложка — пустое дѣло.

— Такъ то такъ, а все пріятнѣе бы артелью жрать.

— Будемъ и артелью. Вотъ дядя Игнатъ придетъ изъ села, такъ и ложекъ принесетъ, и вина, и всего такого.

— А когда онъ придетъ?

— Надо полагать, что къ ночи будетъ. Я ему съ ребятами да съ атаманшей кашицы заварю, похлебать съ дороги то.

— И то съ „атаманшей“! — засмѣялся одинъ изъ лежащихъ на печи. — Какъ есть, атаманша.

— А что ты думаешь? Атаманша и то. Ходить это гоголемъ, шапку на ухо сдвинула, кистенемъ помахиваетъ...

— Ха, ха, ха! — засмѣялись кругомъ. — Жаль, что руки изъ рѣпы кроены, да въ поясѣ пальцами обхватить можно, а то богатырь какъ есть!

— Богатырь и то. Какъ пошли это мы изъ покоевъ у Чубарова то барина, а она подошла къ барину, подставила ему къ носу пистолетъ, да и говоритъ: „Будешь опять народъ обижать, такъ снова придемъ и на воротахъ тебя повѣсимъ; помни, что это тебѣ атаманъ-дѣвица Наташа сказала“.

— Ха, ха, ха! — загремѣлъ кругомъ дружный хохотъ.

— Хорошая дѣвка, жаль только, что не дюжо матера, хлибка больно, — раздалось замѣчаніе, когда смѣхъ утихъ.

— Погоди, раздобрѣть.

— Нагуляетъ тѣла для палача, будетъ по чему кнутомъ поработать! — мрачно замѣтилъ солдатъ.

Напоминаніе о палачѣ произвело непріятное впечатлѣніе. Нѣкоторые вздохнули, другіе молча свѣсили головы на груди.

— Ступай самъ къ нему въ лапы! крикнулъ солдату черноволосый кудрявый парень. — Ишь, онъ съ ума у тебя не идетъ, любовь больно. Али боишься очинно?

— Угощеніе не сладкое.

— А не сладкое, такъ и не шелъ бы за нимъ. Люби кататься, люби и саночки возить, вотъ что. До палача еще далеко авось, а пока мы погуляемъ на свободѣ, потѣшимъ душеньку свою. Эй, вы, кашевары, выбирай, что-ли, очередныхъ, да корми, а остальные пока хлѣбушка пожуютъ. Эхъ, братцы, „хлѣба край, такъ и подъ елью рай“, а у насъ еще и избушка своя, какъ есть помѣщики!

Всѣ засмѣялись и окружили котель съ дымящеюся горячею кашею.

XXII.

Въ свѣтлой, ярко освѣщенной свѣчами въ канделябрахъ и подсвѣчникахъ, столовой Скосыревскаго деревенскаго дома собралось довольно порядочное общество за вечернимъ чаемъ. Большой серебряный самоваръ привѣтливо пыхтѣлъ и шумѣлъ, пуская струи нара; ярко и весело сверкалъ хрусталь на столѣ, покрытомъ ослѣпительно бѣлою скатертью, дымились ароматнымъ паромъ чашки; затопленный каминъ пылалъ яркимъ пламенемъ, распространяя тепло по громадной комнатѣ, не

лишнее въ пасмурный и холодный вечеръ ненастного апрѣля. На дворѣ завывалъ вѣтеръ, дождь, пополамъ со снѣгомъ, хлесталъ въ окна, голыя еще деревья въ саду уныло шумѣли и словно грозили кому то пучками своихъ гибкихъ вѣтвей, похожихъ на розги. Но непогоды не замѣчалъ никто въ свѣтлой теплой комнатѣ, наполненной ароматомъ дорогихъ курепій и духовъ. Всѣ кушали чай съ превосходными сливками, съ печеньями, съ вареньемъ или съ ароматнымъ ромомъ, смотря по привычкѣ и наклонностямъ, и весело разговаривали.

Чай разливала недавно взятая для Катерины Андреевны компаньонка, бойкая, рѣчистая французенка, не первой молодости и некрасивая, — Катерина Андреевна не хотѣла брать хорошенькую, зная эротическія наклонности Павла Борисовича. Рядомъ съ французенкою сидѣлъ сосѣдъ-помѣщикъ Батулинъ, крашеный господинъ лѣтъ пятидесяти пяти, вольтеріанецъ, большой поклонникъ женщинъ, а особенно французенокъ и деспотъ до жестокости съ домашними и крѣпостными. Онъ любезничалъ съ *mademoiselle* Элизой и ухаживалъ за нею, не забывая ухаживать и за Катериной Андреевной.

Катерина Андреевна, въ узкомъ черномъ бархатномъ платьѣ съ высокимъ лифомъ и глубокимъ вырѣзомъ, позволяющимъ видѣть большую часть груди и спины, съ высокою прической, перевитою нитками жемчуга, сидѣла на низенькомъ креслѣ, уютно углубясь въ мягкую спинку его, и кушала конфекты, запивая чаемъ. Черемисовъ въ свѣтло-коричневомъ фракѣ, въ высокомъ жабо и въ са-

погахъ съ кисточками, сидѣлъ рядомъ съ нею и разсѣянно слушалъ ея веселыя игривыя рѣчи, пощипывая усы и закусывая ихъ по старинной привычкѣ. По другую сторону стола сидѣли еще два сосѣда, молчаливые и застѣнчивые помѣщики, чувствующие себя чужими въ этомъ обществѣ, а рядомъ съ ними Скосыревъ, свѣже выбритый, надушенный, одѣтый щеголемъ. Онъ влюбленными глазами смотрѣлъ на Катерину Андреевну и посылалъ ей воздушный поцѣлуй, когда она взглядывала на него и когда гости не замѣчали этого. Любовь Павла Борисовича дошла до кульминаціонной точки, и онъ никогда еще не былъ такъ влюбленъ въ Катерину Андреевну, какъ теперь, а она никогда еще такъ не кокетничала и такъ далеко не держала себя съ нимъ.

— Милый, я твоя невѣста, только невѣста,— говорила она, когда онъ хотѣлъ ласкать ее. — Я боюсь наскучить тебѣ до нашей свадьбы и потому не хочу, чтобы ты ласкалъ меня теперь. Скоро я буду твоею женой и тогда я твоя, но теперь не ласкай, не цѣлуй меня,—это меня обижаетъ: я не хочу быть и слыть твоею любовницей.

А между тѣмъ она кокетничала съ нимъ, какъ никогда, одѣвалась въ его любимыя платья, чесала волосы именно такъ, какъ онъ любилъ, пѣла за клавирами его любимыя романсы и пѣсни.

— Сядь со мною, Поль. — обратилась она теперь къ нему, нѣжно взглядывая на него и томно потягиваясь пышнымъ станомъ своимъ. — Черемисовъ скученъ невообразимо, да и боюсь я чего то; жутко какъ то.

— Боишься? — спросилъ Павелъ Борисовичъ, переходя къ Катеринѣ Андреевнѣ и садясь рядомъ съ нею на поданное въ одинъ мигъ лакеемъ кресло. — Боишься? Чего?

— Да такъ страшно воетъ вѣтеръ, такъ хлещутъ въ окно эти скучныя березы, а на дворѣ такъ мрачно и темно. Вдругъ на насъ нападутъ разбойники, какъ напали на Чубарова или на этого купца.

Павелъ Борисовичъ засмѣялся.

— Ну, это довольно мудрено, моя милая, — проговорилъ онъ.

— Почему?

— Да потому, что мы живемъ совсѣмъ не при такихъ условіяхъ. Скряга Чубаровъ имѣлъ крошечную дворню, состоящую изъ дряхлыхъ стариковъ и старухъ, а у насъ тутъ цѣлая армія. Сколько же нужно разбойниковъ, чтобы напасть на мой домъ! Вѣдь времена Разиныхъ и Пугачовыхъ миновали и теперь бродитъ какая нибудь дюжина голодныхъ оборванцевъ, вооруженныхъ дубинами. Такую „шайку“ мы вотъ съ Черемисовымъ саблями разгонимъ, а если взять пару пистолетовъ, такъ она разбѣжится при первомъ выстрѣлѣ.

— Однако, осмѣлюсь замѣтить, государь мой, что, по словамъ Чубарова, разбойниковъ было человекъ сорокъ, хорошо вооруженныхъ, — замѣтилъ одинъ изъ застѣнчивыхъ помѣщиковъ.

— Ну, это, по пословицѣ, „у страха глаза велики“, — возразилъ Скосыревъ. — Я этому не вѣрю.

— Но какъ же они напали на домъ купца, у котораго была масса рабочихъ, осмѣлюсь спросить?

— Да вѣдь извѣстно уже, что рабочіе были съ ними за одно и бездѣйствовали въ то время, когда грабили ихъ хозяина.

— Сіе можетъ случиться и у васъ, Павелъ Борисовичъ, — съ усмѣшкой проговорилъ помѣщикъ Батулинъ.

Павелъ Борисовичъ нахмурился.

— Вы полагаете?

— Осмѣливаюсь. Что такое эти хамы? Неблагодарные скоты, кои въ каждую минуту могутъ броситься на господина, ихъ кормящаго, и растерзать его.

Павелъ Борисовичъ оглянулся на стоявшаго у дверей лакея и выслалъ его изъ комнаты.

Увѣряю васъ, что сіе вѣрно, — продолжалъ Батулинъ.

— Ну, у меня не таковы, — съ увѣренностью перебилъ его Павелъ Борисовичъ. — У меня преданный мнѣ народъ, ибо онъ любитъ меня и поставленъ прекрасно.

— То есть вы балуете его? — спросилъ Батулинъ. — Это то вотъ и нехорошо, ибо звѣри требуютъ хорошей палки.

— Вы пугаете меня, мосье Батулинъ, — обратилась къ помѣщику Катерина Андреевна. — Знаешь, Поль, можетъ быть, мосье Батулинъ и правъ. Избалованная неблагодарная дворня легко можетъ измѣнить.

— Никогда! Вѣдь она знаетъ же, что послѣ

этого ее привлечь къ отвѣту, затаскаютъ по судамъ. Наконецъ, я увѣряю тебя, что насъ любить и горой встанутъ за насъ, а главное — это то, что никакого нападенія не можетъ быть: мы не Чубаровы и не этотъ купецъ.

— Хорошъ нашъ исправникъ! — съ негодованіемъ заговорилъ Батулинъ. — Дворянство удостоиваетъ его чести избраніемъ на четвертое трехлѣтіе, а онъ разбойниковъ въ уѣздѣ расплодилъ! Что же онъ дѣлаетъ, спрашивается? Ъздитъ на охоту и миндальничаетъ со своею Агаѣей Никоновной?

— Да, но вѣдь мудрено что нибудь и сдѣлать, — возразилъ Скосыревъ. — У него нѣтъ въ распоряженіи команды.

— Ахъ, не говорите! Онъ всегда можетъ устроить облаву, мы охотно дадимъ ему людей; наконецъ, въ его распоряженіи казенные крестьяне. Не заступайтесь, Павелъ Борисовичъ, за этого стараго лѣнтяя, не заступайтесь! Будь я исправникомъ, такъ я въ недѣлю переловилъ бы всю эту шайку во главѣ съ какою то миѣическою атаманшей.

— А вѣрно, что у нихъ атаманша? — спросила Катерина Андреевна.

— По показанію Чубарова — да.

— Помилуйте, про эту атаманшу цѣлыя легенды ходятъ! — заговорилъ Батулинъ. — Говорятъ, она красавица, безумно храбра, ходитъ въ мужскомъ платьѣ, вооруженная съ головы до ногъ, и однимъ видомъ своимъ наводитъ ужасъ. И это подъ самую почти Москвою! Гдѣ же у насъ земская полиція? Что дѣлаетъ капитанъ-исправникъ?

— Не наша ли это Наташа? — съ улыбкой обратилась Катерина Андреевна къ Скосыреву. — Вѣдь, говорятъ, что эту дѣвицу-атамана зовутъ Наташей.

Скосыревъ пожалъ плечами.

— Я, милая, вообще не вѣрю въ эту дѣвицу-атамана, — сказалъ онъ. — Это просто фантазія, сказки, навѣянные слухами о какой то атаманшѣ-Грунѣ въ Черниговской или Полтавской губерніяхъ.

— Но почему же тамъ можетъ быть такая атаманша, а у насъ нѣтъ?

— Да потому, что тамъ совсѣмъ иные нравы, оставшіеся отъ казачества, а у насъ откуда такія героическія дѣвы?

— Однако, прошлаго года въ Звенигородскомъ уѣздѣ была конокрадка Лизавета. Она также ходила въ мужскомъ платьѣ и сводила лошадей и у помѣщиковъ, и у крестьянъ.

— И ее поймали бабы, которыя своимъ судомъ и расправились съ нею. Хороша героиня, которую изловили и засѣкли бабы! Нѣтъ, милая, это не похоже на наши нравы, — это сказки! Повѣрь мнѣ, не пройдетъ мѣсяца, какъ всю эту легендарную шайку переловятъ.

Разговоръ о разбойникахъ тянулся до самаго ужина. Француженка ахала, взвизгивала, когда вѣтеръ особенно сильно хлесталъ въ окна деревьями, а Катерина Андреевна нервно вздрагивала и косилась на эти темныя окна. Трусил и господа кавалеры, за исключеніемъ Скосырева и Черемисова. Батулинъ ни за что не хотѣлъ ѣхать домой, хотя у него было дома какое-то важное дѣло, а

застѣнчивые помѣщики съ особенной радостью приняли приглашеніе ночевать, хотя пріѣхали съ короткимъ визитомъ. Не задолго до ужина вошелъ лакей и доложилъ Павлу Борисовичу, что его желаетъ видѣть по очень важному дѣлу дворецкій.

— Зови его сюда, — приказалъ Павелъ Борисовичъ. — Вы позволите, господа?

Гости молча поклонились, и дворецкій вошелъ.

— Непріятное извѣстіе, батюшка Павелъ Борисовичъ, — заговорилъ онъ озабоченнымъ тономъ.

— Что такое?

— Присталъ тутъ на дворнѣ дня три тому назадъ какой-то невѣдомый прохожій, молодой парень. Попросилъ онъ ночлега, съ дороги де сбился, и его безъ моего вѣдома пустили и держали три дня. Сейчасъ приходитъ ко мнѣ Прошка псарь и говорить, что человѣкъ тотъ подозрительный... Угощалъ де дворню виномъ, звалъ гулять на село, говорилъ, что вы де дураки, ежели барина слушаетесь, а лучше де вамъ рукой на него махнуть, ежели придутъ тѣ, которые у Чубарова были. Барина де вашего...

Дворецкій запнулся.

— Ну, говори! — крикнулъ на него Павелъ Борисовичъ.

— Осмѣлюсь доложить, что негожія рѣчи онъ произносилъ...

— Говори!

— Барина де вашего покончатъ тѣ люди, и вамъ житье будетъ привольное, особливо съ барскими деньгами... Дворня слушала его, развѣся уши, а Прошка пришелъ и доложилъ обо всемъ мнѣ.

— Гдѣ-же этотъ человѣкъ?

— Приказалъ я его связать, сударь, и посадить въ темную до вашего распоряженія.

Павелъ Борисовичъ всталъ съ потемнѣвшимъ лицомъ. Катерина Андреевна поблѣднѣла, какъ полотно, всѣ три помѣщика дрожали словно въ лихорадкѣ.

— Я тебя, старый дуракъ, въ пастухи отдамъ! — загремѣлъ Павелъ Борисовичъ на дворецкаго. — У тебя тамъ бродяги какіе то на дворѣ проживаютъ, народъ мутятъ, а ты ничего не знаешь, скотъ!.. Переписать всѣхъ тѣхъ, которые его слушали, и списокъ подать мнѣ, а Прошкѣ выдать десять рублей. Ступай вонъ, болванъ, и жди меня!

Все общество заволновалось и заговорило разомъ, когда ушелъ дворецкій. Француженкѣ, которой перевели слова дворецкаго, Батулинъ подавалъ воды и спирта; помѣщики пожимали плечами и подавали совѣты, одинъ другаго нелѣпѣе.

— Надо допросить этого парня и отправить его въ городъ подъ строгимъ карауломъ, — сказалъ Черемисовъ. — Это превосходно, что онъ пойманъ: теперь переловятъ и всѣхъ остальныхъ по его указанію.

— Допросить его подъ розгами? — спросилъ Скосыревъ.

— Предоставь это судьямъ.

— А, вздоръ! Я безъ всякаго суда допрошу его и самъ переловлю эту шайку. Хочешь взглянуть на него?

Посмотрѣть задержаннаго захотѣли всѣ, и Павелъ Борисовичъ приказалъ ввести его въ пріем-

ную комнату, куда и вышло все общество. Два охотника ввели бродягу. Это былъ молодой еще черноволосый парень съ дерзкимъ взглядомъ бойкихъ черныхъ глазъ, чисто одѣтый, похожій на зажиточнаго торговаго крестьянина или прасола. Съ завязанными назадъ руками, немного помятый во время ареста, онъ смѣло вошелъ въ барскіе покои и остановился въ дверяхъ, дерзко окинувъ всѣхъ взглядомъ.

— Кто ты такой? — обратился къ нему Павелъ Борисовичъ.

— Человѣкъ.

— Какъ зовутъ тебя, спрашиваю я?

— Зовутъ зовуткой, а величаютъ уткой. Сегодня зовутъ и завтра зовутъ.

— А, ты не хочешь отвѣчать? Ну, братъ, у меня заговоришь! Приготовить тамъ розогъ!

Парень тряхнулъ головой.

— Смотри, баринъ, худа бы не было, — проговорилъ онъ. — Тебѣ допрашивать не положено, на это судъ есть. Сказать я ничего не скажу, хоть до смерти задери, а тебѣ хлопоты.

— Не заботься обо мнѣ, а вотъ посмотримъ, что ты заговоришь сейчасъ у меня. Уведите его, я сейчасъ приду.

Парня допросили, но онъ не произнесъ ни единого слова, не издалъ ни звука. Его связаннаго посадили въ амбаръ и поставили двухъ караульныхъ.

Долго еще сидѣли всѣ послѣ поздняго ужина въ столовой и разговаривали о происшедшемъ. Катерина Андреевна рѣшила немедленно переехать на жительство въ Москву и оставаться тамъ

до тѣхъ поръ, пока не переловятъ всю шайку. На дворѣ оставили усиленную стражу, всѣхъ тѣхъ, которые слушали неизвѣстнаго парня и не донесли о немъ барину, строго допросили и тоже заперли, кого въ амбары, кого въ чуланахъ и флигеляхъ. Въ числѣ такихъ „свораченныхъ“, какъ называлъ ихъ Батулинъ, были двѣ горничныя Катерины Андреевны. Онѣ показали на строгомъ допросѣ „съ пристрастіемъ“, что неизвѣстный бродяга говорилъ имъ о разныхъ льготахъ и наградахъ, ежели онѣ въ назначенный день тихонько отпрутъ двери въ барскія комнаты и подсыплютъ въ кушанье ужинающихъ въ людской даннаго имъ порошка. Порошокъ этотъ, бураго цвѣта съ сильнымъ прянымъ запахомъ, былъ спрятанъ горничными за чулки. Обо всемъ случившемся Павелъ Борисовичъ написалъ донесеніе исправнику и немедленно послалъ съ этимъ донесеніемъ верховаго.

— Не бойся, моя милая, все это пустяки, — успокоивалъ Павелъ Борисовичъ Катерину Андреевну, когда гости разошлись по своимъ комнатамъ. — Моихъ людишекъ я завтра же отправлю въ городъ и прикажу сослать, а всю эту сволочь, конечно, переловятъ теперь. Если пойманный бродяга ничего не сказалъ мнѣ, такъ на допросѣ то въ судѣ онъ все скажетъ: пытки вѣдь только на бумагѣ запрещены, а съ такими господами на самомъ дѣлѣ не церемонятся и узнаютъ все. Наконецъ, мы немедленно уѣдемъ въ Москву, если ты боишься.

— Ахъ, очень боюсь! — проговорила Катерина Андреевна, прижимаясь къ Скосыреву. — Это такъ

страшно, такъ страшно!... Я увѣрена, что эта атаманша наша бѣглая Наташка и она мнѣ хочетъ мстить. Я боюсь, мой милый, спать боюсь, довѣряться дѣвкамъ, онѣ всѣ противъ меня, я имъ поперегъ горла встала!...

— Ну, такъ успокойся же: я завтра отвезу тебя въ Москву и переимѣню весь твой штатъ. Смѣшно, мой другъ, бояться какой-то дурацкой шайки пьяныхъ бродягъ, когда у насъ кругомъ такая дворня!

— Готовая продать насъ за грошъ! — добавила Катерина Андреевна.

— „Этого не было прежде“, — подумаль Павелъ Борисовичъ и вздохнулъ. Какъ онъ ни любилъ Катерину Андреевну, но онъ долженъ былъ сознаться, что она слишкомъ безчеловѣчно и круто обошлась съ его прежними фаворитами и особенно фаворитками. Онъ понималъ, что это дѣлалось Катериной Андреевной для собственнаго огражденія съ одной стороны, и для того, чтобы заявить себя полновластною хозяйкой — съ другой, но онъ не могъ одобрить теперь этого. Онъ не былъ „сентиментальнымъ бариномъ“, какъ нѣкоторые изъ его сосѣдей, онъ былъ строгъ и иногда даже жестокъ, но въ немъ люди его видѣли барина, „отца-кормильца“, и, не замѣчая его жестокости, любили въ немъ справедливость, широкій барскій размахъ, щедрость, между тѣмъ какъ въ Катеринѣ Андреевнѣ они видѣли чужую, видѣли „бѣглую жену“, погубившую своего мужа и раззорившую вотчину для того, чтобы придти въ богатый, привольный домъ ихъ барина и заводить

тутъ свои порядки. Не могла простить дворянъ Катеринѣ Андреевнѣ и ея презрительное отноше-
ніе, брезгливость ко всѣмъ лучшимъ людямъ Павла
Борисовича, какъ не могла простить, напримѣръ,
неограниченной власти Глафиры, бабы злой, свар-
ливой, властолюбивой и жестокой. Все это отлично
видѣлъ и понималъ Павелъ Борисовичъ, но ничего
не могъ сдѣлать, сильно любя Катерину Андре-
евну, готовый для нея на все. Онъ откладывалъ
проявленіе своей власти до того времени, когда
Катерина Андреевна будетъ его женою. Тогда
она уже не уйдетъ отъ него, не бросить его, и
тогда онъ понемногу затянетъ поводья, а пока
онъ все прощаетъ ей.

Вотъ и невѣсту у Латухина онъ отнялъ по
настоянію Катерины Андреевны, а ему жаль и Ла-
тухина, и эту красавицу Надю, которая плачетъ,
не осушая глазъ. Ее не обижаетъ Катерина Ан-
дреевна; „кушленная невѣста“ живетъ въ домѣ
барина какъ гостя, даже дѣвочка къ ней при-
ставлена для услугъ, но это дѣлается ради Че-
ремисова, который влюбленъ въ Надю. Онъ, по-
ложимъ, не требуетъ у Катерины, чтобы она
„склоняла“ Надю полюбить его, но Катерина Ан-
дреевна добровольно дѣлаетъ это, а откажись Че-
ремисовъ отъ Нади окончательно, уѣзжай, такъ
Надѣ будетъ то же, что и Наташѣ, хотя бы по-
тому, что она очень хороша собою. Не любитъ
Катерина Андреевна хорошенькихъ, ахъ, какъ не
любитъ!.. Да и любить ли она вообще кого ни-
будь? Надъ этимъ вопросомъ Павелъ Борисовичъ
задумался теперь, лаская свою „богиню“.

XXIII.

Катерина Андреевна, увидавъ, что Павелъ Борисовичъ задумался, встала со своего мѣста и сѣла на ручку его кресла.

— О чемъ ты задумался? — спросила она, обвивая шею Павла Борисовича рукою и заглядывая ему въ лицо.

Онъ очнулся.

— Такъ, милая, ни о чемъ. Ты очень меня любишь?

— Развѣ объ этомъ надо спрашивать? — съ ласковымъ укоромъ проговорила Катерина Андреевна. — Зачѣмъ ты говоришь это?

— Да такъ. Я вѣдь не первой молодости, мнѣ до пятидесяти годковъ недалеко, а ты только что распустилась, какъ пышная роза.

— А мой Лука Осиповичъ развѣ молоденькій былъ? И не молодъ, и не уменъ, и бѣденъ.

— Такъ вѣдь ты и не любила его.

— Развѣ его можно равнять съ тобою? Да и почему это ты завелъ этотъ разговоръ?

— Такъ... Я вотъ сидѣлъ тутъ и думалъ...

— О чемъ?

— О тебѣ все. Ты меня прости, если я скажу тебѣ что нибудь непріятное, но мнѣ хочется поговорить съ тобою по душѣ наканунѣ, такъ сказать, нашей свадьбы, когда мы свяжемъ уже себя крѣпкими узами.

— Ну, ну, поговори, поговори, это очень любопытно.

Катерина Андреевна, видимо, оживилась очень; глаза у ней такъ и засверкали.

— Мнѣ думается, Катринъ, что... что ты немного черства, что ты принадлежишь къ такимъ натурамъ, которыя крѣпко и сильно любить не могутъ.

— Почему же это тебѣ кажется? — перебила Катерина Андреевна, и голосъ у нея дрогнулъ.

— Да такъ вотъ раздумался. Ты прости меня, если я обижаю тебя. Я говорю это потому, что очень люблю тебя, а любя, боюсь: вдругъ ты разлюбишь меня или я узнаю, что ты и не любила меня?... О, я не знаю, что тогда будетъ со мною!.. Прости меня, Катя, повторяю я въ сотый разъ, но я буду съ тобой откровененъ. Я вотъ думалъ тутъ о тебѣ, и мнѣ пришло въ голову, что у женщины съ нѣжнымъ сердцемъ не можетъ быть такой жестокости, которую ты проявила, напри-мѣръ, къ этой несчастной Наташѣ...

У Катерины Андреевны сверкнули глаза.

— Ты находишь? — перебила она Скосырева съ раздраженіемъ. — Я, по твоему, должна была мирволить этой дѣвкѣ, которая чуть ли не покушалась на мою жизнь?

— Милая, да вѣдь это было уже послѣ того, какъ ты извела ее.

— А вамъ ее жаль? — снова перебила Катерина Андреевна. — Еще бы, вы были такъ близки къ ней!.. Вы жестоки, несправедливы, говоря мнѣ объ этомъ! Я не могла терпѣть рядомъ съ собою эту... эту любовницу вашу!

— Ее легко было удалить безъ всего того, что ты продѣлала съ нею. Потомъ вотъ эта Надежда, — зачѣмъ ты отняла ее у жениха?

Катерина Андреевна вскочила.

— А ты не понимаешь? — крикнула она. — Ты не можешь оцѣнить той заслуги, которую сдѣлалъ намъ Черемисовъ? Вѣдь ему ты обязанъ, что я здѣсь, вѣдь благодаря ему я вдова, такъ чѣмъ же бы ты наградилъ его? далъ бы денегъ, что ли?

— О, для него я готовъ на все, ты это знаешь, но дѣло-то въ томъ, что вѣдь онъ не требовалъ этого, онъ и не думалъ отнимать эту понравившуюся ему дѣвушку у ея жениха, это ужъ ты захотѣла, твое я желаніе это исполнилъ. И мнѣ думается, красавица ты моя, богиня моя, что у тебя сердце недоброе, и я боюсь. Ты прости меня!

Павель Борисовичъ потянулся къ Катеринѣ Андреевнѣ, но она отодвинулась отъ него.

— О, не ласкайте меня, если я такая злая, такая змѣя!

— Катя, да вѣдь я просилъ у тебя позволенія поговорить откровенно, чтобы все разъяснить, чтобы уничтожить всѣ тѣ „перегородки“, которыя могли быть между нами! вотъ съ какою цѣлью я говорилъ все это, я хотѣлъ разъяснить все это, успокоить самого себя.

— И обвинили меня въ безсердечности, въ жестокости? Я должна была позволить вамъ имѣть тутъ цѣлый гаремъ, въ которомъ я была бы старшей, до поры, до времени, конечно? Вы ошиблись! Да, я нннавидѣла вашихъ фаворитокъ, пенавидѣла, боялась ихъ и хотѣла всѣхъ ихъ удалить, перевести, чтобы быть вашею женою, подругой вашей жизни и хозяйкой этого дома, а эту... какъ ее тамъ? Падю эту, какъ вы ее называете, я хотѣла

отдать человѣку, который для меня и для васъ не пощадилъ себя, который полюбилъ ее и ужъ конечно, получше какого то тамъ торгаша. И вотъ вы заподозрили меня въ жестокости, вы наканунѣ почти нашей свадьбы выговариваете себѣ этимъ объясненіемъ право имѣть и потомъ фаворитокъ! О, быть можетъ, вы и Наташку куда нибудь спрятали для того, чтобы потомъ снова водворить ее у себя! Такъ знайте же, сударь, что этому не бывать! Я завтра оставляю васъ и уѣзжаю. Повѣрьте, что я составляю себѣ партію, я хороша и знаю это и умѣю свою красоту промѣнять на счастье, на золото. Я теперь не дѣвочка, какою меня взялъ покойный Коровайцевъ, я знаю себѣ цѣну!

— Катя, дорогая, что ты говоришь?—бросился къ пей Скосыревъ. — Я повторяю тебѣ, что безумно люблю тебя и говорилъ для того, чтобы выяснить наши отношенія, чтобы выслушать твое объясненіе, а ты... ты грозишь разрывомъ! Ты мало любишь меня, Катя! Иди ко мнѣ и все кончено. Клянусь тебѣ, что никогда ничего подобнаго ты не услышишь отъ меня. Иди же ко мнѣ, обойми и прости.

Павелъ Борисовичъ пошелъ къ Катеринѣ Андреевнѣ, но она слегка отстранила его рукою и проговорила:

— Если миръ, то вотъ на какихъ условіяхъ: чтобы быть огражденной отъ вашего произвола, отъ всѣхъ вашихъ затѣй, которыя могутъ вернуться къ вамъ, я должна имѣть ваше заемное письмо на триста тысячъ рублей. Я хочу быть покойною, хочу оградить себя или... или прощайте

навсегда! Завтра меня не будетъ уже въ вашемъ домѣ.

— Катя, я дамъ тебѣ заемное письмо на все мое состояніе! — съ жаромъ проговорилъ Павелъ Борисовичъ. — Мнѣ пріятно быть твоимъ рабомъ, пріятно лечь у твоихъ ножекъ, и до безумія люблю тебя! Катя, дорогая, милая!

Катерина Андреевна опять отстранила его.

— Когда письмо будетъ у меня, — я ваша, а пока прощайте, пора спать.

— Катя!

— Ни слова болѣе, это мое условіе. До свиданія, покойной ночи.

Катерина Андреевна позвонила, дернувъ сонетку, и въ ту же минуту изъ однѣхъ дверей вошла Глафира, и изъ другихъ дежурная горничная, одна изъ тѣхъ, которыя остались внѣ подозрѣнія.

— Ванну мнѣ и постель, — приказала Катерина Андреевна и ласково и нѣжно обратилась къ Павлу Борисовичу со словами: — Покойной ночи, сладкихъ сновидѣній!

Павелъ Борисовичъ низко поклонился и пошелъ. Въ эту минуту за шумомъ вѣтра слышался рѣзкій и продолжительный свистъ. Такой же свистъ раздался съ другаго конца усадьбы.

— Что это? — вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, спросила Катерина Андреевна.

— Вѣроятно, ночные сторожа, — отвѣтилъ Павелъ Борисовичъ и прислушался.

Сейчасъ же за свистомъ раздались усиленные и тревожные звуки трещетокъ, съ которыми ходили по усадьбѣ сторожа, а три громадные ов-

чарки, спускаемая съ цѣпей только на ночь, съ яростнымъ лаемъ бросились къ той сторонѣ, гдѣ господскій садъ соединялся съ лѣсомъ и былъ отдѣленъ отъ него каменною оградой. Черезъ минуту лай превратился въ какой то ревъ, затѣмъ раздался визгъ одной собаки, другой, третьей и все смолкло, только трещетки сторожей еще чаще и усиленнѣе загремѣли.

Всѣ въ комнатѣ стояли какъ окаменѣлые.

— Но что же это, однако? — тревожно проговорилъ Павелъ Борисовичъ.

Въ эту минуту раздался еще свистъ, еще, и вотъ кто то пронзительно закричалъ въ глубинѣ двора, а во мракѣ ночи за садомъ вспыхнулъ огонь, другой, третій.

Павелъ Борисовичъ бросился къ сонеткѣ.

— Поля, не покидай меня, не покидай, это они, это разбойники! — съ воплемъ бросилась къ нему Катерина Андреевна. Пронзительно завизжали Глафира и горничная.

— Смирно! — крикнулъ на нихъ Скосыревъ. — Запереть комнату и ни съ мѣста! Не бойся, Катя, это вздоръ, этого быть не можетъ! Я подыму сейчасъ людей, я переловлю этихъ мерзавцевъ, если это они. Пусти меня, дорогая, не бойся!

Онъ почти на рукахъ донесъ Катерину Андреевну до кушетки и бросился изъ комнаты, крикнувъ Глафирѣ приказаніе запереть дверь и заставить ее мебелью.

Въ домѣ поднялась уже суматоха. Всѣ слышали происходившее въ усадьбѣ и всполошились. Ревомъ ревели дѣвушки и казачки, бѣжали изъ ком-

наты въ комнату помѣщики, натягивая на себя одежду и безцѣльно толкаясь; мрачно и какъ то зловѣще стояли тамъ и сямъ лакеи, переглядываясь другъ съ другомъ.

— Что это? — крикнулъ Павелъ Борисовичъ, подбѣгая къ одному изъ лакеевъ.

Тотъ вытянулся и поблѣднѣлъ.

— Что это, спрашиваю я?

— Н-не могу знать.

— Разбойники, сударь, — угрюмо отвѣтилъ другой. — Собакъ перебили, сторожей тоже, кажись. Изъ окна изъ этого видно вотъ... Человѣкъ десять перелѣзло черезъ заборъ, а теперь ворота отпираютъ...

— А что же дворня? Что челядь вся дѣлаетъ? Охотники гдѣ, конюхи?

— Что-жъ конюхи? Конюхи, чай, заперты, какъ въ западнѣ.

— Запирай двери, живо! Оружіе берите изъ кабинета и боскетной, заряжайте всѣ ружья, пистолеты!

— Что-жъ, сударь, заряжать? Теперь, стало быть, шабашъ, теперь...

Лакей не договорилъ и покачнулся отъ здоровенной затрещины Павла Борисовича.

— Молчать, собака, и слушаться! — крикнулъ Павелъ Борисовичъ, какъ кричалъ, бывало, эскадрону. — Перваго убью изъ своихъ рукъ, который ослушается! Запирай всѣ двери, заставляй мебелью, сундуками, бери оружіе!

Онъ бросился въ кабинетъ и въ потьмахъ нащупалъ стѣну съ развѣшаннымъ оружіемъ. Схва-

тивъ, что попало, онъ вернулся въ угольную комнату и крикнулъ, чтобы зажигали свѣчи во всѣхъ комнатахъ. Съ умысломъ или отъ страху его не слушали, и онъ принялся наносить удары ножами тяжелой кавалерійской сабли направо и налево. Тамъ и тутъ вспыхнули свѣчи. На дворѣ между тѣмъ по всѣмъ направленіямъ сверкали фонари, раздавались голоса, со скрипомъ и грохотомъ отворялись ворота и гдѣ то яростно и пронзительно кричалъ человѣкъ, котораго, вѣроятно, били. Всѣ эти звуки покрылъ выстрѣлъ, потомъ другой, третій, а затѣмъ раздались крики, брань, вопли.

— Псари вырвались и стрѣляютъ, — шепнулъ одинъ лакей, дрожа всѣмъ тѣломъ, неуклюже и нехотя подвигая столъ къ запертой двери.

— Переколотятъ всѣхъ, ежели такъ, — отвѣчалъ другой.

— Толкуй! — угрюмо отвѣтилъ третій, утирая кровь изъ разбитаго ножами сабли носа. — Для очищенія совѣсти стрѣляютъ, чтобы послѣ отвѣта не давать. Кому охота взаправду то стрѣлять? Всѣ подготовлены, всѣ перемѣны, какой ни на есть, ждутъ.

— Такъ, можетъ, отпереть двери то, Тихонъ Андропычъ? — шепотомъ спросилъ молодой лакей.

— Дуракъ! Ты запирай, ружье вонъ возьми, чтобы послѣ въ отвѣтъ не быть, а они попадутъ и въ окно, не бойся!

Павелъ Борисовичъ разбудилъ крѣпко спавшаго Черемисова, и они теперь вдвоемъ бѣжали по комнатамъ и отдавали приказанія. Въ одной сорочкѣ,

въ сапогахъ со шпорами, всклокоченный и полупьяный послѣ ужина, Черемисовъ грозно и властно командовалъ, бѣгая по комнатамъ съ саблей наголо въ одной рукѣ и съ пистолетомъ въ другой.

— Защищать каждую дверь грудью!—кричалъ онъ. — Руби мошенниковъ, бей, чѣмъ попало, стрѣляй!

— Ловокъ больно!—насмѣшливо и почти громко проговорилъ одинъ изъ лакеевъ, жена котораго недавно была жестоко наказана по приказанію Катерины Андреевны и сослана въ костромскую вотчину за сожженную утюгомъ юбку и за грубость.

— Что?—грозно обратился къ нему Черемисовъ.

— Ничего, проѣхало.

Черемисовъ размахнулся и ударилъ лакея по лицу.

— Эхъ, баринъ, неладно гостю поступать такъ, чужой ты намъ!—крикнулъ лакей и схватилъ гусара за обѣ руки. Другой лакей подбѣжалъ къ нимъ, за плечи повалилъ Черемисова на полъ и скрутилъ ему локти шнуркомъ отъ портьеры. Въ ту же минуту дверь, выходящая въ сѣни, затрещала отъ сильныхъ ударовъ дубинами или бревномъ, а рама въ одномъ изъ оконъ со звономъ стеколъ влетѣла въ комнату и въ амбразурѣ окна показались головы въ шапкахъ, бороды, кольца.

— Погибли мы!—крикнулъ одинъ изъ лакеевъ.

— Небось, не тронуть,—отвѣтилъ ему шепотомъ другой.

Въ комнату вбѣжалъ старый дворецкій со свѣчей въ одной рукѣ и съ топоромъ въ другой.

— Что вы дѣлаете, разбойники?—кричалъ онъ. —

Куда вы идти осмѣливаетесь? Назадъ, смерды проклятые, вонъ!.. Люди, голубчики, бейте ихъ, колите, рубите, спасайте господина вашего!

Онъ кинулся къ окну, размахивая топоромъ, но одинъ изъ нападающихъ вскочилъ уже на подоконникъ и ударилъ старика дубиной по головѣ, со словами:

— Ложись, старый песъ, дрыхнуть, всѣ ужъ зубы съѣлъ на барскихъ-то хлѣбахъ, пора!

Старикъ съ глухимъ стономъ повалился на полъ. Въ то же самое время крѣпкая дубовая дверь не выдержала натиска и полетѣла, роняя нагроможденную мебель. Человѣкъ десять мужиковъ съ топорами, съ рогатинами и ножами ворвались въ комнату и въ одинъ мигъ перевязали не сопротивлявшихся лакеевъ.

Съ пистолетами въ обѣихъ рукахъ въ комнату вбѣжалъ Павелъ Борисовичъ и разомъ выстрѣлилъ изъ обоихъ пистолетовъ въ толпу. Кто то застоналъ, яростно закричалъ, а одинъ изъ мужиковъ бросился на Павла Борисовича и свалилъ его ударомъ дубины по ногамъ, а затѣмъ связалъ кушачкомъ. Еще человѣкъ десять ворвались въ дверь и влѣзли въ окно.

— Никого не убивать безъ нужды! — раздался зычный голосъ, и на порогѣ появилась колоссальная фигура дяди Игната, а рядомъ съ нимъ Наташа, одѣтая мальчишкой, съ шапкой на бекрень, съ длиннымъ ножомъ въ рукахъ, взволнованная, съ блистающими глазами.

— Пуще всего барыню не смѣть трогать! — звонко крикнула она. — Все берите себѣ, а ее мнѣ, моя она!

Павель Борисовичъ, лёго раненый, узналъ Наташу. Онъ приподнялся съ полу, на сколько позволяли ему связанные руки и ноги и крикнулъ:

— Наташа!

Дѣвушка дрогнула вся отъ этого голоса и бросилась впередъ.

— Баринъ, голубчикъ, солнышко ты мое!— проговорила она.—Эй, ребята, развязать барина сію минуту!

— Прытка больно, — усмѣхнулся на это дядя Игнатъ.—Хоть ты и атаманша, а бабьяго твоего разума не послушаемся. Развязать его, такъ онъ въ капусту изрубить половину нашихъ. Ничего, полежитъ и такъ, а вреда ему не смѣтъ дѣлать...

— Наташа, не трогай барыню!—умоляющимъ голосомъ заговорилъ Павелъ Борисовичъ. — Все прощу, никто не узнаетъ про вашъ грабежъ, бери все добро мое, но не трогай барыню...

— Прости, голубчикъ мой, солнце мое красное, баринъ мой ласковый, а не могу я исполнить воли твоей!—сказала Наташа. —Сердце она изъ меня вынула, сгубила, на каторгѣ мнѣ быть, такъ не простить мнѣ ее! Сама судьямъ отдамся, сама свою голову понесу, а ее... ее изведу!..

— Наташа, вспомни, какъ я любилъ тебя!— со слезами проговорилъ Павелъ Борисовичъ.— Ради любви моей не трогай ее!

— Не могу, баринъ, силушки нѣтъ!

Наташа махнула рукой и бросилась въ хорошо знакомыя комнаты Катерины Андреевны, мимо грабившихъ домъ разбойниковъ. Не обращая вниманія на Батулина, который сидѣлъ въ гостинной

связаннымъ и охрипшимъ голосомъ кричалъ что-то дикое, бессмысленное, не обращая вниманія на двухъ гостей Павла Борисовича, которые отбивались отъ полдюжины разбойниковъ старыми, ржавыми шпагами, не видя ничего, устремила Наташа къ комнатѣ Катерины Андреевны. Тутъ былъ уже дядя Игнатъ и колотилъ своимъ пудовымъ кулакомъ въ запертую дверь.

Отпирай, Глаша! — кричалъ онъ, слыша за дверями голосъ рыдающей Глафиры. — Отопрешь добромъ, такъ только башку сверну, а то такъ жилы вытяну!

Рыданія трехъ женщинъ были отвѣтомъ на эти слова. Дядя Игнатъ навалился плечомъ на рѣзную фанерную дверь, и она съ трескомъ вылетѣла.

Черезъ нагроможденную около двери мебель бросилась Наташа въ комнату и увидала Катерину Андреевну, которая стояла около пышной кровати своей, схватившись руками за рѣзной столбикъ, поддерживающій штофный пологъ кровати.

— Наташка! — съ неописаннымъ ужасомъ крикнула Катерина Андреевна, и ноги у нея подкосились.

— Я, матушка барыня, я, на поклонъ къ тебѣ пришла!

Наташа схватила Катерину Андреевну за руки.

— Моя теперь, моя, никто не смѣй трогать ее, я потѣшусь надъ ней! — закричала она.

На колокольнѣ господской церкви ударили въ это время въ набатъ.

XXIV.

Среди гомона, среди криковъ и пѣсень пьяныхъ разбойниковъ, успѣвшихъ еще до нападенія на

домъ заглянуть въ господскіе погреба, и среди плача женской прислуги, никто не слыхалъ звуковъ набата. Особенно не могла ничего слышать Наташа, вся охваченная жаждою мести. Она держала Катерину Андреевну за руки, смотрѣла ей въ лицо сверкающими глазами и злобно смѣялась. Катерина Андреевна не билась, не рвалась и только дрожала всѣмъ тѣломъ и тихо, едва слышно твердила:

— Спасите, спасите меня!

— Проси, моли, плачь, голубушка!—говорила ей Наташа. Любо мнѣ будетъ, когда ты заплачешь, закричишь, застонешь! Помнишь, какъ я плакивала? Заплачешь и ты, охъ, горько заплачешь!.. Что я съ тобой сдѣлаю, какъ я потѣшусь надъ тобой!

Наташа обернулась къ мужикамъ, которые топорами ломали шифоньерки краснаго дерева, ларчики слоновой кости и вынимали жемчуга, золото и серебро.

— Ребятки, свяжите-ка мнѣ ее, закрутите ей ручки назадъ!

— Аль сама не сладишь, атаманша?—со смѣхомъ отозвался одинъ.

— Боюсь, что выскользнетъ да полыснетъ себя чѣмъ нибудь или голову объ стѣну разобьетъ, — отвѣтила Наташа.

Парень снялъ съ себя кушакъ и завязалъ руки Катерины Андреевны назадъ. Она узнала въ немъ крѣпостнаго Луки Осиповича.

— Боже, вѣдь ты нашъ!—проговорила она.

— Теперь, барыня, вольный, что твой вѣтерокъ въ полѣ, Былъ твоимъ да, вишь, не умѣла

владѣть нами, ушла. Баринъ изъ-за тебя погибъ, насъ раззорили, мы не людьми стали, такъ одно дѣло — не поминать тебѣ про старое. Теперь ты сама въ крѣпостныя попала. Куда ее дѣвать то, атаманша?

— Въ кресло посади. Пусть посидитъ, увеличивается, а я передъ ней постою, какъ бывало стаивала. Что-жъ ничего не говорите, сударыня, что-жъ не командуете? Позовите дворню да прикажите Наташку въ людскую вести на истязаніе. Иль не послушается нешто? Эка жалость то какая!.. За то меня теперь слушаются вотъ эти молодцы. Ась? Что скажу имъ, то и сдѣлаютъ. И скажу я имъ, чтобъ тебя они теперь взяли за бѣлы руки да потащили въ людскую, куда меня, бывало, таскивали.

Катерина Андреевна рванулась въ креслѣ.

— Сиди! — грозно крикнула Наташа и толкнула барыню. — Это еще не сейчасъ, на все время, а пока вотъ тебѣ отъ меня что. . Эй, вы, смотрите!

Наташа размахнулась и ударила Катерину Андреевну по лицу... Иронзительно вскрикнула Катерина Андреевна, метнулась и упала на колѣни съ глухими рыданіями. Наташа подняла ее за волосы и снова бросила въ кресло.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжалъ одинъ изъ грабителей, проворно засовывая въ карманы штановъ пачки ассигнацій.

— Наутекъ всѣ, живо наутекъ! — крикнулъ онъ. — Дядя Игнатъ, Наташа, гдѣ вы? Живо ноги унесите! Кто то изъ дворни забрался на колокольню и ударилъ сполохъ, мигомъ изъ села пародъ подоспѣетъ!..

Дядя Игнатъ, который вязалъ руки ревущей Глафирѣ, бросилъ ее и вышибъ раму. Звонъ набата ясно и рѣзко полился теперь въ комнаты, заглушая всѣ звуки.

— Анаемы! — бѣшено крикнулъ дядя Игнатъ. — Живо на колокольню ктонибудь и снять звоняря, головой его внизъ съ колокольни!.. Утекай, ребята, пока время есть! Тяжелаго не брать съ собой ничего, на телѣги таскай все и со двора, да лошадей бери съ конюшни, верхомъ утекай. Эхъ, пропадемъ мы, перехватятъ мужики, подоспѣютъ!.. На смерть бей тѣхъ, которые караулить были поставлены и на колокольню врага допустили!

Суматоха поднялась невообразимая. Быстро хватали грабители что попадало — подъ руки и бѣжали во дворъ. О главной цѣли нападенія забыли и никому не пришло въ голову найти Надю и взять ее съ собою. Тутъ была теперь цѣль „свести счета“ — у однихъ и награть какъ можно больше — у другихъ.

— Хотѣлъ было я тебя, змѣя подколотная, за ноги на осинѣ повѣсить, да, зная, умолилъ ктонибудь за тебя Бога, — обратился дядя Игнатъ къ Глафирѣ. — Вотъ тебѣ разомъ конецъ, безъ муки, получай и за меня и за дворню раззоренную...

Онъ взмахнулъ топоромъ, и Глафира даже не пикнула подъ страшнымъ ударомъ.

— Наташа, бросай свою барыню, не рука тебѣ потѣшаться надъ нею, — крикнулъ Игнатъ. — Живо, дѣвка, а то въ западнѣ будешь: отъ села огни показались, съ фонарями народъ бѣжить.

Наташа такъ и ахнула.

— Такъ оставить ее?—воскликнула она. — Не бывать тому, дядя Игнатъ! Я ее съ собой возьму, я ее у насъ въ стану по кусочкамъ разниму...

— Не дѣло толкуешь, дѣвка! — сурово перебилъ Игнатъ. — Тогда погоню то хоть на сто верстъ пошлютъ, а безъ нея мы еще и ноги унесемъ, можетъ быть. Гайда, дѣвка, въ путь дорогу!

Онъ схватилъ Наташу въ охапку, какъ ребенка и пошелъ.

— Дядюшка, родной, дозвожь мнѣ ее захватить!—молила Наташа.

— Ни-ни, и не толкуй!

— Такъ пусти хоть ножомъ ее полоснуть.

— Не пошто. Поучить бы надо, а убивать ее я не дамъ: хлѣбъ я ея ѣлъ, госпожей она моей была.

— Пусти!—бѣшено крикнула Наташа и рванулась изъ желѣзныхъ объятій дяди Игната.

— Э, что съ тобой, дѣвка толковать!—и дядя Игнатъ, перекинувъ ее черезъ плечо, какъ мѣшокъ съ чѣмъ-нибудь, побѣжалъ.

Набатъ гудѣлъ, далеко-далеко разносясь въ ночномъ воздухѣ.

Разбойники бросились къ колокольнѣ при первомъ ударѣ колокола, но массивная желѣзная дверь, ведущая на колокольню, была заперта изнутри и не поддавалась никакимъ усиліямъ. Да и некогда было долго возиться съ нею. Кто то пустилъ на удачу три выстрѣла въ пролеты колокольни, но пули пролетѣли, не сдѣлавъ вреда звонарю. Колоколъ гудѣлъ и гудѣлъ.

Поспѣшно бросились отступать нападающіе. Нѣкоторые хватали лошадей изъ конюшни и скакали верхомъ, захвативъ съ собою что успѣли; другіе, особенно алчные, запрягали лошадей въ телѣги и укладывали награбленное; третьи просто бѣжали въ лѣсъ черезъ рѣшотку сада. Дворня, какъ были увѣрены разбойники, была на ихъ сторонѣ, подготовленная лазутчикомъ, но изъ пятидесяти дворовъ села, конечно, нашлось бы много такихъ, которые готовы за барина въ огонь и въ воду, а кромѣ того набатъ могъ всполошить и ближайшія деревни.

Грозно командовалъ дядя Игнатъ, таща Наташу и размахивая топоромъ. Онъ рубилъ тяжи у запряженныхъ въ телѣги коней и приказывалъ бросить награбленное имущество, билъ обухомъ по спинамъ ослушниковъ, стукнулъ раза три и Наташу, продолжавшую рваться отъ него.

— Ой, брошу, дѣвка, коли не уймешься, и попадешь ты въ лапы палача!—говорилъ онъ.

— Пусть попаду, а только отпусти ты меня, хочу я ненавистницу мою извести!—молила обезумѣвшая отъ ненависти и злобы дѣвушка.

— Ой, пришибу, коли не уймешься! — возразилъ ей полюбившій ее, какъ дочь, мужикъ.

Онъ неуклюже взобрался верхомъ на первую попавшуюся лошадь, взвалилъ поперегъ Наташу и выѣхалъ изъ конюшни на дворъ, подпрыгивая на конѣ и работая локтями.

— Ну, живо утекай! — крикнулъ онъ послѣдній разъ.—Ребята, брось ктонибудь огня въ солому да въ сѣно: мужики прибѣгутъ и начнутъ пожаръ тушить, а мы межъ тѣмъ до крутаго

оврага dospѣемъ, а тамъ ужъ уйдемъ, тамъ не поймають.

Онъ обхватилъ правою рукою Наташу, дернулъ лѣвою поводъ, толкнулъ ногами коня и маршъ-маршемъ выскакалъ на дорогу.

На счастье разбойниковъ, ближайшая, съ поля на поле, дорога отъ села была понята разливомъ, и мужикамъ пришлось дѣлать „крюкъ“, бѣжать въ обходъ, что составляло версты три.

Слыша набатъ и увидавъ потомъ пламя быстро занявшихся сѣнныхъ сараевъ, мужики бѣжали изо всѣхъ силъ, утопая въ грязи, погадая въ промоины и лужи, спотыкаясь и падая. Заслышавъ выстрѣлы, мужики догадались, что тутъ не просто пожаръ, а повтореніе „Чубаровской исторіи“, поэтому они бросились къ господскимъ огородамъ и, разобравъ тынъ, вооружились кольями. Вѣроятно, разбойники не успѣли уйти и версты, какъ цѣлая армія мужиковъ была во дворѣ. Не скоро поняли, въ чемъ дѣло, не скоро освоились. Кому то изъ „вѣрныхъ“ дворовыхъ пришла мысль немедленно освободить связанныхъ Павла Борисовича и Черемисова. Павелъ Борисовичъ былъ раненъ, но Черемисовъ оказался живъ и невредимъ. Мигомъ сообразилъ онъ, что надо дѣлать. Саблю на голо, и онъ былъ лихимъ гусаромъ, умѣющимъ не только командовать, но и воодушевить свою командой. Живо отперъ онъ псарей, въ одинъ мигъ были они верхами, вооружившись, чѣмъ попало; сѣли на коней и всѣ тѣ, кому достало лошадей, а ихъ было много. Привычные псари построились по два въ рядъ и „справа по два“

рысью выѣхали на дорогу, предводительствуемые Черемисовымъ. Сзади тронулись различными аллюрами дворовые, а мужики, съ кольями и топорами, подъ предводительствомъ старосты, двинулись бѣглымъ шагомъ въ лѣсъ. Часть тѣхъ и другихъ была оставлена тушить пожаръ и оберегать домъ. Не забылъ Черемисовъ перевязать и запереть тѣхъ изъ дворовыхъ людей, которые оказали явную измѣну во время нападенія. Верховые были посланы въ городъ за докторомъ и къ исправнику. Въ набатъ Черемисовъ приказалъ звонить все время, чтобы сбить какъ можно больше народу.

— Нѣкоторые изъ васъ поступили, какъ подлые измѣнники и негодяи,—говорилъ онъ дворовымъ, собирая ихъ въ походъ, — а всѣ вы вели себя, какъ трусы, какъ бабы, и позволили перевязать себя шайкѣ бродягъ, отдавъ ей въ руки вашего господина и его добро, которымъ и вы живы съ вашими дѣтьми, такъ покажите же себя хоть теперь, искупите вашу вину передъ Богомъ, и вашимъ господиномъ, который поставленъ надъ вами Божиимъ соизволеніемъ, который вмѣсто отца для васъ. Впередъ, рябята, и переловимъ разбойниковъ всѣхъ до одного, защитимъ округу отъ ихъ насилія, заслужимъ и Богу, и Царю!

Народъ воодушевился. Гулъ набата подымалъ его чувства, пламя пожара, которымъ могло быть истреблено не только господское имущество, но и имущество дворни, подогрѣло эти чувства, и всѣ до одного готовы были идти куда угодно. Освѣщая дорогу фонарями и зажигаемыми сухими вѣтвями смолистой сосны, то крупной рысью, то въ

карьеръ подвигалась дружина Черемисова впередъ. Бѣгомъ шель пѣшій отрядъ лѣсомъ, тоже освѣщая дорогу фонарями. Очень скоро и конные, и пѣшіе начали догонять разбойниковъ. Иные обезсилѣли отъ взятой не въ мѣру добычи, другіе сбились съ дороги и попадали въ заборы, въ промоины; третьихъ, какъ непривычныхъ къ верховой ѣздѣ, сбрасывали горячіе кони. Къ числу такихъ принадлежалъ и дядя Игнатъ со своей драгоценной ношей. Лихой аргамакъ, который попался на его долю, понесъ его вихремъ, но не дядѣ Игнату, неуклюжему громадному мужику, было сидѣть на этомъ аргамакѣ, особенно обремененному Наташей. На первой же канавѣ, черезъ которую конь перелетѣлъ вихремъ, дядя Игнатъ свалился, крѣпко ударившись тыломъ о твердые корни придорожныхъ сосенъ. Наташа упала на него и не получила ушиба. Вскочилъ было дядя Игнатъ сгоряча, но сейчасъ же и опустился: у него была переломлена нога.

— Эхъ, дѣвка, пропалъ я! — съ тоскою воскликнулъ онъ. — Утекай какъ хочешь, одна, ногу я переломилъ...

Наташа склонилась къ нему.

— Можетъ, я поведу тебя, дядя? — сказала она.

— Какъ разъ тебѣ подъ силу это, — усмѣхнулся Игнатъ. — Нѣтъ, дѣвушка, бѣги, куда глаза глядятъ, а мой, стало быть, часъ пришелъ.

Наташа заплакала.

— Эхъ, братъ, заныла, а еще атаманша! — съ грустною и добродушною ироніей проговорилъ дядя Игнатъ. — Атаманъ Груня не плачетъ, сказываютъ.

— Да что же мнѣ дѣлать, дядя? Ненавистницу я упустила изъ рукъ, не потѣшилась надъ ней, нашихъ всѣхъ, гляди, переловятъ, тебя тоже схватятъ, куда-жъ мнѣ бѣжать то теперь? Пущай берутъ и меня.

— Да вѣдь пудно больно придется тебѣ, болѣзная ты моя дѣвонька! Коли-бъ тебя попороти только да въ дальнюю вотчину услали, а то вѣдь палачу попадешь въ лапы, вѣдь въ разбоѣ ты была... На емерть вѣдь забьютъ на площади на торговой.

Наташа заплакала сильнѣе.

— А ты бѣги скорѣй, авось укроешься еще, — сказалъ дядя Игнатъ. — Всѣхъ не переловятъ, такъ авось до становища нашего доберешься и Богъ помилуетъ. Въ скиты уйдешь, на Волгу, тамъ и проживешь. Бѣги, дѣвица, не теряй время!

— Я тебя, дядя, не оставлю одного.

— Ишь, ты, шустрая! Что-жъ, изъ бѣды меня ты вызволишь, что ли? Меня не спасешь, а себя погубишь... Т-съ!

Дядя Игнатъ остановилъ Наташу рукой и прислушался. Въ тишинѣ ночи ясно послышался топотъ многихъ лошадей.

— Погоня, близко погоня! крикнулъ дядя Игнатъ. — Бѣги, Наташа, пока есть время, бѣги, Господь съ тобой!

Наташа инстинктивно вскочила на ноги и бросилась по дорогѣ; чувство самосохраненія взяло верхъ надъ всѣми прочими чувствами.

Дядя Игнатъ перекрестился и досталъ изъ за кушака тоноръ. Почти вплотную наскочалъ на

него Черемисовъ впереди своего отряда и круто осадилъ шарахнувшуюся въ сторону лошадь. Прочіе всадники тоже осадили лошадей и окружили дядю Игната.

— Бери его! — крикнулъ Черемисовъ. — Это коноводъ ихній!

— Не обожгись, баринъ! — проговорилъ дядя Игватъ, приподнялся и ударилъ топоромъ по ногамъ лошади. Она взвилась на дыбы и упала, придавивъ всадника. Въ ту же минуту одинъ изъ людей Черемисова почти въ упоръ выстрѣлилъ въ дядю Игната и положилъ его на мѣстѣ. Нѣсколько человѣкъ, спѣшившись, бросились за Наташей и схватили ее. Она отдалась безъ сопротивленія.

— Батюшки, да вѣдь это дѣвка! — вскрикнулъ кто то.

— Наташка это наша, милые! — проговорилъ другой.

— Такъ вотъ кто атаманша то была!

Дворовые окружили Наташу, связавъ ей руки. Подошелъ Черемисовъ, слегка прихрамывая.

— На коней, ребята, и впередъ! — сказалъ онъ.

— А эту куда дѣвать? — спросили у него.

Любвеобильное сердце гусара сжалось при видѣ красавицы Наташи, связанной кушаками. Онъ вздохнулъ и задумался на минуту. Увы, спасти эту дѣвушку было нельзя, и ее, отданную въ руки правосудія, ожидала страшная участь. Черемисовъ зналъ это.

— Ее то куда дѣвать, сударь? — повторилъ дворовый вопросъ.

— Отвести въ усадьбу, — отрывисто приказалъ Черемисовъ. — Возьми ее ктонибудь и ве­ди, а мнѣ лошадь отдай. Живо! У кого тутъ изъ васъ конь лучше?

— У Митки вотъ барскій карабахъ.

Молодой парень охотникъ подвелъ Черемисову золотистаго карабаха, и гусаръ вскочилъ на сѣдло.

— Впередъ, ребята! — крикнулъ онъ. — А ты ве­ди дѣвку и сдай тамъ барину, что-ли... Маршъ! Отрядъ двинулся впередъ.

— Пойдемъ! — угрюмо проговорилъ молодой охотникъ.

Они медленно двинулись къ усадьбѣ, надъ ко­торой стояло яркое зарево пожара.

— Ишь, на какое дѣло пошла! замѣтилъ па­рень, поглядывая на Наташу. — Что теперь будетъ то тебѣ, подумать страхъ!

— Отпусти меня, — тихо выговорила Наташа.

— Въ умѣ ли ты? Что-жъ у меня спина то купленная, что ли? Тебя жаль, а своя рубашка ближе къ тѣлу. Пошла на такую дорогу, такъ ужъ неча разговаривать.

Они молча двигались по дорогѣ и только из­рѣдка парень вздыхалъ и покачивалъ головой. Онъ привелъ Наташу въ домъ и ее окружили ла­кеи, казачки, горничныя. Наташа опустила голову на грудь и упорно молчала. Ее одни кляли и бра­нили, другія жалѣли, но она не слыхала, кажет­ся, ни тѣхъ, ни другихъ.

— Гдѣ баринъ-то? — спросилъ приведшій На­ташу парень.

— Съ барыней. Насилу въ чувство привели барыню-то; теперича лежить и плачете, а въ залѣ на полу покойники...

— Покойники?

— Да. Дворецкаго убили разбойники, Глафиру барынину, Ивана буфетчика...

— Господи!.. Ступайте, доложите барину, что Наташу, молъ, привели.

— Гдѣ-жъ ему докладывать теперича? Онъ тоже раненъ, въ крови весь.

— Такъ что же мнѣ съ ней дѣлать?

— Въ огонь ее, въ пожарище! — крикнула одна изъ дворовыхъ женщинъ, сестра убитаго дворецкаго — Она это, проклятая, разбойниковъ привела къ намъ!

— Извѣстно, она и прямая ей дорога въ огонь, въ полымя! — раздались еще голоса.

— Въ клочья ее, проклятую, своимъ судомъ!

— Смирно! — остановилъ старый лакей. — Непшто мы можемъ безъ суда орудовать? Можетъ, она укажетъ, гдѣ вся шайка пребываетъ.

— Такъ что же съ ней дѣлать?

— Запереть пока начальство не прибыло.

Лакей осмотрѣлъ, хорошо ли завязаны руки у Наташи, приказалъ связать ей ноги, и собственноручно заперъ въ буфетной комнатѣ, приставивъ караулъ.

XXV.

Катерина Андреевна перенесла сильнѣйшую горячку и пролежала въ постели очень долго. Болѣе недѣли она была въ безпамятствѣ и бредила, и

металась, видя разбойниковъ, Наташу, представляя себя въ ея рукахъ всячески торзасую. Лучшіе доктора тогдашней Москвы лѣчили ее и боролись съ тяжелымъ недугомъ, опасаясь за умственные способности сильно потрясенной больной. Легко раненый Павелъ Борисовичъ не отходилъ отъ постели Катерина Андреевны и спалъ кое,-какъ, прикурнувшись на диванѣ, не болѣе трехъ четырехъ часовъ въ сутки. Наука съ одной стороны и здорвая молодая натура съ другой сдѣлали свое дѣло, и Катерина Андреевна выздоровѣла. Первымъ ея вопросомъ былъ вопросъ о Надѣ.

— Что эта дѣвушка, эта „купеческая невѣста“ у насъ?—спросила она.

— У насъ, мой ангелъ, — отвѣтилъ Павелъ Борисовичъ.

— Отпусти ее къ жениху...

— Да? — слегка удивился Павелъ Борисовичъ.

— Онъ думалъ, что у Катерины Андреевны, какъ и у него, явится особенно сильная ненависть къ „хамамъ“ послѣ всего случившагося. Что до него, то онъ видѣть не могъ теперь своей дворни, сдѣлался съ нею строгимъ до жестокости и какъ бы мстилъ имъ за болѣзнь, за страданіе Катерины Андреевны. Онъ жестоко наказалъ всѣхъ тѣхъ, которые оказались освобожденными отъ суда, какъ не принимавшіе участія въ разбоѣ; помилованы имъ были лишь тѣ, которые прямо заявили себя преданными барину, а надъ могилою погибшаго геройской смертью дворецкаго онъ поставилъ богатый памятникъ съ подобающей надписью и всю семью дворецкаго отпустилъ на волю, щедро на-

градивъ. Особенно сурово и круто обошелся онъ съ бывшими фаворитками, какъ бы мстя имъ за вину Наташи. Они были поголовно обвинены въ пособничествѣ, въ бездѣйствіи, въ соучастіи — не судомъ уголовной палаты, а Павломъ Борисовичемъ и понесли наказаніе въ вотчинѣ, вынесли по сту и болѣе ударовъ, а затѣмъ разосланы по дальнимъ имѣніямъ. Весь штатъ прислуги, за очень немногими исключеніями, Павелъ Борисовичъ перемѣнилъ и болѣе чѣмъ на половину взялъ нанятыхъ. Онъ прямо возненавидѣлъ свою дворню, не понимая того, что она была обижена вопіющей несправедливостью, деспотизмомъ „бѣглой барыни“ и ея наперстницы Глафиры. Питая теперь такіа чувства ко всѣмъ дворовымъ и крѣпостнымъ, отрицая въ нихъ всѣ человѣческія чувства, онъ былъ удивленъ желаніемъ Екатерины Андреевны отпустить Надю.

— Ты хочешь, чтобы ее отпустили къ этому купцу ея!—спросилъ онъ, нѣжно лаская Катерину Андреевну.

— Да. Она мнѣ все во снѣ снилась, и мнѣ жаль ее. Она не виновата ни въ чемъ. Отпусти ее, мой милый.

— Да все, что тебѣ угодно, будетъ сдѣлано, моя радость, а только я думалъ, что ты особенно должна, ненавидѣть теперь всю эту породу. Ты ангель, ты святая у меня!...

Но Павелъ Борисовичъ ошибался.

Не чувство доброты заставляло Катерину Андреевну отпустить Надю, не смягчилось сердце красавицы во время болѣзни, нѣтъ.

Она, придя въ себя, только и думала о томъ, взята ли Наташа, арестована ли она, будетъ ли она наказана по заслугамъ? Эти недобрыя мысли волновали ее, и если она желала отпустить Надю, то по чувству какого-то суевѣрнаго страха. Ей казалось, что именно эта дѣвушка принесла имъ несчастіе и что если она не будетъ отпущена, то послѣдуютъ еще новыя несчастія. Павлу Борисовичу она ничего про это не сказала и похвалы его приняла, какъ заслуженную дань, нѣжно ласкаясь къ нему и представляясь растроганной.

Когда Катерина Андреевна настолько окрѣпла, что ей было разрѣшено покидать не надолго постель, она спросила обо всемъ.

Разбойники были переловлены почти всѣ, бѣжать удалось очень немногимъ. Всѣ повинились и ждутъ по острогамъ своей участи. Въ острогѣ сидитъ заключенная въ одиночную камеру и Наташка. Она обличена, какъ руководительница шайки, всѣ улики противъ нея, да она и не отрицается, она созналась во всемъ.

Павелъ Борисовичъ не сказалъ Катеринѣ Андреевнѣ о томъ, что Наташа на допросѣ рассказала о своемъ намѣреніи замучить барыню до смерти, что и было главной цѣлью нападенія на усадьбу.

Въ свою очередь не рассказала ему Катерина Андреевна о пощечинѣ. Эта пощечина все еще словно горѣла у ней на лицѣ и жгла ея щеку.

Что же будетъ съ Наташкой?—спросила она у Павла Борисовича, не смотря на него.

— Ее накажутъ кнутомъ на площади и, если она переживетъ наказаніе, сошлютъ на каторгу.

Она вѣдь обвиняется въ разбоѣ, въ покушеніи на жизнь и какъ участница убійцъ поджигателей. Неужели тебѣ и ея жаль, Катя?

Катерина Андреевна вздохнула.

— Да, Поль. Это вѣроятно ужасно переносить такое наказаніе!

— Она заслужила его!

Чтобы перемѣнить этотъ разговоръ, Павелъ Борисовичъ рассказалъ обо всемъ томъ, что произошло во время болѣзни Катерины Андреевны. Дѣло о смерти Луки Осиповича Коровайцева кончено, и Катерина Андреевна имѣетъ полное право выходить замужъ. Освобожденъ отъ суда и Черемисовъ, который представленъ теперь къ наградѣ за геройскую защиту Скосыревскаго дома и за поимку шайки разбойниковъ. Черемисовъ согласился взять у Павла Борисовича денегъ подъ заемное письмо, поупастъ имѣнье у нихъ въ уѣздѣ и на первыхъ же дворянскихъ выборахъ будетъ избранъ дворянствомъ единогласно исправникомъ. Мимолетная, хотя и сильная страсть къ Надѣ у него прошла, и онъ увивается уже за хорошенькой дочерью помѣщика Полтева и пользуется взаимностью. По всему вѣроятію дочка Полтева будетъ исправничихой; ее ужъ такъ и зовутъ родные и подруги.

Переговоривъ обо всемъ этомъ, Павелъ Борисовичъ и Катерина Андреевна рѣшили немедленно переѣхать въ Москву, — усадьба опротивѣла Катеринѣ Андреевнѣ, — обвинчаться безъ особой торжественности и сейчасъ же послѣ свадьбы уѣхать за границу.

Вскорѣ послѣ этого готовился къ свадьбѣ и

Иванъ Анемподистовичъ Латухинъ. Совсѣмъ было пропалъ и погибъ молодой купецъ послѣ горя, которое обрушилось на него, но его спасла религія, которая спасаетъ всегда вѣрующаго русскаго человѣка.

Поручивъ дядѣ Игнату увезти Надю и узнавъ о пораженіи разбойниковъ, Иванъ Анемподистовичъ окончательно упалъ духомъ и запилъ „мертвую“. Онъ погибъ, думалось ему. Разбойники, конечно, покажутъ на допросѣ о его соучастіи съ ними и ему грозятъ: судъ, позоръ, ссылка, можетъ быть, и плети. Напиваясь съ утра, Иванъ Анемподистовичъ каждую секунду ждалъ полиціи, ареста, страдалъ и мучился, какъ человѣкъ приговоренный къ смерти. Вино мало помогало ему. Напившись до полнаго забвенія, онъ засыпалъ тяжелымъ тревожнымъ сномъ и его душилъ кошмаръ, а когда хмѣль проходилъ,—наступало невыносимо тяжелое состояніе, и бѣдный Латухинъ думалъ о самоубійствѣ. Мысль эта все чаще и чаще являлась у него, и вотъ въ одну непогожую, дождливую ночь онъ, напившись въ какомъ то кабацѣ, пошелъ по Москвѣ-рѣкѣ съ ясно опредѣленною цѣлью покончить съ собою. Онъ выбралъ крутой берегъ за Симоновымъ монастыремъ и побрелъ туда. Дождь промочилъ его до костей, вѣтеръ сорвалъ съ него шляпу и унесъ куда то въ поле, а онъ все шелъ и шелъ. Вотъ и облюбованное мѣсто. Иванъ Анемподистовичъ подошелъ къ самому краю крутаго и глинистаго берега и глянулъ на рѣку. Глухо шумѣла она и плескалась; уныло завывалъ вѣтеръ.

— Господи, пріими духъ мой! — проговорилъ Иванъ Анемподистовичъ. — Прости мнѣ, Господи, прегрѣшенія мои! Великъ грѣхъ самоубійства, но нѣтъ мнѣ спасенія, нѣтъ и надо покончить съ собою!

Въ эту самую минуту на колокольнѣ Симонова монастыря ударили къ заутренѣ.

Дрогнулъ весь самоубійца и отпрянулъ отъ берега.

Торжественно и величаво гудѣлъ колоколъ среди вѣтра, и звонъ разносился далеко, далеко, разглашая вѣсть о молитвѣ, о сѣспасеніи, будя надежду и радость.

Иванъ Анемподистовичъ упалъ на колѣни и склонился головою до холодной сырой земли.

— Прости меня, Господи, прости окаяннаго и прими мою покайную молитву! — съ рыданіями молился купецъ. — Дай мнѣ силы понести крестъ, посланный Тобою, а я не посягну болѣе на жизнь свою, которую Ты даровалъ мнѣ, и безропотно приму мой жребій!

Иванъ Анемподистовичъ всталъ и быстро пошелъ къ монастырю. Онъ отстоялъ тамъ заутреню, раннюю обѣдню. Верулся домой Иванъ Анемподистовичъ блѣдный, измученный, но покойный.

Онъ поклонился матери въ ноги, попросилъ у нея прощенія за свое „безпутство“ и объявилъ, что пить болѣе не будетъ никогда. Съ этого же дня онъ принялся за дѣло и началъ приводить въ порядокъ пошатнувшуюся было торговлю, чтобы оставить ее въ полномъ порядкѣ, если придется идти въ Сибирь за соучастіе съ грабителями, но

опасеніе это пало на другой же день. Къ Ивану Анемподистовичу явился чиновникъ отъ губернскаго прокурора съ приглашеніемъ къ послѣднему для дачи показаній по поводу оговора одного изъ пойманныхъ на грабежѣ помѣщика Скосырева разбойниковъ. Парень этотъ, единственный изъ всѣхъ, показалъ между прочимъ, что Латухинымъ были выданы деньги убитому предводителю шайки Игнату, для успѣшной организаціи шайки.

Объявивъ объ этомъ, чиновникъ сообщилъ, что онъ можетъ дать Ивану Анемподистовичу очень полезный совѣтъ, чтобы выпутаться изъ непріятной исторіи.

— Ради Христа помогите, — земно поклонился Иванъ Анемподистовичъ.

Чиновникъ засмѣялся.

— Ради Христа нищимъ помогаютъ, купецъ, а вы не нищій, — сказалъ онъ.

— Батюшка, бери сколько хочешь!

— Ну, на всякое хотѣніе есть терпѣніе, господинъ купецъ. Захочу-то я, можетъ, и очень много, да ты не дашь, а вотъ триста рублей ассигнаціями пожалуй.

Иванъ Анемподистовичъ немедленно вручилъ просимую сумму, и чиновникъ научилъ его.

— Скажите вы, государь мой, — говорилъ онъ, — что пришли къ вамъ невѣдомые люди, и, назвавшись посланными отъ помѣщика Скосырева крестьянами, просили у васъ отъ имени того помѣщика еще денегъ за купленную вами крѣпостную дѣвицу, а вы, по легковѣрію, деньги тѣ выдали. Вотъ вамъ и все.

Иванъ Анемподистовичъ такъ и показалъ. Такъ

какъ репутація его была совершенно безупречна и въ прошлой жизни его не встрѣчалось и малѣйшаго пятнышка, могущаго его компрометировать, то онъ отъ всякаго слѣдствія былъ освобожденъ, тѣмъ болѣе, что въ палату уголовного суда была получена отъ гвардіи поручика Скосырева бумага, въ которой помѣщикъ этотъ отказывался отъ всякаго преслѣдованія купца Латухина и бывшаго своего управляющаго Пушерины за купленную обманомъ крѣпостную дѣвку Надежду, „каковая дѣвица Надежда“, — такъ заключалась бумага, — „препровождается къ купцу Латухину, какъ вольная и пожелавшая вступить съ тѣмъ купцомъ въ бракъ“.

Для объявленія этой бумаги Иванъ Анемподистовичъ былъ вызванъ въ палату.

Онъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, когда секретарь читалъ ему эту бумагу.

— Что, купецъ, рехнулся отъ радости? — засмѣялся секретарь. — Поздравляю тебя, братъ, поздравляю, и „на сухую“ не отдѣлаешься, — обѣдъ за тобой въ рестораціи.

— Батюшка, ваше благородіе, да что же это такое? — говорилъ Иванъ Анемподистовичъ. — Да какъ же это?

— А вотъ такъ. Знать, помѣщикъ то струхнулъ отъ нападенія порядкомъ и хочетъ теперь за спасеніе своей жизни отъ грозящей смерти добрыя дѣла дѣлать.

— А гдѣ же... гдѣ же Надя то?

— Ну, ужъ этого я не знаю. Да не бойся, получишь теперь свою Надю. Ступай домой и жди,

а на счетъ обѣда помни. Мы прямо въ ресторацію придемъ, обѣдъ закажемъ, цымлянскаго спросимъ, а платить за тобой пошлемъ.

— Господи, да я бочку вамъ цѣлую какого хошь вина поставлю!

Иванъ Анемподистовичъ бросился домой, чтобы подѣлиться радостью съ матерью. Когда онъ вошелъ во дворъ, то увидалъ крытую рогожей кибитку, у которой кормилась пара лошадей. Мужикъ въ синемъ армякѣ и въ шляпѣ гречневикомъ возился около повозки.

— Это кто пріѣхалъ? — дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Иванъ Анемподистовичъ.

Мужикъ снялъ шляпу.

— А ты никакъ хозяинъ тутошній, кунецъ Латухинъ?—спросилъ онъ.

— Да.

— Такъ, батюшка, такъ... А я выходитъ хрестьянинъ господина Скосырева, Палъ Борисыча, и пріѣхалъ изъ его вотчины, дѣвицу Надежду къ тебѣ привезъ, кою ты, стало быть, выкупилъ.

Иванъ Анемподистовичъ бросился къ мужику и повисъ у него на шеѣ, какъ у лучшаго друга, какъ у роднаго брата. Слезы такъ и брызнули изъ глазъ молодого купца. Прослезился и мужикъ.

— Гдѣ... гдѣ же она? — задыхаясь спросилъ Иванъ Анемподистовичъ.

— А въ горницахъ стало быть... Да вотъ и она съ матушкой твоей жалуетъ.

Иванъ Анемподистовичъ оглянулся и увидалъ Надю. Онъ бросился къ ней, вскрикнулъ и безъ чувствъ упалъ на землю.

Отъ радости не умирають. Иванъ Анемподистовичъ очнулся очень скоро. Черезъ двѣ недѣли была его свадьба, отпразднованная пышно, богато и весело. Чуть ли не полъ-Москвы было въ церкви желающихъ взглянуть на „купленную невѣсту“.

Было раннее утро осенняго дня.

День выдался ясный, но свѣжій. Холодное солнце заискрилось на золоченыхъ главахъ московскихъ церквей, засверкало въ свѣжихъ струяхъ Москвы-рѣки и ярко освѣтило громадную толпу народа, собравшуюся на Болотной площади, посрединѣ которой мрачно и грозно возвышался черный высокій помостъ — эшафотъ, со столбомъ на одномъ концѣ и со ступеньками на другомъ. Толпа глухо волновалась и гудѣла. Около самаго эшафота стояли мужики торговцы, мастеровые, мальчишки; далѣе талпились и визжали, толкались со всѣхъ сторонъ бабы; за ними въ нѣсколько рядовъ стояли купеческія дрожки съ осанистыми купцами въ пуховыхъ шляпахъ, въ синихъ сибиркахъ, чуйкахъ и кафтанахъ, съ полными купчихами въ яркихъ салопахъ, бархатныхъ и атласныхъ. Увы, тутъ были и дамы высшаго общества!... Недавно было еще это время, какихъ нибудь семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ теперешніе люди съ трудомъ вѣрятъ тому, что было тогда, и готовы съ негодованіемъ отвернуться отъ картинъ того минувшаго времени, которое помнятъ еще старики, благополучно живущіе до сихъ поръ.

Толпу эту на Болотную площадь привела на-

значенная на этотъ день „торговая казнь“ дѣвицы Натальи Савельевой, обвиненной въ разбоѣ, убійствахъ и поджогѣ совершенныхъ шайкою разбойниковъ подъ ея, Натальи Савельевой, атаманствомъ. Толпа все росла и росла, такъ что буточки со своими алебардами ничего не могли подѣлать и тщетно упрашивали и уговаривали толпу, готовую сломать своимъ натискомъ самый эшафотъ. Только прибывшіе казаки водворили порядокъ.

Толпа терпѣливо ждала и толковала.

— Говорятъ, красавица атаманша-то эта, — слышались голоса.

— Да, сказываютъ.

— Чего тамъ „сказываютъ“, ежели мы сами видѣли ее! — произнесъ чисто одѣтый паренъ.

— А вы кто?

— Прикащика купца Латухина. Нашъ хозяинъ то кажинный день калачей въ острогъ посылалъ и деньгами арестантовъ одѣлялъ, мы и послали, такъ видѣли атаманшу.

— Хороша?

— Больно пригожа, братцы! Таскали ее не мало, мытарили всячески, а все таки пригожа. Жаль.

— Не разбойничай.

— Это то вѣрно, а все же жаль.

— Сколько ей предназначено?

— Сорокъ одинъ ударъ, больше этого и не бываетъ, ежели кнутомъ. Плетей, тѣхъ и по сту даютъ.

— Не вынесетъ, чай.

— Гдѣ, голова, вынести!

— Говорятъ, изъ за барыни это она въ разбой

то пошла. Она сперва у барина то въ милости была, а потомъ баринъ тотъ жену себѣ взялъ, ну, жена, конечно, и начала ее, дѣвицу эту, тѣснить, а она, стало быть...

— Везуть, везуть! — раздались голоса и вся толпа взволновалась и хлынула. Медленно двигались черныя дроги, запряженные парюю лошадей. Спиною къ лошадямъ, на высокой скамѣ, связанная къ столбу, сидѣла молодая преступница въ арестантскомъ халатѣ и въ бѣломъ платкѣ. Рядомъ съ нею стоялъ палачъ, громадный мужикъ со звѣрскимъ лицомъ, въ красной рубахѣ, въ накинутаго на плечи арестантскомъ же халатѣ. Солдаты съ ружьями и конные жандармы окружали позорную телѣгу. Сзади на дрожкахъ сидѣли прокуроръ, секретарь уголовной палаты, докторъ и два офицера. Барабанщики, идя около телѣги, выбивали частую дробь...

Когда преступницу ввели на эшафотъ, и секретарь среди гробовой тишины прочиталъ приговоръ, когда палачъ привязалъ преступницу къ „кобылѣ“ и отошелъ немного въ сторону, гаркнувъ на всю площадь свое страшное „берегись, ожгу!“ въ коляскѣ, стоявшей неподалеку отъ помоста, поднялась дама и навела на эшафотъ лорнетъ.

Дама эта была Катерина Андреевна...

Цѣна 1 руб.